

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Θ. САВОДНИКА.

Выпускъ 3-ій.

„РАЗВИТІЕ ИДЕИ НАРОДНОСТИ

ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЪ

СО СМЕРТИ ПУШКИНА“.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжныхъ магазинахъ Бр. Башмаковыхъ
Москва — Петроградъ — Казань.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Θ. Саводника.

Выпускъ 3-ій.

„РАЗВИТІЕ ИДЕИ НАРОДНОСТИ

ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЪ

СО СМЕРТИ ПУШКИНА“.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

Въ 1861 году Аполлонъ Григорьевъ писалъ Н. Н. Страхову: «Есть вопросъ и глубже и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ,—и вопроса о крѣпостномъ состояніи, и вопроса о политической свободѣ: это вопросъ о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*». Изъ самаго тона этихъ словъ и изъ приведенныхъ въ нихъ сопоставленій ясно видно, какое исключительное значеніе имѣла въ глазахъ Григорьева указанная имъ проблема. Можно безъ преувеличенія сказать, что поставленный вопросъ, сводившійся въ своей основѣ къ вопросу о сущности русскаго народнаго духа, о его особенностяхъ и отличительныхъ чертахъ, красной нитью проходилъ черезъ всю литературную дѣятельность нашего критика, начиная съ эпохи его работы въ составѣ «молодой редакціи *Москвитянина*». Въ той или иной формѣ, съ той или иной стороны, Григорьевъ касался этого вопроса почти въ каждой изъ своихъ критическихъ статей, къ нему онъ возвращался всего чаще и всего охотнѣе. Очевидно, вопросъ этотъ особенно притягивалъ къ себѣ его вниманіе, имѣлъ для него не отвлеченный, а жизненный, кровный интересъ.

Современникъ мечтательной и бурной эпохи романтизма, питомецъ германской идеалистической философіи, Аполлонъ Григорьевъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ чисто-русскимъ человѣкомъ, по общему складу своего характера, и *народникомъ*—по направленію своихъ взглядовъ и симпатій,—конечно, не въ смыслѣ позднѣйшаго народничества 70-хъ годовъ. Глубокая и искренняя любовь къ родному народу, особенный интересъ къ его жизни въ ея прошломъ и настоящемъ, чуткая отзывчивость ко всему, въ чемъ сказывается вѣяніе народнаго духа: къ народнымъ вѣрованіямъ, понятіямъ и идеаламъ, къ народному складу чувства и мышленія,—наконецъ, пламенная вѣра въ великія творческія силы русскаго народа и въ его высокое призваніе—вотъ черты,

характерныя для всего міровоззрѣнія Григорьева, въ его цѣломъ, и отразившіяся также, какъ это вполне естественно, и на его литературныхъ взглядахъ. Въ его глазахъ литература и искусство отнюдь не были только изящнымъ украшеніемъ жизни, но дѣломъ глубокой важности и значенія. Онъ твердо держался того взгляда, что литература и искусство,—помимо своей художественной, такъ сказать, общечеловѣческой цѣнности,—являются вмѣстѣ съ тѣмъ могущественнымъ органомъ національнаго самопознанія и самоопредѣленія,—и такимъ образомъ, будучи совершенно чужды узко-утилитарнымъ цѣлямъ, тѣмъ не менѣе исполняютъ функціи высокаго *общественнаго* значенія. Только та литература заслуживаетъ въ глазахъ Григорьева серьезнаго вниманія, которая носитъ на себѣ явственныя слѣды своего національнаго происхожденія, которая почерпаетъ свою силу въ глубинахъ народнаго духа и ясно показываетъ свою глубокую, органическую связь съ нимъ. Поэтому-то онъ съ явнымъ пренебреженіемъ относился къ литературѣ подражательной, заимствованной, къ «литературѣ выдуманныхъ сочиненій»,—какова была, напр., почти вся наша литература XVIII-го и начала XIX-го вѣка, которою онъ интересовался гораздо меньше, чѣмъ, напр., Бѣлинскій. Съ другой стороны, наиболѣе привлекали къ себѣ его интересы и симпатіи именно тѣ писатели, въ творчествѣ которыхъ полнѣе всего отпечатлѣлись особенности русскаго народнаго духа, каковы Пушкинъ и Островскій, его излюбленные «властители думъ».

При такомъ взглядѣ на значеніе литературы вполне понятно то вниманіе, которое Григорьевъ удѣлялъ вопросу о народности въ литературѣ. Рассмотрѣнію этого вопроса въ систематической формѣ онъ посвятилъ цѣлый рядъ статей въ только что основанномъ «Времени» братьевъ Достоевскихъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Развитіе идеи народности въ русской литературѣ со смерти Пушкина». Размахъ, взятый имъ въ этой работѣ, былъ очень широкъ, такъ какъ Григорьевъ затронулъ въ ней и явленія, лежавшія внѣ круга поставленной темы, начавъ свое обозрѣніе еще съ Карамзина, такъ что въ результатѣ долженъ былъ явиться цѣлый курсъ исторіи русской литературы XIX-го вѣка, рассмотрѣнной монографически съ одной опредѣленной точки зрѣнія. Однако, къ сожалѣнію,—какъ это впрочемъ неоднократно случалось съ Григорьевымъ,—въ силу какихъ-то

причинъ онъ не довелъ своего труда до конца, и далъ въ написанныхъ имъ четырехъ статьяхъ только нѣчто въ родѣ введенія въ предполагаемый курсъ. Но и въ такомъ незаконченномъ видѣ работа Григорьева представляетъ очень значительный интересъ, такъ какъ является одной изъ наиболѣе важныхъ для выясненія какъ его литературныхъ взглядовъ, такъ и его общаго міросозерцанія.

Правда, нужно замѣтить, что въ этихъ статьяхъ Григорьевъ не даетъ еще своего опредѣленія народности, не разъясняетъ, какое положительное содержаніе вкладываетъ онъ въ это понятіе. Цѣль его ограничивается пока чисто отрицательной задачей—показать неправильность и недостаточность того представленія народности, съ которымъ уже ранѣе выступали въ нашей литературѣ—и «петербургскій націонализмъ», опиравшійся главнымъ образомъ на Карамзинское пониманіе русской жизни и исторіи, и романтизмъ, провозгласившій «народность» однимъ изъ своихъ лозунговъ, и «оппозиція застою», прикрывавшая этимъ принципомъ стремленія чисто реакціонныя, враждебныя всякому просвѣщенію и здоровому прогрессу. Отъ всѣхъ этихъ теченій Григорьевъ считалъ необходимымъ отмежеваться, дабы избѣжать возможныхъ недоразумѣній. Что же касается до славянофильства, то Григорьевъ не вошелъ въ подробное разсмотрѣніе его пониманія народности, рассчитывая, вѣроятно, посвятить этому вопросу, въ виду его важности, особую статью; но изъ отдѣльныхъ замѣчаній, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ его работы, видно, что и славянофильское пониманіе народности не вполне удовлетворяло его, вызывало съ его стороны возраженія. Изъ всего этого явствуетъ, что, каково бы ни было положительное содержаніе понятія народности въ сознаніи Григорьева, оно во всякомъ случаѣ отличалось большой широтою и не укладывалось въ узкія рамки той или другой книжной теоріи.

Останавливается Григорьевъ въ своей статьѣ и на противоположномъ теченіи общественной мысли—на западниществѣ и его главномъ представителѣ въ русской литературѣ, Бѣлинскомъ. Нельзя не отмѣтить того тона глубокаго уваженія, какимъ Григорьевъ говоритъ о представителяхъ враждебнаго ему лагеря: страстно преданный тому, что онъ считалъ истиной, Григорьевъ былъ однако чуждъ исключительности и нетерпимости, и если онъ и признавалъ взгляды Чаадаева и Бѣлинскаго неправиль-

ными, то это нисколько не мѣшало ему считать ихъ благородными искателями истины, а ихъ дѣятельность—исторически необходимой и во многихъ отношеніяхъ благотворной для умственного и нравственного развитія русскаго общества.

Конечно, не со всѣми мнѣніями Григорьева, можно согласиться; такъ, напр., едва-ли правиленъ его взглядъ на происхожденіе западничества, въ которомъ онъ видитъ прежде всего протестъ противъ ложнаго представленія народности въ современной литературѣ; но даже и тамъ, гдѣ онъ ошибается, Григорьевъ не перестаетъ быть интереснымъ, заставляя иногда взглянуть на вопросъ съ новой и неожиданной точки зрѣнія, вызывая на размышленіе и противорѣчіе. Въстѣ съ тѣмъ на всемъ протяженіи его статьи разбросано немало мѣткихъ наблюденій и остроумныхъ замѣчаній, бросающихъ яркій свѣтъ на многія литературныя явленія: таковы, напр., его замѣчанія о «западничествѣ» Карамзина, отразившемся не только въ его «Письмахъ русскаго путешественника», но и въ его «Исторіи», въ томъ освѣщеніи, которое онъ придаетъ событіямъ и лицамъ русской старины. Очень вѣрно отмѣчаетъ Григорьевъ значеніе «Философическихъ писемъ» Чаадаева въ дѣлѣ возникновенія обоихъ враждующихъ умственныхъ теченій, на которыя раскололась русская интеллигенція 40-хъ годовъ. Интересны его замѣчанія о псевдо-историческихъ романахъ и драмахъ того времени, о причинахъ ихъ быстрого успѣха и столь же быстрого паденія. Наконецъ, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній и остроумныхъ опредѣленій, ярко характеризующихъ сущность того или другого литературнаго явленія и потому заслуживающихъ войти въ общій оборотъ: таково, напр., его опредѣленіе Загоскина, какъ «литературнаго Фамусова», и Писемскаго, какъ «абсолютнаго реалиста».

В. С.

Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина¹⁾.

I.

Вступленіе. Народность и Литература.

I.

Къ числу несомнѣнныхъ, купленныхъ опытомъ фактовъ нашего времени, принадлежитъ тотъ фактъ, что въ сущности нѣтъ уже болѣе теперь у насъ двухъ направленій, лѣтъ за десять тому назадъ рѣзко враждебно стоявшихъ одно противъ другого, — западнаго и восточнаго. Фактъ этотъ пора засвидѣтельствовать для общаго сознанія; ибо для сознанія отдѣльныхъ лицъ, для сознанія каждаго изъ насъ, пишущихъ и мыслящихъ людей, онъ уже засвидѣтельствованъ давно. Это засвидѣтельствованіе, конечно, обошлось весьма многимъ изъ насъ довольно дорого, — потому что не легко вообще разставаться со служеніемъ какимъ бы то ни было идоламъ, — но тѣмъ не менѣе совершилось во всѣхъ добросовѣстно и и здраво-мыслящихъ людяхъ. О недобросовѣстно-мыслящихъ, о привилегированныхъ жрецахъ кумировъ, и о нездраво-мыслящихъ, запуганныхъ кумирами до потемнѣнія сознанія, говорить нечего. Засвидѣтельствовать правду всякаго факта и идти отъ него дальше, идти впередъ, способны бываютъ только тѣ, кто, вступая на новый берегъ, сами сжигаютъ за собою корабли, да простодушное тысячеголовое дитя, называемое массою, которая по инстинктивному чувству идетъ неуклонно впередъ. Жрецы постоянно желаютъ воротить мысль назадъ по той простой причинѣ, что имъ это вы-

¹⁾ „Время“, 1861 г., №№ 2, 3, 4, 5.

годно, что назади у нихъ есть теплый и почетный уголь; пугливое же нравственное мѣщанство такъ же инстинктивно, по чувству самосохраненія, держится за полы жреческихъ ризъ, какъ инстинктивно, по чувству жизни, по вѣрѣ въ жизнь, влечется впередъ масса. Это—общій законъ, который припомнить однако непременно слѣдуетъ, говоря о такомъ значительномъ вопросѣ, какъ вопросъ о народности.

Что самый фактъ перехода вопроса о нашей народности въ совершенно другой вопросъ совершился, это очевидно изъ самаго поверхностнаго взгляда на дѣло. Исключительно народное возрѣніе славянофильства не встрѣтило въ массѣ сочувствія и, достигнутое какимъ-то рокомъ, потеряло самыхъ блестящихъ своихъ представителей ¹⁾). Исключительно западное возрѣніе, сплотившееся въ немногомъ числѣ своихъ послѣднихъ, запоздалыхъ представителей въ „Атеней“ ²⁾)—явилось для публики мрачнымъ возрѣніемъ кружка и встрѣчно было не только равнодушіемъ, но даже негодованіемъ, когда выставило свои крайнія граи, свое печальное убѣжденіе въ томъ, что „австрійскій солдатъ является цивилизаторомъ въ славянскихъ земляхъ“. А вѣдь менѣе, чѣмъ за двадцать лѣтъ можно было безнаказанно, въ порывѣ увлеченія теоріею, проповѣдывать, напримѣръ, что Турція, какъ организованное цѣлое, какъ государство, должна пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ неорганизованный сбродъ славянства, ея порабощеннаго. И тоже менѣе, чѣмъ за двадцать лѣтъ слово: „славянофилъ“ было позорнымъ прозвищемъ!

Въ двадцать лѣтъ много воды утекло. Славянофильство хотя и пало, по пало со славою. Западничество же дожило до грустной необходимости сказать свое послѣднее слово, и слово это—единодушно, единогласно,—такъ сказать, всею землею было отвергнуто съ негодованіемъ. Да и нельзя иначе: славянофильство вѣрило слѣпо, фанатически въ невѣдомую ему самому сущность народнои жизни, и вѣра вмѣнена ему въ заслугу. Западничество шло противъ теченія: оно не признало и не хотѣло признать явленій жизни; оно упорно отрицало въ литературѣ и въ быту народномъ то, что на глазахъ всѣхъ и cadaго или выросло или раскрылось

1) Въ 1856 году скончались братья Кирѣевскіе, въ 1860 году—Хомяковъ и Конст. Аксаковъ.

2) „Атеней“—журналъ, выходившій въ 1858—59 гг. въ Москвѣ, подъ редакціей Евг. Корша.

могучаго и крѣпкаго въ послѣднее десятилѣтіе. Мимо его прошли намѣренно или ненамѣренно имъ незамѣченныя силы; имъ слѣпо отрицались такія явленія, какъ значеніе общины, Островскій съ міромъ раскрытой имъ жизни; пѣсни парода, какъ будто поднимавшіяся изъ подъ спуда; рѣчь народная, вливавшаяся живительной струею въ литературу; поворотъ нравственный къ семейному началу, діаметрально противоположный исключительному протесту и отрицанію сороковыхъ годовъ; возникшая любовь къ преданію, — сильное и быстрое распространеніе изученія родного быта; а главнымъ образомъ — западничество не хотѣло обратить даже вниманія на правдивыя и порожденныя болѣе свободнымъ разъясеніемъ фактовъ обличенія Петровской реформы, на разоблаченія ея несостоятельности въ началахъ и послѣдствіяхъ, несостоятельности, за которую мы и наше время являемся неоплатными должниками. Оно твердило свою старую пѣсню, что Петръ вдвинулъ насъ въ кругъ міровой общечеловѣческой жизни, — пѣсню, о правдѣ которой ни одинъ здравомыслящій человѣкъ съ нимъ и прежде не спорилъ и теперь не споритъ, — и не хотѣло дать въ этой общей міровой жизни права нашей народной особенности, упрямно стремилось заставить насъ повторять чужую жизнь и много-много что рабски продолжать ее въ наукѣ, и еще въ быту общественномъ, — забывая, что въ природѣ вообще нѣтъ и не можетъ быть повтореній, что ни одинъ листъ не похожъ на другой на деревѣ, что не было племени, кромѣ племенъ совершенно отчужденныхъ отъ челоуѣчества, которое бы не внесло чего-либо своего въ міровое движеніе. А тутъ передъ нимъ было не какое-либо видовое племя, а цѣлый особый отдѣлъ индо-европейской расы — славянство, отдѣлъ столь же значительный и древній, какъ эллинизмо или его любимое германство.

Кромѣ того, исключительное западничество шло такъ далеко въ своей вѣрѣ въ „прогрессъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ подчиняло идею прогресса теоріи, созданной германствомъ и романствомъ, что всю жизнь предковъ и всякую жизнь, не подходившую подъ эту условную теорію, лишало какого бы то ни было челоуѣческаго значенія, отчисляло прямо къ звѣрству. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Но доведите даже и теперь любого исключительнаго западника (попадаютъ такіе и теперь, но уже рѣдко) до павной послѣдовательности мысли, и онъ долженъ будетъ сказать вамъ свое затаенное, задушевное убѣжденіе, что Влади-

міръ Мономахъ, напрімѣрь, Мстиславъ Мстиславичъ, Прокопій Липуновъ и Мининъ были (по его мнѣнію, конечно) въ сущности не люди, а звѣри, во-первыхъ, потому, что родились въ XI, XII и XVII столѣтіяхъ, а не въ XIX, во-вторыхъ же, потому, что не имѣли счастья принадлежать къ единственно-человѣческой германо-романской породѣ... Презрѣніе западниковъ къ родному быту и къ его преданіямъ точно также доходило, и подчасъ даже доходитъ теперь еще, до положительныхъ нелѣпостей. Весьма недавно высказана, напрімѣрь, была въ „нараллеляхъ“ г. Палимпсестова, напечатанныхъ въ „Русскомъ Словѣ“, между множествомъ дѣльнаго, та дикая мысль, что полезно было бы замѣнить пѣсни нашего народа чѣмъ-либо болѣе соотвѣтствующимъ „*правственности*“ ¹⁾.

Такого посягательства на свои коренныя основы не простить ни одна жизнь, хоть бы даже она была и звѣриная. Такое посягательство совершаемо было притомъ и совершается во имя узкой теоріи, во имя условнаго идеала образованности и правственности,—какъ будто бы *вотъ* его, этого германо-романскаго идеала, ничего не было въ прошедшемъ и будущемъ для человѣчества.

Западничество съ готовыми мѣрками, со взятыми на прокатъ данными, приступало къ живой жизни. Въ этомъ его сила, въ этомъ же, пожалуй, и его историческая заслуга. Нѣтъ сомнѣнія, что романо-германскій міръ своимъ долгимъ и славнымъ существованіемъ выработалъ великіе общественные, правственные и художественные идеалы, какъ нѣкогда выработалъ таковыя же міръ эллино-римскій. Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ какой новой жизни идеалы эти не должны пройти безслѣдно; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что всякая новая жизнь имѣетъ собственныя могучія силы творчества, носитъ въ себѣ свои идеалы, которые отрицать ради прежнихъ, готовыхъ и выработанныхъ, какъ бы блестящи эти прежніе ни были,—и грѣхъ, да и фактически невозможно.

На теорію западничества, уничтожавшую жизнь въ крайнихъ логическихъ послѣдствіяхъ своихъ отвѣчало и славянофильство не меньшими крайностями, въ особенности же въ пылу битвы. Ясно теперь дѣло, что ни широкая и многосторонняя натура Хомякова, ни глубокій умъ И. В. Кирѣевскаго не были чужды пониманія красоты и величія идеаловъ западной жизни, тѣмъ болѣе, что и тотъ и другой, да и все славянофильство на этихъ идеалахъ вос-

¹⁾ И. У. Палимпсестовъ, ученый, много писавшій по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ.

питались, что съ германскимъ раціонализмомъ оба нынѣ спящіе въ могилахъ благородные борцы сражались оружіемъ того же раціонализма. Но, въ пылу битвы, заведенные въ логическія крайности, они, и еще болѣе ихъ слѣпые послѣдователи, отвѣчая на теорію западничества, постоянно увлекались тоже въ теорію, которая, въ сущности, какъ и всякая теорія, мало уважала живую жизнь. Имъ выставляли западные идеалы развитія за конечное слово челоуѣчности. Не мирясь съ такою конечностію, чуя въ жизни ихъ окружавшей новыя силы, хотя только-что чуя, а не зная ихъ, они доходили путемъ противорѣчія до того результата, что Западъ отжилъ, что тамъ, по выраженію высокаго Хомяковскаго стихотворенія, —

Свѣтила блѣдныя мерцають, догораютъ,

и въ поэтическомъ одушевленіи новою вѣрою зывали:

Проснися, дремлющій Востокъ!

Рьяные послѣдователи ихъ фанатически проповѣдывали уже въ видѣ догмата мысль о томъ, что Западъ отжилъ, что основы его жизни разбиты или разбиваются, сходясь, впрочемъ, въ этомъ съ крайними теоретиками самого Запада. Грязные же адепты мракобѣсія и существующаго подхватывали слова, что Западъ отжилъ, и переводили ихъ словами, что Западъ сгнилъ; изъ чего ео ipso выходитъ странный для многихъ, хоть вовсе не логическій результатъ, что у насъ все процвѣтаетъ, — „тишь да гладь, Божья благодать!“ Пасколько такой выводъ несвойствененъ былъ всѣмъ благороднымъ представителямъ славянофильства—оказалось ясно какъ день изъ всей ихъ энергической, хотя и безуспѣшной дѣятельности въ „Сборникахъ“ и въ „Бесѣдѣ“. Покойный Хомяковъ говорилъ часто, что Англія лучшее изъ *существующихъ* государствъ, а Россія—лучшее изъ *возможныхъ*, да велѣдъ затѣмъ съ злою и грустною ироніей прибавлялъ всегда, что, можетъ быть, такъ она и останется лучшимъ изъ *возможныхъ*.

Горькій смыслъ этой ироніи слишкомъ прямо противорѣчилъ непрощеннымъ выводамъ адептовъ мрака, чтобы благородное направленіе славянофильства нужно было оправдывать въ какой-либо связи съ ученіями „Маяка“ и иныхъ мрачныхъ изданій ¹⁾.

¹⁾ „Маякъ“—журналъ крайняго реакціоннаго направленія, издававшійся въ 1840—45 гг. въ Петербургѣ. Редакторомъ его былъ отставной морякъ С. А. Бурачекъ.

Западничество, во имя своихъ готовыхъ идеаловъ, отрицало всякое значеніе жизни, прожитой нами до Петровской реформы; не зная этой жизни и даже чуть-чуть что не хвастаясь своимъ незнаніемъ, оно ругалось падъ нею при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, мѣрило пашу исторію, преданія, сказки, пѣсни, нравственныя понятія идеалами германо-романскаго міра и, не находя въ нашемъ ничего подходящаго къ этимъ готовымъ идеаламъ, отворачивалось отъ всего нашего съ омерзеніемъ. Славянофильство, тоже мало зная жизнь народа изъ самой жизни, но за то глубоко знакомое съ исторією старой нисьменности и ловившее съ благоговѣніемъ все записываемое, однимъ словомъ—изучавшее родной бытъ, постепенно доходило до теорій, что наша жизнь совѣмъ иная жизнь, совѣмъ особенная, ничего общаго съ западною жизнію не имѣющая, управляемая совершенно новыми, никѣмъ еще не раскрытыми таинственными законами, особыми, новыми нравственными понятіями. Гдѣ таинственность—тамъ вѣра, а пока вѣра не опредѣлилась въ догму, она сопутствуется постоянно фанатизмомъ, какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ.

Keimt ein Glaube neu,
Wird oft Lieb' und Treu'
Wie ein böses Unkraut ausgerauft ¹⁾,

какъ сказалъ одинъ изъ самыхъ вѣщихъ поэтовъ.

Но передъ славянофильствомъ опять-таки стоялъ идеаль, стояла *возможность*, стояло будущее, долженствовавшее, по его убѣжденію, родиться изъ доселѣ невѣдомой, доселѣ какъ бы подъ снудомъ лежавшей жизни. Мракобѣсіе перевело эту мысль на свой языкъ; оно готово было взять существующее, дѣйствительность за идеаль жизни. Кто читалъ глубокія, хотя небольшія количествомъ французскія брошюры Хомякова, въ которыхъ полемически развивалъ онъ все свое религіозно-философское міросозерцаніе, тотъ, вѣроятно, сразу попялъ, какая непроходимая бездна отдѣляла славянофильство отъ ученій мрака.

По славянофильство было теорія и, какъ всякая теорія, влеклось роковымъ процессомъ къ крайнимъ результатамъ. Западничество отвергало все значеніе нашей исторической и бытовой жизни до реформы Петра; славянофильство отвергло всякое зна-

¹⁾ Когда зарождается новая вѣра, то часто любовь и вѣрность вырываются, какъ сорная трава (Гёте: „Кориннская невѣста“). *Примѣч. В. С.*

ченіе реформы, кромѣ вреднаго. Оно забыло, что еслибъ даже спали мы въ продолженіе болѣе полутора ста лѣтъ, мы, спавши, все-таки видѣли сны, примѣривали себя къ грезившимся намъ идеаламъ, развивали наши духовныя силы или возможности въ борьбѣ хотя-бы и съ призраками,—и стало быть просыпаемся или проснемся не тѣми, какими легли, а съ извѣстнымъ запасомъ благо-или не благо-, но все-таки пріобрѣтенныхъ данныхъ, которыя непремѣнно должны лечь въ основы нашей новой жизни, какъ предѣлъ, его же не преjdeши.

Въ пылу битвы за свое отрицаніе реформы, славянофильство само иногда роняло нѣсколько случайныхъ словъ въ защиту такихъ явленій до-Петровскаго быта, которыя никакими общечеловѣческими идеалами не оправдываются. Эти слова подхватывали на лету и противники, т.-е. западники, и неспрошенные товарищи, т.-е. адепты мрака. Тѣ и другіе, съ различными, конечно, цѣлями, развивали ихъ до крайнихъ крайностей. Явилась, напр., въ какомъ-то сельскохозяйственномъ журналѣ злобная выходка противъ русской бабы. Въ выходкѣ, кромѣ злобы, все было справедливо: антиязычныя и антинравственныя черты несчастной подруги русскаго человѣка схвачены были съ самою ядовитою мѣткостью и выставлялись на позоръ съ беспощаднымъ цинизмомъ. Славянофильство было оскорблено фешенебельнымъ тономъ этой выходки, оскорблено въ святомъ своемъ чувствѣ, въ любви и уваженіи къ народу; но въ пылу негодованія вооружилось не на тонъ, а на сущность выходки. Вооружившись на тонъ, оно было совершенно право; вооружившись на сущность, оно вовлеклось роковымъ процессомъ въ крайность теоріи. Оно вступилось, напр., за святость и духовность брачнаго союза, возстало на чувства и пониманіе брачныхъ отношеній автора выходки—и увѣ! тутъ ужъ, дошедши до скандала, могло смѣло вести принципъ славянофильства до той грани, что по *новымъ* пачаламъ жизни *новаго* славянскаго міра брачное сожителство должно основываться не на влеченіи и любви, а чуть ли не на взаимномъ отвращеніи pour la mortification de la chair,—а это была уже такая грань, на которой ученіе славянофильства сходилось съ ученіями мрака. Мы взяли одинъ только фактъ, наиболѣе рѣзкій и о которомъ память еще свѣжа, ибо онъ принадлежитъ въ 1856 или 1857 году; а такихъ фактовъ, такихъ роковыхъ увлеченій теоріею, славянофильство имѣетъ за собою довольно. Въ средѣ слѣпыхъ его послѣдовате-

лей, даже батоги и правезъ стараго быта находили защитниковъ, хотя, надобно сказать правду, защита эта была всегда вызываема борьбою съ беспощаднымъ отрицаніемъ западниковъ.

Къ этому надобно еще присовокупить, въ видѣ облегчительныхъ обстоятельствъ, какъ для западниковъ, такъ равно и для славяфиловъ, то, что борьба между пими шла не на открытомъ полѣ, что по большей части всѣ важные и существенные вопросы науки и жизни должны были высказываться и оспариваться въ какихъ-то мистическихъ формахъ. Зачастую дѣло шло вовсе не о томъ, о чемъ шла рѣчь. Нерѣдко противники не понимали другъ друга, въ особенности же западники славянофиловъ,—чѣмъ только и можно объяснить жесточайшую вражду къ славянофильству Бѣлпнскаго, вражду, которая, впрочемъ, въ послѣднее время его жизни, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя его письма, начинала переходить въ чувство совершенно противоположное.

Хотя Шекспиръ и говоритъ отъ лица своего Энобарба въ „Антоніи и Клеопатрѣ“, что

Время

Всегда на то, что происходитъ въ немъ;

но едва-ли есть сомнѣніе и въ томъ, что

бываютъ времена

Совсѣмъ особеннаго свойства,

что бываютъ времена совершенно парализирующія или обезпложивающія всякія силы—времена безвыходной тьмы, подземной работы силъ, въ которыя нерѣдко то, что должно было бы идти рука объ руку,—разъединено, толкаетъ одно другое, враждуетъ одно съ другимъ. Такихъ грустныхъ эпохъ не мало въ исторіи чело-вѣчества.

Дѣло въ томъ, что какъ передъ западничествомъ стоялъ высокій, передовой идеалъ жизни, идеалъ честно проносимый сквозь всю безразсвѣтную тьму такими благородными дѣятелями, каковы были, напримѣръ, П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Бѣлинскій, Т. Н. Грановскій,—такъ и передъ глубокомысленными, даровитыми или высоко-самоотверженными личностями, составлявшими славянофильство, каковы Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковъ,—стоялъ идеалъ тоже передовой, а вовсе не задній.

II.

Исходная точка западничества заключалась въ увлеченіи всѣмъ, что человѣчество выработало великаго и прекраснаго въ XVIII столѣтіи своей обновленной жизни. Кругомъ себя оно не видало не только отраженій этого великаго и прекраснаго, но не слыхало даже положительныхъ отзывовъ на него. Исходною точкою и положеніемъ въ настоящемъ опредѣлились и крайнія грани той теоріи, за которую оно должно было схватиться, какъ за единственную доску спасенія. Тамъ—свѣтъ, здѣсь—мракъ безвыходнаго невѣжества; итакъ—къ свѣту, на просторъ, какъ тотъ Мѣднѣй Всадникъ, въ обаятельно-грозной личности котораго трудно разочароваться намъ всѣмъ, даже до сихъ поръ, даже послѣ всѣхъ разоблаченій страшныхъ, окружающихъ ту личность и неотдѣлимыхъ отъ нея, фактовъ,—и трудно именно потому, что этотъ Мѣднѣй Всадникъ все-таки полнѣйшій въ добрѣ и злѣ представитель нашего духа... Такъ и пошло западничество, пошло смѣло, честно, рѣшительно, съ перваго же шага.

Никогда ничего прямѣе и смѣлѣе не сказало оно того, что сказало съ этого перваго шага въ знаменитомъ письмѣ П. Я. Чаадаева, появившемся, по вѣчной ироніи судьбы, въ журналѣ, котораго редакторъ, Н. И. Надеждинъ, былъ однимъ изъ поборниковъ славянской народности до того, что готовъ былъ защищать даже кулакъ въ подстрочномъ примѣчаніи къ одной изъ молодыхъ рецензій Бѣлинскаго въ „Молвъ“, однимъ изъ жаркихъ сторонниковъ и ревностныхъ дѣятелей славянофильства въ продолженіе всей своей высоко-полезной жизни. Письмо Чаадаева, помѣщенное имъ, какъ любопытное своей повостью иновѣданіе убѣжденій, было тою иерчаткою, которая разомъ разъединила два, дотолѣ если не соединенные, то и не разъединенные, лагеря мыслящихъ и пишущихъ людей. Въ немъ впервые *неотвлеченно* поднять былъ вопросъ о значеніи нашей народности, самости, особенности, до тѣхъ поръ мирно покоившіяся, до тѣхъ поръ никѣмъ не тронутый и не поднятый.

Для того, чтобы понять дѣйствіе и значеніе письма Чаадаева, нужно бросить бѣглый взглядъ на исторію отношеній литературы нашей къ народности съ самаго начала ея, нашей гражданской литературы, т.-е. съ Тредьяковскаго и Ломоносова.

Прежде всего сказать должно, что до 1836 года, никто изъ

писателей и поэтовъ, отъ Ломоносова до Пушкина включительно, не сомнѣвался въ нашей народности, т.-е. въ томъ, что мы—известная народность, особенность, самость. XVIII столѣтіе въ Европѣ вообще чуждалось вопроса о народностяхъ, проникнутое вѣрою въ прогрессъ и въ отвлеченное человѣчество; но объ насъ даже и этого сказать нельзя. Какъ племя совершенно новое, только что вошедшее въ обще-міровую жизнь, мы болѣе или менѣе сознавали себя новымъ и особымъ племенемъ. Идя, въ передовыхъ нашихъ людяхъ мысли и дѣла, по пути Петровской реформы, преслѣдуя невѣжество, ханжество и тупую жизнь съ Кантемиромъ, стремясь на проломъ къ свѣту и образованію съ Ломоносовымъ,—мы однако съ Щербатовымъ оглядывались и назадъ, и отъ „всееобщаго развращенія нравовъ“ искали опоръ въ старыхъ основахъ жизни; мы съ фонъ-Визинимъ до циническаго юмора были русскими даже за границей; мы съ великимъ дѣятелемъ прогресса Новиковымъ (предисловіе къ изданію Вивліюеики) ¹⁾ вмѣняли въ стыдъ и поношеніе незнаніе жизни и письменности доблестныхъ предковъ. Когда во всей остальной Европѣ царило рабское служеніе французской мысли и рабское подражаніе образцамъ французской литературы; когда никто не думалъ и думать даже не хотѣлъ тамъ о томъ, какъ мыслить, чувствуютъ, живутъ, поютъ и вѣрятъ *необразованныя* массы, называемыя „народами“; когда прошедшее Европы, все до эпохи великаго короля, провозглашено было на судѣ Вольтера варварскимъ и только интересовало записныхъ ученыхъ,—у насъ Чулковъ и Новиковъ издавали сборники народныхъ пѣсень и сказокъ, да еще издавали, сравнительно съ послѣдующими издателями, крайне добросовѣстно, по возможности мало или даже вовсе ничего не измѣняя; у насъ Новиковъ издавалъ Древнюю Вивліюеику не для ученыхъ специалистовъ, а положительно для всѣхъ любящихъ серьезное и разумное чтеніе людей, сначала даже (въ первомъ изданіи) какъ изданіе сжемѣсячное—замѣтьте это и найдите мнѣ въ остальной Европѣ тогдашней подобное, съ такою именно *целью* веденное,

---

¹⁾ Въ предисловіи къ изданію „Древней російской Вивліюеикѣ“ (1773) Новиковъ писалъ между прочимъ: „Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземскихъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣнія о своихъ Предкахъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ, но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оними“.

Пимч. В. С.

пзданіе! Самъ Тредьяковскій, назвавшій нѣсколько разъ народную рѣчь *подлюю* рѣчью (помимо того обстоятельства, что слово: подлый, т.-е. „подолый“, „низменный“, не имѣло еще тогда своего теперешняго значенія), самъ Тредьяковскій, говорю я, проговаривался такъ болѣе какъ лакей, чѣмъ какъ писатель и ученый. Какъ писатель, онъ изучалъ тщательно и церковный языкъ и народную рѣчь. Ломоносовъ, пламенный поборникъ реформы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ жизни и ученой дѣятельности ярымъ борцомъ за нашу умственную независимость и самостоятельность. Сатирическая литература наша равно относилась съ обличеніемъ и къ мрачнымъ явленіямъ стараго быта, и къ пустымъ явленіямъ обезьянства и фальшиваго, поверхностнаго образованія,—едва ли даже къ этимъ послѣднимъ явленіямъ не съ бдльшею рѣзкостью,—начиная отъ самого Кантемира, первороднаго сына реформы. Великая Императрица собирала русскія пословицы, а въ комедіяхъ боролась съ обезьянствомъ столько же, сколько и съ предрасудками стараго быта. Забудьте, повторяю, что всѣ эти явленія совершались тогда, когда Германія въ лицѣ Готшета отрекалась вполне отъ своей умственной самости въ пользу французскаго направленія. Правда, что въ пей уже образовывалась п борьба за самостоятельность въ лицѣ Клопштока и его друзей, клявшихся быть древними германцами передъ Ирминовымъ столбомъ. У насъ ничего этого не было еще—ни отрицанія нами нашей народности, ни борьбы за нее,—и клятвамъ юныхъ товарищей Клопштока передъ *Irmingsäule* суждено было у насъ повториться только послѣ 1836 года въ равнозначительныхъ явленіяхъ, каковы: ношеніе древнихъ святославокъ и мурмолокъ ¹⁾).

Такое спокойное отношеніе наше къ нашей народности въ XVIII вѣкѣ вовсе, впрочемъ, не должно быть вмиено намъ въ какую-либо особенную заслугу, и тѣмъ еще менѣе, конечно, слѣдуетъ изъ этого, чтобы мы опередили остальную Европу въ духовномъ развитіи. Этотъ выводъ былъ бы очень лестенъ для нашей народной гордости, но мало справедливъ.

Значитъ это просто, что мы были племя еще новое, еще свѣ-

1) „*Irmingsäule*—„Арминіевъ столбъ“ постоянно поминался въ патристически настроенной лирикѣ кружка молодыхъ поэтовъ, группировавшихся вокругъ Клопштока и мечтавшихъ о національномъ возрожденіи Германіи, олицетвореніемъ котораго былъ полу-легендарный Германъ (Арминій), побѣдившій римлянъ въ Тевтобургскомъ лѣсу.

жее, еще—говоря по необходимости философскимъ языкомъ—вышедшее изъ своей непосредственности. Значить это также и то, что реформа вовсе не совершилась *ex abrupto* и разомъ, что вовсе, съ одной стороны, не была она для насъ такъ чужда и *удивительна*, не поразила такъ нашего сознания, чтобы раздвоить въ немъ сразу для насъ самихъ два міра—міръ нашей до-Петровской, и міръ нашей послѣ-Петровской жизни; а съ другой стороны, вовсе не такъ цѣльна и мгновенна, чтобы разомъ разрушить наши связи съ старымъ бытомъ. Кто знакомъ съ сочиненіями Посошкова, тотъ знаетъ, конечно, какіе реформаторы, даже подчасъ беспощадные, и при Петрѣ, и вѣроятно еще до Петра, таились въ средѣ народа, но знаетъ также и то, что эти реформаторскія стремленія, послѣдовательныя въ своемъ утилитаризмѣ до дикости, до проведенія китайскаго уровня и однообразія во всемъ быту, смѣляя до крутыхъ мѣръ („аще сто-другое судей падеть — не лиха бѣда“), идутъ рука объ руку съ самымъ узкимъ и непосредственнымъ націонализмомъ, съ запретительными торговыми системами, съ враждою къ иноземцамъ и съ глумленіемъ надъ ними, въ особенностн надъ нѣмцами...

Разъединеніе нашего сознания съ до-Петровскимъ бытомъ совершалось постепенно. Въ нравахъ и въ быту общественномъ господствовало рѣшительно двоевѣріе: явленія старой жизни въ самыхъ ужасающихъ ея крайностяхъ шли объ руку съ подражаніемъ Франціи. Образование и передовыя понятія рѣшительно брались только на прокатъ; все, что добросовѣстно хотѣло прилагать ихъ къ жизни, гибло. Въ литературѣ лирическое, или, лучше сказать, ходульное направленіе воспѣвало „Росса родъ великодушный“, сатирическое глумилось надъ двоевѣріемъ; и ни передъ лириками, ни передъ сатириками не стояло въ сознаніи никакого опредѣленнаго, живого, такъ сказать уловимаго идеала, ни народнаго, ни обще-европейскаго. Созерцаніе жизни величайшаго лирика той эпохи, Державина, сводится все въ такія общія положенія, которыя на половину тождественны съ началами созерцанія церковной письменности, на половину же внушены идеями просвѣщенія (*der Aufklärung*), т.-е. общимъ духомъ, общимъ вѣяніемъ столѣтія: таковъ Державинъ парадно, въ *возвышенномъ* настроивствѣ;—на раснашку же, въ аиакреонтическомъ родѣ, онъ просто эпикуреецъ, да только не эпикуреецъ-философъ, какъ Гораций, не эпикуреецъ по прирожденному художественному наслажденію жизнию, какъ

грекъ Анакреонъ, а просто-на-просто русскій татаринъ, съ сильною чувственною фантазією восточнаго человѣка, разбавленною грязноватымъ юморомъ непристойныхъ пѣсенъ и сказокъ русскаго народа. У величайшаго представителя сатирической струи, у фонъ-Визина идеала тоже нѣтъ: мы видимъ только, что комикъ смѣется, смѣется безпощадно и равно зло надъ ханжествомъ совѣтника и надъ обезьянствомъ Иванушки, смѣется въ этомъ послѣднемъ лицѣ надъ ученіями французскихъ философовъ XVIII вѣка; но во имя чего онъ смѣется, этого мы не видимъ. Здоровый русскій разумъ, проникающій до послѣдней строки все, что писалъ фонъ-Визинъ—самъ по себѣ сообщаетъ его произведеніямъ только отрицательное свойство. Идеала нѣтъ еще передъ фонъ-Визинимъ, тогда какъ о Грибоѣдовѣ, напримѣръ, и тѣмъ паче о Гоголѣ, вы уже этого не скажете. И правосудовы и другія честныя лица фонъ-Визина — чисто азбучныя правила, представители здраваго разсудка—не болѣе, а не какихъ-либо стремленій и идей, имѣющихъ плодъ и цвѣтъ.

И это потому, что, какъ лирикъ Державинъ, такъ и комикъ фонъ-Визинъ по натурѣ художники, т.-е. люди съ чутьемъ жизни, съ безсознательно практическимъ ея пониманіемъ. Чего не было въ жизни, того они и не дали—ни созерцанія, ни идеаловъ.

Искатели идеала, люди съ стремленіями общественными, или въ отчаяніи отодвигали идеаль назадъ въ прошедшее, какъ Щербатовъ, или предавались безотвѣтнымъ порывамъ къ будущему, какъ Радищевъ. И въ сущности, ни Щербатовъ не былъ отсталымъ, ни Радищевъ передовымъ человѣкомъ. Какъ тотъ, такъ и другой не выносили только двоевѣрія общественнаго, и прямо возставали на то, что имъ, исключительно честнымъ, но нисколько не даровитымъ, не необыкновеннымъ людямъ, казалось развратомъ и ложью, тогда какъ всѣ другіе беззаботно и слѣпо увлекались окружавшей ихъ жизнью, и развѣ только глумились во имя здраваго разсудка, т.-е. чисто только отрицательно, надъ комическими явленіями общественнаго и нравственнаго двоевѣрія.

Достойно между тѣмъ замѣчанія то обстоятельство, что въ лицѣ Щербатова и Радищева какъ-бы заранѣе обозначались два будущихъ лагеря мысли. Честный, хотя почти бездарный историкъ, равно какъ благородный и пламенный, но тоже почти бездарный публицистъ—оба въ сущности искатели идеаловъ; только у одного идеаль лежитъ въ прошедшемъ, у другого — положительно раз-

рознень со всякою дѣйствительностью, чѣмъ и объясняется малое сочувствіе къ нему Державина въ его эпоху, и Пушкина въ другую.

Указывая на двѣ эти личности, я, конечно, не хочу сказать, чтобы въ нихъ выразились уже два стремленія послѣдующаго времени, т.-е. славянофильство и западничество, хотя нельзя не видѣть и стало быть нельзя не указать на тотъ знаменательный фактъ, что стремленіе къ идеалу сразу же выразилось у насъ въ двухъ формахъ: въ положительной привязанности къ старинѣ и въ отрицательномъ отношеніи къ дѣйствительности.

Въ сущности, двухъ лагерей еще и не могло тогда образоваться. Взглядъ на жизнь нашего XVIII столѣтія вовсе не былъ такъ разрознень со взглядомъ до-Петровскаго времени, какъ взглядъ XIX столѣтія. Щербатову было очень легко проникнуться жизненными идеалами временъ до реформы; ибо самые эти идеалы еще носились въ воздухѣ. Въ жизни руководились русскіе люди еще все тѣми же нравственными правилами, какъ въ до-Петровское время. Другія правила, другіе взгляды брались только на прокатъ... Этимъ объясняется и то, что историческій тонъ Щербатова и Татищева гораздо ближе къ тону нашихъ лѣтописей, чѣмъ тонъ Карамзина; этимъ же объясняется и возможность изданія Новиковымъ памятниковъ древней письменности для общаго чтенія.

И между тѣмъ изъ Новиковской школы, по вѣчной ироніи судьбы, вышелъ человекъ, которому суждено было начать въ литературѣ и въ самой жизни раздѣленіе между старымъ и новымъ воззрѣніемъ. Я говорю о Карамзинѣ...

Славянофильство почему-то присвоивало себѣ почти исключительно это великое и почтенное имя; но его точно съ такимъ же правомъ можетъ присвоить себѣ и западничество. Первоначальная дѣятельность Карамзина въ его „Письмахъ русскаго путешественника“, въ его повѣстяхъ и журнальныхъ статьяхъ, конечно, ужъ никакъ не можетъ быть названа славянофильскою, и не даромъ вызвала она такое сильное иротиводѣйствіе со стороны ноборниковъ старины, во главѣ которыхъ стоялъ Шишковъ, и которые, впрочемъ, тоже не могутъ-быть названы славянофилами въ смыслѣ современныхъ славянофиловъ. Карамзинъ въ первую и вторую даже эпоху своей дѣятельности, до 1812 года, является первымъ вполне живымъ органомъ обще-европейскихъ идей, и его дѣятельность впервые прививаетъ ихъ къ нашей общественной и нрав-

ственной жизни. И это по той простой причинѣ, что онъ былъ первый живой и дѣйствительный талантъ въ русской литературѣ, за исключеніемъ комика фонъ-Визина: одами Державина, хотя и доказывающими несомнѣнно присутствіе огромнаго, но безобразнаго таланта,—можно было восхищаться только по заказу; стало быть въ жизнь, въ плоть, въ убѣжденіе онъ переходили столь же мало, какъ „Россіада“ бездарнаго Хераскова, какъ трагедіи Княжнина. Ничѣмъ этимъ нельзя было *жить* нравственно, потому-что все это только *сочинялось*, и вся російская словесность до Карамзина, за исключеніемъ комедіи фонъ-Визина и нѣсколькихъ удачныхъ сатирическихъ попытокъ, была рядомъ „выдуманныхъ“ сочиненій.

Карамзинимъ же и его дѣятельностью общество начало жить нравственно. Онъ внесъ живую струю въ жизнь, какъ живой и дѣйствительный талантъ. Вотъ, кажется мнѣ, простое обстоятельство, которое однако всегда забывали, исчисляя множество заслугъ Карамзина и часто даже ихъ преувеличивая, между тѣмъ какъ одного этого достаточно для того, чтобы поставить Карамзина во главѣ нашего дѣйствительнаго—и стало быть народнаго литературнаго движенія. Онъ первый нравственно подѣйствовалъ на общество, далъ литературѣ воспитательное и руководительное значеніе... Его дѣйствіемъ на современниковъ объясняется и фанатизмъ его отчаянныхъ приверженцевъ и поклонниковъ, каковъ, напримѣръ, былъ еще не очень давно умершій и наивный до смѣшнаго Иванчинъ-Писаревъ ¹⁾.

Для насъ, людей иной эпохи, въ Карамзинѣ почти-что ничего не осталось такого, чѣмъ-бы мы могли нравственно жить хотя одинъ день; но безъ толчка, даннаго литературѣ и жизни Карамзинимъ, мы не были бы тѣмъ, чѣмъ мы теперь.

Струя, которую внесъ Карамзинъ въ общественную жизнь и нравственность, была струя сентиментальная, струя общеврожденная тогдашней эпохѣ. Нужды нѣтъ, что въ тогдашней общественной эпохѣ эта струя была не одна; нужды нѣтъ, что наравнѣ съ великимъ женеваскимъ чудачкомъ—если не больше—царилъ надъ

---

¹⁾ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ (1794—1840), мало талантливый, но очень плодовитый писатель Карамзинской школы, писавшій въ стихахъ и прозѣ, между прочимъ и въ „Москвитянинѣ“ Погодинской редакціи. Ему принадлежитъ книга: „Духъ Карамзина, или избранныя мысли и чувствованія сего писателя“ (Москва, 1827).

умами великій отрицатель и пересмѣшникъ, фернейскій философъ; нужды нѣтъ, что благородная муза Шиллера уже сказывалась тогда своими пламенными и юношескими звуками, звавшими къ любви и братству; нужды нѣтъ, что Эммануэль Каитъ, своими категоріями, повидимому, ограничивая человѣческой разумъ, прокладывала ему широкую дорогу, — нужды нѣтъ, говорю я, что ничего этого не отразилось въ дѣятельности Карамзина. Для пробужденія общества отъ нравственной апатіи было довольно и того, что онъ далъ. „Вольтеріанство“ въ азіатскомъ быту переводилось какъ право все дѣлать и ничего нравственно не бояться; стремленія Шиллера были бы непонятны, — а ужъ до Канта куда было какъ далеко!..

Талантъ внолигъ, талантъ чуткій и глубоко впечатлительный, Карамзинъ, вѣроятно безсознательно, какъ всякій талантъ, далъ обществу то, что было ему нужно... Не далъе, какъ за нѣсколько строкъ, я сказалъ, что для насъ въ Карамзинѣ почти ничего не осталось, но готовъ иочти взять назадъ свои слова, какъ только перенесся я въ его эпоху и въ лѣта собственнаго отрочества, какъ только припомнилъ „Письма русскаго путешественника“. Бѣлинскій, подъ вліяніемъ тѣхъ великихъ идей, которыми онъ пламенно увлекался, и еще болѣе подъ вліяніемъ необходимости ратоборствовать противъ фанатическихъ поклонниковъ Карамзина, уже нѣсколько смѣшныхъ, но еще существовавшихъ въ его время (въ его время—припомните это! въ тридцатые годы XIX вѣка!), Бѣлинскій, говорю я, попрекалъ эту книгу ея пустотою, вопіялъ на то, что много русскаго путешественника проходили незамѣченными величавѣйшія явленія тогдашней западной жизни, а мелочныя, напротивъ, занимали у него первый планъ... Все это такъ, все это совершенно справедливо съ нашей, современной, такъ-сказать, приподнятой точки зрѣнія, а все-таки „Письма русскаго путешественника“ книга удивительная, и читая ее, эту книгу, даже теперъ, вы понимаете, что она должна была сдѣлать съ тогдашнимъ обществомъ. *Впервые* русскій человекъ является въ ней не книжно, а душевно и сердечию сочувствующимъ общечеловѣческой жизни,—приходить въ эту общечеловѣческую жизнь не дикаремъ, а сыномъ! Вспомните записки фонъ-Визина о его путешествіи, эти гениально-остроумныя замѣтки дикаго человека, человека, такъ-сказать, съ хвостомъ звѣринымъ, холящаго и лелѣющаго свой хвостъ съ примѣрнымъ попеченіемъ, какъ еще мно-

гіе изъ насъ доселѣ его холять и дельють... Вѣдь, право, мало разницы въ міросозерцапіи Лихачева и Чегоданова (посланниковъ Алексѣя Михайловича въ Тоскану и Венецію) и въ міросозерцапіи фонъ-Визина. Ему такъ же, какъ Лихачеву и Чегоданову, все не-наше кажется чуднымъ, и надъ всѣмъ не-нашимъ онъ острится, острится великолѣпно, но грубо... Звуки польскаго языка въ варшавскомъ театрѣ кажутся ему подлыми; о цѣлой великой націи замѣчаетъ онъ только, что „разсудка французъ не имѣть, да и имѣть его почелъ бы за величайшее несчастье“; въ энциклопедистахъ видитъ онъ только людей жадныхъ до денегъ изъ чужого кармана...

И вотъ, посреди этого общества, котораго талантливѣйшій выразитель такъ упорно отстаиваетъ свою исключительность и особность,—является юноша съ живымъ сочувствіемъ ко всему доброму, прекрасному и великому, что выработалось въ общечеловѣческой жизни. Этотъ юноша стоитъ въ уровень со всѣми высокообразованными людьми тогдашней Европы, хотя и не понимаетъ еще удивленныхъ мыслителей Германіи, не смѣетъ еще вполнѣ отдаться ся начинающимъ великимъ поэтамъ. Человѣкъ своей эпохи, человѣкъ французскаго образованія, онъ однако, уже достаточно смѣлъ для того, чтобы съ весьма малымъ количествомъ тогдашнихъ образованныхъ людей поклоняться пьяному дикарю Шекспиру, достаточно пропитателенъ, чтобы зайти поклониться творцу „Критики чистаго разума“ и, хоть о пустякахъ, да поговорить съ нимъ.... На все, что носилось тогда въ воздухѣ его эпохи, отозвался онъ съ сочувствіемъ, и главное-то дѣло, что сочувствіе это было сочувствіе живое, а не книжное... Въ Европу изъ далекой гиперборейской страны впервые пріѣхалъ европеецъ, и впервые же русскій европеецъ передалъ своей странѣ свои русско-европейскія ощущенія, передалъ не поучительнымъ, докторальнымъ тономъ, а языкомъ легкимъ, общепонятнымъ... Точка, съ которой передаетъ онъ ощущенія, дѣйствительно очень невысока, но зато она вѣрна, она общепонятна, какъ самый его языкъ.

„Письма русскаго путешественника“, а за тѣмъ сентиментальныя повѣсти и сентиментальныя же разсужденія Карамзина—перевернули нравственныя воззрѣнія общества, конечно, той части общества, которая была способна къ развитію. Все это оставяло по себѣ *смѣдь*, чего рѣшительно нельзя сказать о нашей литературѣ послѣ-Петровскаго времени до самаго Карамзина... Понятно, что

его дѣятельность возбудила сильный антагонизмъ во всемъ, что держалось крѣпко за старыя понятія, антагонизмъ отчасти и правый, но вообще слѣпой.

Антагонизмъ выразился въ Шишковѣ и его послѣдователяхъ. Они стояли за старый языкъ противъ новаго языка, впервые введеннаго Карамзинимъ, языка легкаго, текучаго, но дѣйствительно на первый разъ лишеннаго имъ всякой энергій. Великій стилистъ доказалъ имъ впослѣдствіи, въ какой степени мастеръ онъ владѣть и языкомъ величавымъ и энергическимъ. Шишковъ и его послѣдователи въ сущности сами не знали, за что они стояли. Самъ Шишковъ, какъ извѣстно, былъ одною изъ благороднѣйшихъ личностей той эпохи, но филологъ онъ былъ весьма плохой, и постоянно смѣшивалъ славянскій языкъ съ дѣланымъ и передѣланнымъ языкомъ библейскимъ. Въ сущности, оппозиція шла не противъ языка Карамзина, а противъ новыхъ нравственныхъ понятій, вносимыхъ имъ въ жизнь общественную. Съ понятіями же этими поборники стараго порядка вещей дѣйствительно не могли не бороться.

Карамзинъ по тогдашнимъ своимъ идеямъ принадлежалъ къ тому же самому направленію, какъ и благородный, но непрактическій энтузіастъ Радищевъ. Радищевъ не могъ подѣйствовать на жизнь и общество, потому-что прямо приступилъ къ нимъ съ самымъ крайнимъ и строгимъ идеаломъ цивилизаціи, съ ея послѣдними по тогдашнему времени требованіями; Карамзинъ, какъ талантъ практическій, началъ дѣйствовать на нравственную сторону общества, и въ этой дѣятельности тоже въ первую эпоху шелъ до крайности. Его „Софья“ возбуждала благочестивый ужасъ, но между-тѣмъ читалась жадно. Его болѣе благоразумныя, чѣмъ эта юношеская драматическая попытка, повѣсти, моральныя разсужденія и статьи въ сущности имѣли одну задачу—смягчить *жестокіе* (по выраженію Кулигина въ „Грозѣ“) нравы, его окружавшіе, и въ развитыхъ организаціяхъ общества достигали этой цѣли, даже, пожалуй, и переступали ее, т.-е. не только смягчали, но и размягчали нравы...

Понятно, что поборникамъ старыхъ идеаловъ, поборникамъ „жестокихъ“, но крѣпкихъ нравовъ—такое размягченіе казалось растлѣніемъ, и оппозиція Шишкова, принявшая формы борьбы между *старымъ* и *новымъ* слогомъ, имѣла причины болѣе глубокія, чѣмъ стилистику,—причины нравственныя.

Въ этой оппозиці впервые выразилось нѣчто похожее на такъ-называемое славянофильство.

Но, хотя наши современные славянофилы и готовы считать—дѣйствительно, впрочемъ, благороднаго и честнаго—адмирала однимъ изъ своихъ отцовъ, но между его стремленіями и ихъ стремленіями цѣлая бездна. Стремленія Шишкова и его партіи, послѣдовательно оканчивающіяся „Маякомъ“ и даже, пожалуй, „Домашней Бесѣдой“¹⁾,—выходятъ изъ началъ темныхъ и мрачныхъ... Стремленія же И. В. Кирѣевскаго и Хомякова подають руку не „Маяку“ и не „Домашней Бесѣдѣ“, а тому просвѣщенному и возвышенному направленію, которое въ послѣднее время такъ могущественно заявило себя глубокомысленной и краснорѣчивой книгой архимандрита Феодора²⁾.

Имѣла или нѣтъ оппозиція влияние на Карамзина—трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно совершился переломъ въ его дѣятельности. Поклонникъ Руссо, онъ становится въ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ совершенно инымъ человѣкомъ. Будущимъ біографамъ великаго писателя предлежитъ трудъ разъяснить эту понстинѣ странную разницу между Карамзинымъ-историкомъ и Карамзинымъ-публицистомъ и журналистомъ.

Трудъ этотъ, впрочемъ, какъ мнѣ кажется, вовсе незатруднителенъ.

Карамзинъ, какъ великій писатель, былъ вполне русскій человѣкъ, человѣкъ своей почвы, своей страны. Сначала онъ приступилъ къ жизни, его окружавшей, съ требованіями высшаго идеала, идеала выработаннаго жизнію остальнаго человѣчества. Идеалъ этотъ оказался несостоятеленъ передъ дѣйствительностью, которая окружала великаго писателя... Въ этой дѣйствительности можно было или только погибнуть, какъ Радищевъ, какъ болѣе практическій, чѣмъ Радищевъ, человѣкъ—Новиковъ, либо... нечто ей подчиниться, но обмануть ее.

Да... обмануть! Это настоящее слово.

И Карамзинъ это сдѣлалъ. Онъ обманулъ современную ему дѣйствительность.

Онъ сталъ историкомъ „Государства Россійскаго“; онъ, можетъ

1) „Домашняя Бесѣда“ газета В. П. Аскоченскаго, проводившая идеи крайняго обскурантизма.

2) Подразумѣвается, конечно, книга о. Феодора (Бухарева): „Православіе и современность“ (Сиб., 1860 г.).

быть сознательно, можетъ быть нѣтъ,—вопросъ трудный для разрѣшенія, ибо талантливый человѣкъ самъ себя способенъ обманывать,—онъ подложилъ требованія западнаго человѣческаго идеала подъ данныя нашей исторіи, онъ *первый* взглянулъ на эту странную исторію подъ европейскимъ угломъ зрѣнія.

Воззрѣніе его было, если вы хотите, неправильно, но оно было цѣльно, было основано на извѣстныхъ крѣпкихъ пачалахъ, и эти пачала—главная причина того, что оно до сихъ поръ еще имѣетъ послѣдователей.

Карамзинъ смотритъ на событія нашей исторіи точно такъ же, какъ современные ему западные писатели смотрятъ на событія исторіи западнаго міра, иногда даже глубже ихъ: это можно сказать безъ всякаго народнаго пристрастія, потому что современные ему западные историки весьма неглубоко смотрѣли на прошедшее... Въ этомъ его слабость и въ этомъ, если хотите, его сила, даже передъ современниками. Въ немъ еще нѣтъ той мысли, что мы—племя особенное, предназначенное къ иному, нежели другія племена человѣчества. Общія его эпохъ идеи привноситъ онъ съ собою къ русскую исторію, и это самое дѣлаетъ его исторію, помимо ея недостатковъ, однимъ изъ вѣчныхъ памятниковъ нашего народнаго развитія...

Можетъ быть, всѣ изысканія Карамзина, неправильно или должны быть дополнены; но всѣ его *сочувствія* въ высшей степени правильны, потому что они общечеловѣческія. Великая честь Карамзину, что и въ голову ему не приходило оправдывать Ивана Грознаго въ его тиранствахъ, порицать Тверь и Великій Новгородъ въ ихъ сопротивленіи, какъ дѣлаютъ во имя условныхъ теорій наши современные историки... Въ безобразно-ли фальшивой (по требованіямъ нашего времени) повѣсти „Марѳа Посадница“, въ краснорѣчивыхъ-ли страницахъ о паденіи Великаго Новгорода,—Карамзинъ остается вѣрнымъ самому себѣ и общечеловѣческимъ идеямъ... Это—великая заслуга, повторяю опять, и этимъ отчасти объясняется фанатизмъ къ Карамзинскому созерцанію русской жизни благороднѣйшихъ личностей.

Его исторія была, такъ сказать, пробнымъ камнемъ нашего самопознанія. *Мы* (говоря совокупно, собирательно) съ нею росли, ею мѣрялись съ остальною Европою, мы съ нею входили въ общій круговоротъ европейской жизни.

Не даромъ же легла она, какъ тяжелый камень, на дѣятельность

цѣлыхъ поколѣній, не даромъ же испортила она величайшее созданіе Пушкина, „Бориса Годунова“, и образовала цѣлую литературу историческихъ романовъ...

Да! Это была дѣятельность могучая, дѣятельность вполне живая, вполне нерешедшая въ жизнь, *первая* нерешедшая въ жизнь послѣ Петровской реформы. Пора это сознать, пора воздвигнуть памятникъ великому мужу, вполне его достойный намятникъ, который не гласилъ бы о томъ, чего онъ не далъ и дать не могъ, но который за то исчислялъ бы все, что онъ сдѣлалъ для нашего развитія.

Батюшковъ когда-то сравнивалъ Ломоносова съ Петромъ Великимъ, но это сравненіе гораздо больше идетъ къ Карамзину, чѣмъ къ Ломоносову. Карамзинъ былъ первый европеецъ между русскими, и вмѣстѣ съ тѣмъ первый истинно-русскій писатель, за исключеніемъ комика фонъ-Визина. Это исключеніе я припоминаю постоянно, потому только впрочемъ, что комизмъ есть исключительная, особенная способность русскаго ума, способность одинаково сильная во всѣ времена—у Данила Заточника столько же, какъ у Дениса фонъ-Визина...

Между тѣмъ, однако, нашъ первый великій писатель является и въ своей первоначальной и въ своей послѣдующей дѣятельности проводникомъ общаго, стало быть западнаго, образованія. Нужды нѣтъ, что тонъ его, чуждый міросозерцанія нашихъ лѣтописей въ первыхъ томахъ его исторіи, крѣпнеть и растетъ въ послѣдующихъ до преобращенія въ лѣтонисъ въ послѣднемъ; нужды нѣтъ, что чѣмъ болѣе сливается онъ съ старой Русью, тѣмъ болѣе становится онъ русскимъ; онъ все-таки русскій европеецъ, онъ участникъ великой жизни, совершавшейся на западѣ Европы...

Въ этомъ для насъ, потомковъ и наслѣдниковъ великаго мужа, его значеніе. Увы! тщетно хотѣли бы мы возвратиться къ временамъ давно-минувшимъ. Татарское и московское иго, оба въ сущности равносильныя, оторвали насъ отъ нихъ невозвратно: нали Великій Новгородъ, палъ пригородъ его Псковъ, и только созданія истинныхъ поэтовъ, какъ Мей, напоминаютъ намъ о ихъ славномъ существованіи...

И только Карамзинъ въ настоящее время (подумайте объ этомъ: въ настоящее время!!) остается настольною книгою для всѣхъ, кто не утратилъ любви и благоговѣнія къ жизни предковъ...

А между тѣмъ, этотъ великій писатель былъ проводникъ европейскаго, общечеловѣческаго развитія, по крайней мѣрѣ въ лучшую, въ не-старческую эпоху его дѣятельности...

За нимъ послѣдовалъ другой великій писатель — *Жуковский*. Это свѣтлое и благородное имя, давно, какъ-будто *per tacitum consensum*, по какому-то преднамѣренію—*исчезло* въ нашей литературѣ. О немъ никто не вспоминаеть, какъ-будто бы его не было. Между тѣмъ, этотъ высоко-замѣчательный поэтъ внесъ новую струю въ нашу литературу и посредствомъ ея (благодаря Карамзину, сроднившему жизнь съ литературой) въ нашу жизнь. Это была струя романтическая, струя тревожныхъ, едва опредѣленныхъ ощущеній, шевелящихъ и раздражающихъ, ничего не дающихъ и къ чему-то безвѣстному влекущихъ; струя, изливающаяся сладкозвучной, прекрасной, поэтической рѣчью; струя, роднившая насъ со всѣмъ истинно-поэтическимъ, что пережито на Западѣ. Жуковский былъ нашъ отзывъ на *всю* поэзію Запада, какъ Карамзинъ былъ нашъ отзывъ на всю кипучую умственную дѣятельность западной жизни. Въ нихъ обоихъ сказались наши силы пониманія, силы сочувствія...

И вотъ вслѣдъ за ними явился „поэтъ“, явилась великая творческая сила, равная по задаткамъ всему, чтò въ мірѣ являлось не только великаго, но даже величайшаго: Гомеру, Данту, Шекспиру,—явился Пушкинъ.

Я не могу и не хочу здѣсь коснуться значенія Пушкина, какъ нашего величайшаго народнаго поэта, величайшаго представителя нашей народпой физиономіи. Я беру здѣсь только моральный процессъ, совершившійся въ его натурѣ и для насъ высоко поучительный. Пушкинъ началъ, не скажу съ подражаній, но съ поклоненія Байрону, съ протеста противъ дѣйствительности, и Пушкинъ же кончилъ „Повѣстями Бѣлкина“, „Капитанской дочкой“, и проч., стало быть—смирениемъ передъ дѣйствительностью, его окружавшей. Еще прежде „Повѣстей Бѣлкина“ и „Капитанской дочки“ поэтъ, въ Онѣгинѣ, общалъ намъ

Поэму пѣсенъ въ двадцать пять...

Дѣтей условленные встрѣчи,

У старыхъ липъ, у ручейка, и т. д.

Еще прежде грозилъ онъ намъ, великій протестантъ, давшій намъ „уголовныхъ преступниковъ“ (по толкованію „Маяка“ и

„Домашней Бесѣды“) въ видѣ „Плѣнника“, „Алеко“, „Мазепы“,— примиреніемъ съ дѣйствительностью, какова она есть:

Теперь мплѣй мнѣ балалайка.
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь хозяйка,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Мы долго ему не вѣрили въ его разубѣжденіяхъ... Наконецъ онъ выступилъ передъ нами совершенно новый, но одинаково великій, какъ и прежде, въ своихъ новыхъ созданіяхъ, въ „Капитанской дочкѣ“, „Лѣтописи села Горохина“...

Мы изумились. Предъ нами предсталъ совершенно новый чело-вѣкъ. Великій протестантъ умалился до лица Ивана Петровича Бѣлкина, до лица, хотя нѣсколько иронически, но все-таки подчиненнаго окружающей его дѣйствительности...

Что же это такое? спрашиваю я васъ, мои читатели,—спрашиваю *честно*, съ полнымъ желаніемъ, чтобы вы дали мнѣ отвѣтъ и разрѣшеніе,—мнѣ, излагающему передъ вами безъ страха и сомнѣнія всѣ мои размышленія о нашей литературѣ и о нашемъ общественномъ развитіи...

Пушкинъ, создающій идеалы протеста: „Плѣнника“, „Алеко“, „Опѣгина“, „Мазепу“,—и Пушкинъ, пишущій „Лѣтопись села Горохина“, „Повѣсти Бѣлкина“, „Капитанскую дочку“...

Но,—и въ этомъ главная сила,—Пушкинъ, въ то же самое время пишущій „Каменнаго гостя“, „Дубровскаго“ и множество лирическихъ произведеній, на которыхъ какъ нельзя болѣе очевидно присутствіе протеста...

Пушкинъ былъ весь—стихія нашей духовной жизни, отраженіе нашего нравственнаго процесса, выразитель его, столько же таинственный, какъ сама наша жизнь...

Замѣчательно, что со смерти его собственно начинается раздвое-ніе двухъ лагерей.

III.

Всѣмъ предшествовавшимъ очеркомъ хотѣлъ я показать только то, что до конца Пушкинской эпохи вопросъ о нашей народности и ея значеніи вовсе даже и не возникалъ въ литературѣ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ возникъ онъ и развился въ эпоху послѣдующую.

Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“—своей первой значительной по объему и содержанию статьѣ—называетъ эпоху ему современную „романтически-народнымъ періодомъ литературы“; но эпитетъ „народный“ не играетъ въ этомъ названіи особенно важной роли, не имѣетъ особенно-рѣшительнаго значенія, не дѣлитъ еще мыслящихъ людей на два лагеря. И. В. Кирѣевскій, одинъ изъ главныхъ будущихъ поборниковъ славянофильства, выступитъ на поприще статьею о движеніи литературы въ „Денницѣ“ 1834 года, отличающеюся только первымъ и притомъ глубокомысленнымъ приложеніемъ идей германской философіи къ разсматриванію развитія нашей умственной жизни, и журналомъ „Европеецъ“, котораго продолжать онъ не могъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, но который и по названію и по направленію, уже рѣзко обозначившемуся съ первой книжки, долженъ былъ основательно, серьезно и глубоко вводить насъ въ кругъ европейской мысли и развитія. Если въ литературѣ и являлась въ то время оппозиція, то въ двухъ, по сущности, впрочемъ, сходныхъ формахъ: въ оппозиціи Пушкина и его друзей, круга избранныхъ литераторовъ—промышленной литературѣ, въ оппозиціи нѣсколько аристократической и потому не всегда правой,—и въ оппозиціи серьезныхъ, дѣйствительно ученыхъ людей, непогихъ глубокихъ мыслителей, во главѣ которыхъ стояли Кирѣевскій и Надеждинъ,—каждый, впрочемъ, по своему и другъ отъ друга независимо,—поверхностному, наскоро нахватанному образованію, представителемъ котораго былъ Н. А. Полевой. Оппозиція эта—гордая и уединенная въ Кирѣевскомъ и его друзьяхъ, рѣзкая въ Надеждинѣ и его „Телескопѣ“, тоже не была во всѣхъ пунктахъ права, ибо не признавала огромныхъ заслугъ Полевого и его направленія. Къ ней примкнулъ, тогда еще юный, Бѣлинскій, потому что и не къ чему иному было ему примкнуть,—примкнулъ, впрочемъ, только тогда, когда Н. И. Надеждинъ изъ ожесточеннаго зоица Пушкина, изъ Никодима Надоумки „Вѣстника Европы“ обратился съ первой же книжки своего „Телескопа“ въ ревностнаго и почти единственнаго поклонника поэта за его „Бориса“, холодно принятаго публикою и журналами.

Но ни одна изъ тогдашнихъ оппозицій и не подымала даже вопроса о народности нашей, т.-е. о томъ, дѣйствительно ли мы имѣемъ, можемъ имѣть, выразили ли и выразимъ ли свою самостоятельность умственную и нравственную въ ряду другихъ евро-

пейскихъ самостоятельности. Вопросъ этотъ казался легкою и простою, именно потому, что никѣмъ еще не былъ смѣло и честно поднятъ, казался даже порѣшеннымъ такимъ людямъ, какъ Надеждинъ и Бѣлинскій. Эпоху Пушкинскую они называли романтически-народною, т.-е. считали, что съ нея именно начинается заявленіе нами нашей своеобразности, и кромѣ того еще потому, что современная европейская литература послѣ реставраціи была романтически-народною во Франціи, а въ Германіи стала таковою еще раньше. Въ ихъ убѣжденіи было много истиннаго, по крайней мѣрѣ, что касается до народнаго значенія Пушкина, гораздо больше истиннаго, чѣмъ въ новѣйшихъ вопросахъ, задаваемыхъ почтеннымъ критикомъ „Отечественныхъ Записокъ“ на счетъ народности Пушкина, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было много и наивнаго ¹⁾. Историческіе романы, между прочимъ, изъ которыхъ самые лучшіе, Лажечниковскіе, представляли смѣсь самую странную немногаго правдиваго со многимъ фальшивымъ,—самыя смѣлые, какъ романы Полевого, были ничто иное, какъ полемическія выходки, облеченныя въ рассказы,—а самые добродушные и пользовавшіеся наибольшимъ успѣхомъ за свою яко-бы народность, романы Загоскина, изображали понятія и нравы Екатерининскихъ временъ, съ поддѣлкой подъ языкъ простонародья, безъ малѣйшаго знанія этого языка,—эти безобразные романы, родившіеся на Руси только потому, что въ Англіи былъ Вальтеръ-Скоттъ, а у насъ появилась исторія Карамзина, считались тогда однимъ изъ признаковъ романтически-народнаго направленія. Надъ дюжинными изъ нихъ, выходившими мириадами, смѣялись, но о Загоскинскихъ и въ особенности о Лажечниковскихъ, запечатлѣнныхъ дѣйствительно могущественнымъ, хотя какимъ-то страннымъ, не представлявшимъ никакой соразмѣрности, талантомъ, писались цѣлыя и весьма серьезныя статьи. Пушкинъ и его кружокъ, подъ его, конечно, влияніемъ, по какому-то чутью болѣе, чѣмъ по опредѣленному, на изученіи основанному смыслу, мало сочувствовали представленію народности въ тогдашнихъ историческихъ романахъ: что-то говорило имъ, что тутъ есть сильная фальшь, и они, какъ выразился одинъ изъ нихъ, не имѣли ни малѣйшаго удовольствія читать изображенія предковъ, снятыя по прямой линіи съ кучеровъ

¹⁾ Имѣется въ виду статья *Дудышкина*: „Пушкинъ — народный поэтъ“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1860 г., т. 129.

ихъ потомковъ ¹⁾). Въ этой фразѣ, отзывавшейся нѣсколько аристократизмомъ, было много вѣрнаго. Если-бъ дѣйствительно народъ, хотя-бы даже и современный: купечество, крестьянство, давалъ романистамъ нашимъ краски для изображенія быта, языка и нравственныхъ понятій предковъ, то въ этихъ краскахъ была бы хотя доля истины, потому-что въ народѣ есть органическое единство съ прошедшимъ; но романисты наши собственно съ тѣмъ, что называется народомъ, были вовсе незнакомы. Между тѣмъ вліяніе фальшиво-народнаго направленія было такъ сильно, что даже люди съ сильно-поэтическимъ даромъ и глубокимъ философско-историческимъ смысломъ, приносили ему посильныя жертвы, какъ Хомяковъ въ своемъ „Дмитріи Самозванцѣ“ и „Ермакѣ“,—что даже люди, специально знакомые съ нашимъ историческимъ бытомъ, какъ Погодинъ, писали историческія драмы, повторяя въ нихъ, несмотря на собственные основательнѣйшія изученія, помимо можетъ-быть своей Воли, изображенія, отлитыя весьма искусно, хоть и невѣрно, историкомъ „Государства Россійскаго“.

Въ предшествовавшемъ отдѣлѣ я съ величайшею искренностью писалъ чуть-что не панегирикъ Карамзину; ибо дѣйствительно, когда смотришь только на его талантъ и на великое значеніе его дѣятельности въ отношеніи къ нашему духовному развитію—на него нельзя смотрѣть иначе; но, что касается до пониманія и представленія нашей народности, то Карамзинъ является, по справедливости же, главнѣйшимъ источникомъ всѣхъ нашихъ ошибокъ по этой части, всѣхъ нашихъ ложныхъ литературныхъ отношеній къ этому весьма важному для насъ дѣлу. Сила таланта его, какъ историка, такова, что она могла наложить свою печать даже на неизмѣримо выше Карамзина стоявшую личность — на Пушкина, и перпортить во многомъ одно изъ высшихъ его созданій,—что она породила, при пособіи вліянія Вальтеръ-Скоттовской формы, цѣлую ложную литературу,—что она въ наукѣ даже, въ историческихъ изысканіяхъ, могла парализировать такую силу, какъ сила Погодина, и заставить ее двигаться въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругѣ.

Дѣло въ томъ, что Карамзинъ былъ, да и до сихъ поръ есть—единственный у насъ историкъ-художникъ, историкъ, отлившій наши историческіе образы въ извѣстныя яркія, ясныя формы.

¹⁾ Выраженіе кп. П. А. Вяземскаго.

Формы эти долго тяготѣли надъ нашимъ сознаниемъ. Возстать противъ нихъ пытались скептики; но, руководимые однимъ слѣпымъ отрицаниемъ, часто смѣшнымъ до наивности, являвшіеся съ сигналомъ, что у насъ „ничего не было“, и нисколько не отвѣчавшіе на вопросъ неминуемый: что же у насъ въ такомъ случаѣ было? — ничего не могли сдѣлать. Скептическое направленіе уложилъ на вѣчный покой Погодинъ простымъ афоризмомъ, что множеству нашихъ князей, съ ихъ разнымъ семейными связями, труднѣе было быть выдуманными, чѣмъ существовать на самомъ дѣлѣ, — хотя этотъ афоризмъ разбивалъ скептиковъ только въ наружномъ проявленіи ихъ мысли, въ томъ, что у насъ чуть ли не до Ивана III ничего не было. Въ сущности же скептики, сами впрочемъ того не зная, хотѣли только сказать, что у насъ ничего не было такого, какимъ является оно у Карамзина, и въ этомъ были правы, по крайней мѣрѣ на цѣлую половину, если не больше. Пытался возставать на Карамзина Арцыбашевъ—свободнымъ и буквальнымъ изложеніемъ лѣтописей; но положительная бездарность его и, можетъ-быть, рановременность попытки, сдѣланной до изданія въ свѣтъ главныхъ источниковъ нашей исторіи, были причиною неуспѣха. Пытался, наконецъ, возставать Полевой—попыткою чисто-полемиической исторіи. Въ наше, и притомъ недавнее, время вошло въ моду придавать чрезмѣрное значеніе не только журнальной, но и исторической дѣятельности Н. А. Полевого, какъ въ эпоху тоже недавнюю было въ модѣ унижать эту замѣчательную дѣятельность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣятельность Н. А. Полеваго въ первую, московскую ея половину—остается навсегда въ исторіи нашего развитія; нѣтъ сомнѣнія, что и полемиическая его исторія имѣла большое значеніе, какъ протестъ и отрицаніе; но чтобы она внесла что-либо положительное въ пониманіе нашей народности, въ этомъ да позволено будетъ усомниться. Всѣ приемы Полевого въ его манерѣ историческаго изображенія — чисто отрицательные, — подниманіе того, что у Карамзина унижено, и униженіе того, что у Карамзина поднято, — манера до дѣтства, часто до смѣшного отрицательная. Онъ постоянно за тѣхъ, кого Карамзинъ представляетъ въ черныхъ краскахъ, за Олега Святославича противъ Мономаха, за Давида Игоревича Волынскаго противъ Василька Ростиславича; въ позднѣйшія времена за Шемяку, — за этого послѣдняго въ особенности, такъ что Полевой не удовлетворился одной исторіей и

протестоваль за Шемяку въ ромагѣ, и т. д. Постоянно играя на отрицательной струнѣ, естественно, что Полевой во многихъ случаяхъ является правымъ, но правота его—чисто случайная. Прибавьте къ этому наскоро и едва усвоенныя идеи Тьерри, Нибура и другихъ историковъ, прямо ех abrupto приложенныя къ нашей исторіи,—наглый тонъ самохвальства, тонъ, въ которомъ слышно даже не фанатическое увлеченіе теоріями, а просто желаніе „выкинуть“, говоря рядскимъ языкомъ, „особенное колѣнцо“, блеснуть самостоятельностью взгляда, пониманія и представленія, — и вы поймете, что не только „Вѣстникъ Европы“ скептика Каченовскаго, но даже „Московскій Вѣстникъ“ Погодина, помѣстившій на своихъ страницахъ жесткую статью Арцыбашева объ исторіи Карамзина и печатавшій отрывки его оппозиціоннаго своднаго историческаго изложенія, — разразились при появленіи перваго тома „Исторіи Русскаго Народа“ статьями яростными до нарушенія всякой благопристойности.

Мы же теперь, далекіе отъ фанатическихъ поклоненій и отъ ненавстей той эпохи, можемъ, кажется, сказать только то, что на удачу дѣйствуя отрицательно часто весьма справедливо, Полевой положительныя ложныя формы Карамзина замѣнялъ столь же ложными, только въ другой формѣ, такъ сказать помоднѣе и, по натурѣ нисколько не художникъ, побуждаемый къ таковой замѣнѣ не творчествомъ, а однимъ протестомъ, и притомъ не фанатическимъ, а чисто самолюбивымъ, не сумѣлъ придать своимъ формамъ даже и наружнаго блеска. Дѣло пониманія нашей народности онъ нисколько не подвинулъ впередъ, да и Карамзинскихъ формъ представленія разбить не могъ. Эти формы продолжали тяготѣть надъ нашимъ сознаніемъ.

Разбить ихъ магическую силу могло только ближайшее, и притомъ болѣе общее, знакомство нашего сознанія съ непосредственными источниками нашей исторіи и нашего народнаго быта. Изданіе ихъ предоставило это право нашей эпохѣ, считая ее съ конца сороковыхъ годовъ, и освобожденіемъ ея отъ Карамзинскихъ формъ пониманія народности мы обязаны ничему иному, какъ именно этому обстоятельству. Труды нашихъ ученыхъ по этой части,—сколь эти труды ни важны и ни почтены,—важны преимущественно тѣмъ, что прямо знакомили насъ съ источниками, и останутся достояніемъ потомства не въ теоретическихъ выводахъ, а именно въ тѣхъ нунктахъ, гдѣ они прямо знакомили

съ источниками. Личныхъ образовъ на мѣсто Карамзинскихъ труды эти памъ не дали и дать не могли; цѣльнаго, художественнаго представленія нашей исторіи и народной фізіономіи замѣнь прежняго, блестящаго и ложнаго, мы не получили. Одно искусство только, силами ему данными, въ наше время начинается, преимущественно въ дѣятельности Островскаго, выводить передъ насъ образы, на которыхъ лежитъ яркое клеймо нашей народной особенности въ томъ видѣ, какъ она уцѣлѣла; искусству же будетъ, по всей вѣроятности, принадлежать и честь примиренія нашего настоящаго съ нашимъ прошедшимъ, проведенія между тѣмъ и другимъ ясной для всѣхъ органической связи.

Но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Дѣло въ томъ, что Карамзинскія формы представленія нашей народности въ ея цѣлости и органическомъ единствѣ для насъ разрушены. Мы пошли дальше—и видимъ яснѣе.

Карамзинъ, какъ талантъ, нуждался въ цѣлостномъ представленіи, и какъ талантъ, взялъ за основу формъ для своего представленія формы, которыя представляло ему его время, на которыхъ онъ воспитался, которыми глубоко проникся, формы обще-западныхъ: доблести, величія, чести и проч. Проникнутой насквозь, какъ впечатлительнѣйшая натура своего времени, общими началами европейскаго образованія, онъ къ нашему быту и къ нашей исторіи находился уже совершенно въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ Татищевъ и Щербатовъ. Тѣ были еще весьма мало, даже почти вовсе не разъединены съ воззрѣніями предковъ, съ началами и, такъ сказать, съ тономъ ихъ быта. Карамзинъ былъ уже человѣкъ оторванный, человѣкъ захваченный внутренно общечеловѣческимъ развитіемъ и потому бессознательно-последовательно прилагавшій его начала къ нашей исторіи и быту, однимъ словомъ—къ нашей народности; и этимъ объясняется, что онъ, глубоко и добросовѣстно изучавшій источники, имѣвшій ихъ подъ руками болѣе, чѣмъ всѣ прежде его писавшіе, и почти столько же, сколько мы,—постоянно однако обманываетъ самъ себя и своихъ читателей аналогіями, и постоянно скрываетъ самъ отъ себя и отъ читателей все не-аналогическое съ началами и явленіями западной, общечеловѣческой жизни... Приступая къ нашей исторіи, онъ какъ будто робѣетъ съ самаго предисловія, что она не похожа на общеевропейскую, робѣетъ за ея утомительность и однообразіе, и

сгѣшитъ поскорѣе заявить ея блестящія доблестями или трагическими моментами и личностями мѣста.

Онъ никогда почти не ошпбается и тутъ въ своемъ указаніи доблестей, въ своемъ чутьѣ трагическихъ и грандіозныхъ моментовъ, въ направленіи своихъ сочувствій; но эти доблести, борьбу и трагическіе моменты онъ описываетъ онъ тономъ, не имъ свойственнымъ, а тономъ, свойственнымъ ихъ западнымъ аналогіямъ... Между тѣмъ тогъ его, какъ тогъ челоуѣка высокоталантливаго, оригиналенъ и носить на себѣ печать изученія источниковъ, хотя и односторонняго,—печать, обманувшую всѣхъ (забывшихъ уже Татищева и Щербатова) его современниковъ, способную обмануть всякаго незнакомаго нисколько съ лѣтописями и памятниками. Для всякаго же, при малѣйшемъ знакомствѣ съ таковыми, ну, хоть даже послѣ прочтенія одной только Кіевской (Ипатьевской) да оффициально Московской (Никоновской) лѣтописи—эта печать исчезаетъ. Доблестныя лица Владиміра Мономаха, двухъ Мстиславовъ и т. д. остаются точно доблестными, но доблесть ихъ получаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ доблести западныхъ героевъ, получаетъ совершенно особенный тогъ, колоритъ. Въмѣсто общихъ, классическихъ фигуръ, иередъ нами встають живые типы,—типы, въ чертахъ которыхъ, въ простодушномъ разказѣ лѣтописцевъ, мы, несмотря на сѣдой туманъ древности, ихъ окружающій, признаемъ нерѣдко собственныя черты народныя. Съ другой стороны, иередъ нами выдвигаются тоже типически такія личности и такія доблести, которыя иередъ Карамзинымъ прошли незамѣтными: благодушная и озаренная сіяніемъ смиренія фигура послѣдняго „законнаго“ (по старому наряду) кіевского нарядника, Ростислава Мстиславича, который постоянно, по чувству законности, уступая первенство „стрыямъ старѣйшимъ“, дѣлается наконецъ великимъ княземъ для того только, чтобы умереть эпически-торжественно... Не говоря уже о томъ, что Карамзинъ, увлеченный, вовсе не понялъ федеративной идеи, блестящую минуту развитія которой представляетъ нашъ XII вѣкъ и которую, безъ „попущенія“ Божія въ видѣ татаръ, ждало великое будущее, не понялъ городской жизни и значенія князей, какъ нарядниковъ. Этого и въ наше время многіе изъ историковъ, даже оказавшихъ значительныя услуги наукѣ, не понимаютъ или не хотятъ понять. Карамзинъ,—и въ этомъ его великая заслуга, его безсмертное значеніе,—не приносилъ по крайней мѣрѣ этихъ идоложертвенныхъ требъ, не

смотрѣль на татарское иго, на паденіе Твери и Новгорода, на Ивана Грознаго и проч. какъ на явленія, существенно необходимы для нашего развитія. Ко всякому злу,—является ли оно въ видѣ событія или личности,—относится онъ прямо, безъ теоріи. Дѣло въ томъ только, что къ доблестямъ и злу относится онъ съ точекъ зрѣнія, выработанныхъ XVIII вѣкомъ, а не приравнивается къ міросозерцанію лѣтописцевъ. Отъ этого доблести и великія событія получаютъ у него фальшиво-грандіозный характеръ; къ злу же относится онъ съ тѣмъ раздраженіемъ, съ какимъ лѣтописецъ не относится. Стоитъ припомнить, напримѣръ, его рассказъ о защитѣ Москвы, оставленной Димитріемъ въ жертву Тохтамышу, „героемъ“ Остеемъ и жителями, и сопоставить этотъ величавый рассказъ съ наивнымъ до цинизма рассказомъ Пиконовской лѣтописи. Героизмъ — то и останется, но подробности, которыя окружаютъ этотъ героизмъ передъ читателемъ, придадутъ ему совершенно особенный характеръ, нашъ народный колоритъ... Съ другой стороны, въ исторіи, напримѣръ, междуцарствія, — а всѣми признано, что въ послѣднихъ томахъ своихъ Карамзинъ несравненно болѣе, чѣмъ въ первыхъ, проникается духомъ, языкомъ и тономъ лѣтописей, — совершенно правое негодованіе историка на измѣнниковъ („воровскихъ людей“ по грамотамъ и лѣтописямъ) опять страждетъ тономъ своимъ для всякаго, кто знаетъ, какъ, напримѣръ, лѣтопись на одной страницѣ говоритъ о какомъ-нибудь Заварзинѣ, какъ о „воровскомъ человѣкѣ“, называли его уменьшительною кличкою, а черезъ страницу величаетъ его уже по имени и отчеству, не помня зла, когда онъ перешелъ на сторону праваго, земскаго дѣла... Но, опять повторяю, Карамзинъ, совершенно разорвавшій съ міросозерцаніемъ быта до реформы, глубоко проникнутый началами общечеловѣческаго образованія, не могъ смотрѣть иначе: въ исторіи междуцарствія онъ увлекся однимъ только „сказаніемъ“ Авраамія Палицына, который, какъ человѣкъ, по своему времени высокообразованный и стало быть имѣвшій, справедливый или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ *цѣльный* взглядъ на жизнь и событія, былъ ближе къ нему, чѣмъ простодушные лѣтописцы и современные грамоты...

Указывая на эти немногія, но, какъ кажется мнѣ, довольно рѣзкія черты непониманія народности нашей Карамзинымъ и фальшивости его представленія народности, я опять долженъ повторить, что фальшивое представленіе было все-таки *цѣльное*, худо-

жественное представленіе, давало образы, хотя и отлитые въ общія классическія формы, но отлитые великолѣпно и твердо поставленные... Когда на такого гиганта какъ Пушкинъ, обладавшаго непосредственно глубокимъ чутьемъ народной жизни, могъ подѣйствовать Карамзинскій образъ Бориса, что-жь должны были дѣлать другіе?..

Другіе—преклонялись и *jurabant in verba magistri*, развивали идеи учителя, и совершенно были этимъ довольны,—довольны до того, что одинъ изъ высшихъ представителей нашего сознанія, Бѣлинскій, въ юношески-пламенной статьѣ своей, называлъ свою тогдашнюю эпоху литературы романтически-народною, съ ея дюжинами являвшимися и выкроенными изъ Карамзина историческими романами, дикими историческими драмами и т. д.

И въ эту-то минуту общаго самообольщенія, раздѣляемаго даже и высшими представителями сознанія, въ минуту юношескихъ вѣрованій въ то, что мы поймали наконецъ нашу народность, входимъ съ нею, очищенною, умытою и причесанною, въ общій кругъ міровой жизни,—въ эту минуту явился человѣкъ, который не силой дарованія, но силой убѣжденія, и притомъ чисто-теоретическаго, разсѣялъ разомъ это самообольщеніе, разбилъ безжалостно и безтрепетно вѣрованія и надежды.

Да! теоретики иногда бываютъ очень нужные люди, часто великіе люди, какъ П. Я. Чаадаевъ.

Онъ былъ вдобавокъ еще теоретикъ католицизма, стало быть самый безжалостный, самый послѣдовательный изъ всѣхъ возможныхъ теоретиковъ... Фанатически вѣря въ красоту и значеніе западныхъ идеаловъ, какъ единственно-человѣческихъ, западныхъ вѣрованій, какъ единственно руководившихъ челоуѣчество, западныхъ понятій о нравственности, чести, правдѣ, добрѣ,—онъ холодно и спокойно приложилъ свои данныя къ нашей исторіи, къ нашему быту,—и отъ перваго прикосновенія этихъ данныхъ разлетѣлись прахомъ воздушные замки. Ясный и обширный умъ Чаадаева, соединенный съ глубоко-правдивой натурой и нашедшій себѣ притомъ твердыя точки опоры въ теоріяхъ, выработанныхъ вѣками,—сразу разгадалъ фальшь представленій о нашей народности. Нисколько не художникъ, а мыслитель-аналитикъ, онъ не могъ обольститься Карамзинскими аналогіями.

Фанатикъ, какъ всякій неофитъ, онъ имѣлъ смѣлость сказать, что въ насъ и въ нашей исторіи и въ нашей народности—нѣтъ

„никакихъ“ идей добра, правды, чести, нравственности, что мы—отщепенцы отъ человѣчества. „Никакихъ“ на его языкѣ значило—западныхъ,—и въ этомъ смыслѣ онъ былъ *тогда* совершенно правъ. Силлогизмъ его былъ простъ:

Единственно-человѣческія формы жизни суть формы, выработанныя жизнью остального, западнаго человѣчества.

Въ эти формы наша жизнь не ложится, или ложится фальшиво, какъ у Карамзина.

Слѣдовательно...

Вотъ именно это слѣдовательно и раздѣлилось на два вывода:

Слѣдовательно, сказали одни, мы не люди, и для того, чтобы быть людьми, должны отречься отъ своей самости. Изъ этого *слѣдовательно* вытекала теорія западничества, со всѣми ея логическими послѣдствіями.

Слѣдовательно, сказали другіе, болѣе смѣлые и рѣшительные, наша жизнь—совсѣмъ иная жизнь, хоть не менѣе человѣческая, шла и идетъ по инымъ законамъ, чѣмъ западная.

Два лагеря раздѣлились и каждый новель послѣдовательно и честно свое дѣло.

II.

Западничество въ русской литературѣ, причины происхожденія его и силы.

1836—1851.

Sine ira et studio...

Тацитъ.

Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuere.

Institutiones.

I.

Пустынна, однообразна и печальна, какъ киргизская степь, должна была представиться русская жизнь въ ея прошедшемъ и настоящемъ тому, кто смѣло и честно какъ П. Я. Чаадаевъ, взглянулъ на нее съ выработанной Западомъ точки созерцанія, не ослѣпляясь кажущимися и въ сущности фальшивыми аналогіями,

тѣмъ менѣе стараясь проводить эти фальшивыя аналогіи. Между тѣмъ, эта точка зрѣнія явилась вовсе не внезапно, вовсе не какъ Deus ex machina. Зерно такого рѣзкаго созерцанія лежало уже давно въ сознаниіи высшихъ нашихъ представителей, вырывалось по временамъ у величайшаго изъ нихъ, Пушкина, то ироническимъ примиреніемъ съ дѣйствительностью, какъ въ извѣстной строфѣ уничтоженной главы Онѣгина, то стихотвореніемъ, которое самъ онъ назвалъ „Капризомъ“—

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной, и т. д.,

стихотвореніемъ, въ которомъ между прочимъ, несмотря на его шутовскій тонъ, именно какъ [въ зернѣ заключаются многія послѣдующія отношенія литературы нашей къ дѣйствительности:—и Лермонтовское созерцаніе, выразившееся такъ энергически-горько—

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдить ея разсудокъ мой...

и повѣсти сороковыхъ годовъ съ ихъ ихъ постоянно и намѣренно-зловнымъ изобрѣтеніемъ грязной и грубой обстановки, въ которой осуждены задыхаться лучшія натуры;—и Огаревскіе воили—

Да! въ нашей грустной сторонѣ,
Скажите, что жъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ,
А мужу съ псами ѣздить въ поле;

—и мрачное, безотрадное созерцаніе великаго аналитика „пошлости пошлаго человѣка“;—и унылый, туманно-сѣренькій, ненастный кодоритъ, наброшенный на жизнь сентиментальнымъ натурализмомъ;—и наконецъ, почти всѣ стихотворенія Некрасова, даже до его послѣдняго, т.-е. до „Деревенскихъ вѣстей“, которое, впрочемъ и стихотвореніемъ-то назвать какъ-то худо поворачивается языкъ... Все это въ сущности есть не что иное, какъ развитие Пушкинскаго „Каприза“, т.-е. разъясненіе и послѣдовательное раскрытіе того созерцанія, которое у Пушкина выразилось только какъ моментъ въ его „Капризѣ“...

Но Пушкинъ въ нашей литературѣ былъ единственный полный человѣкъ, единственный всесторонній представитель нашей народной фізіономіи.

Горькое и безотрадное созерцаніе окружающей дѣйствительности было для него не болѣе, какъ моментомъ сознанія—и притомъ вовсе не такимъ моментомъ, который бы выразился у него цѣлою рѣзкою полосой дѣятельности, въ родѣ Лермонтовской, или во вредъ правдивому и прямому отношенію къ жизни, какъ въ повѣстяхъ сороковыхъ годовъ. Пушкинъ,—пусть его за отсутствіе односторонности и обвиняють поборники теорій въ равнодушіи и даже въ отступничествѣ,—былъ прежде всего художникъ, т.-е. великая, на половину сознательная, на половину бессознательная, сила жизни, „герой“ въ Карлейлевскомъ значеніи геронзма,—сила, которой размахъ былъ не въ одномъ настоящемъ, но и въ будущемъ... Ему было дано непосредственное чутье народной жизни, и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни. Это (вопреки ноявившемуся въ послѣднее время мнѣнію, уничтожающему его значеніе, какъ народнаго поэта, мнѣнію, родившемуся только вслѣдствіе знакомства нашихъ мыслителей съ народною жизнью изъ кабинета и по книгамъ)—неоспоримая истина, подтверждаемая и складомъ его рѣчь въ „Борисѣ“, „Русалкѣ“, „Женихѣ“, „Утопленникѣ“, сказкахъ „о рыбацкѣ и рыбкѣ“, „о Кузьмѣ Остолопѣ“, отрывкомъ о Медвѣдицѣ и т. д., и, что еще важнѣе, складомъ самаго міросозерцанія въ „Капитанской дочкѣ“, „Повѣстяхъ Бѣлкина“ и проч. Въ тѣ дни даже, когда муза его, по его выраженію, скакала за нимъ Ленорой при лунѣ по горамъ Кавказа, когда, какъ говорить онъ,

... я воспѣвалъ
И дѣву горь, мой идеаль,
И плѣнницъ береговъ Салгпра...

когда образы Плѣнника, Алеко, Гирея и другихъ мучениковъ страстей тѣснились въ его душу,—эта чуткая душа удивительно вѣрно отзывалась на жизнь дѣйствительную, его окружавшую, и, не смотря на то, что поэтъ встрѣчалъ еще овладѣвавшіе имъ образы дѣйствительности полушутливымъ, полусерьезнымъ отвращеніемъ:

Тѣфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы шестрый соръ!..

умѣла въ этой самой дѣйствительности обрѣтать своеобразнѣйшую поэзію („Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?...“, „Морозъ и солнце, день чудесный...“, „Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ...“, „Грустно, Нина, путь мой скученъ...“, „Бѣсы“). Не говорю объ образѣ

Татьяны, чисто-русскомъ и до сихъ поръ единственно-полномъ русскомъ женскомъ образѣ,—Татьяны, которая

. . . . русская душою,
Сама не зная почему,
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму—

хоть муза поэта въ лицѣ ея и явилась

. . . . барышней уѣздой,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ...

не говорю о самомъ Онѣгинѣ, который хоть вовсе и не

Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,

по все-таки русскій человѣкъ множествомъ чертъ своей натуры... Все это еще надобно разъяснить и доказывать—а я указываю только на то, что не требуетъ доказательствъ, на стремленіе къ семейному началу, неожиданно прорывающееся у того же поэта, который начинаетъ романъ свой сатирическимъ, или по крайней мѣрѣ юмористическимъ отношеніемъ къ этому началу („Родные люди вотъ какіе“... и множество другихъ строфъ), стремленіе изобразить когда-нибудь

. . . . простыя рѣчи
Отца иль дяди-старика,
Дѣтей условленные встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка...

Беру наконецъ „Повѣсти Бѣлкина“, „Лѣтопись села Горохина“, „Капитанскую дочку“, въ которой въ особенности поэтъ достигаетъ удивительнѣйшаго отождествленія съ воззрѣніями отцовъ, дѣдовъ и даже ирадѣдовъ; „Дубровскаго“,—въ которомъ одно только непосредственное чутье народной сущности могло создать хоть бы ту черту, на примѣръ, что кузнецъ, поджигающій равнодушно-сурово приказныхъ, лѣзетъ въ огонь спасать кошку, чтобы „не погибла Божія тварь“...

Что эти созданія и эти черты, приводимыя мною случайно, безъ выбора,—зерно всѣхъ прямыхъ отношеній нашей литературы къ народу и быту, къ дѣдамъ нашимъ и прадѣдамъ, зерно „Семейной Хроники“, на примѣръ, и многихъ повѣстей Писемскаго, точно такъ, какъ „Гробовщикъ“ въ повѣстяхъ Бѣлкина—зерно натурализма, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Но тѣмъ не менѣе, чисто отрицательное созерцаніе жизни и дѣйствительности является только, какъ моментъ, въ полной и цѣльной патурѣ Пушкина... Онъ на этомъ моментѣ не останавливается, а идетъ дальше, облачается самъ въ образъ Бѣлкина, но опять-таки и на этомъ не останавливается. Отождествленіе съ взглядомъ отцовъ и дѣдовъ въ „Капитанской дочкѣ“ выступастъ въ поэтѣ вовсе не на счетъ существованія прежнихъ идеаловъ, даже не во вредъ имъ, ибо въ то же самое время создаетъ онъ „Каменнаго гостя“...

Въ томъ-то и полнота и великое народное значеніе Пушкина, что чисто-дѣйствительное, нѣсколько даже низменное, воззрѣніе Бѣлкина идетъ у него объ руку съ глубокимъ пониманіемъ и воспроизведеніемъ прежнихъ идеаловъ, тревожившихъ его душу въ молодости, не сопровождается отреченіемъ отъ нихъ...

Пушкинъ не западникъ, но и не славянофилъ: Пушкинъ—русскій человѣкъ, какимъ сдѣлало русскаго человѣка соприкосновеніе съ сферами европейскаго развитія... Господа, отрицающіе значеніе Пушкина, какъ народнаго поэта, постоянно указываютъ на одно: на нѣкоторыя фальшивыя стороны его „Бориса“, т.-е. въ сущности на фальшивыя Карамзинскія формы, которымъ даже и великій поэтъ подчинился, какъ вся его эпоха; ибо фальшиво въ „Борисѣ“ только Карамзинское, т.-е. личность самого Бориса; все же чисто Пушкинское (пиръ ли у Шуйскаго, сцены ли въ корчмѣ, сцены ли битвы, сцены ли у Дѣвичьяго монастыря, на Лобномъ мѣстѣ, и т. д.),—вѣчно, какъ сама народная сущность, или—поэтически и общечеловѣчески правдиво (какъ, напримѣръ, сцена у фонтана и т. д.). Не забудьте притомъ, что вопіющіе на фальшивость нѣкоторыхъ сторонъ „Бориса“, самыя эти стороны мѣрятъ еще не народнымъ созерцаніемъ, а новыми теоріями, смѣнившимися литыя и блестящія формы Карамзина. А новыя теоріи, пока онѣ только теоріи, точно также способны, какъ и Карамзинскія литыя формы, вредить художественному представленію быта, что явнымъ образомъ выказалось въ блестящемъ произведеніи Мея „Псковитянка“, гдѣ такъ хорошо, такъ вполне народно псковское вѣче, созданное въ поэтической простотѣ концепціи, гдѣ такъ великолепно и вмѣстѣ правдиво ожиданіе грознаго Ивана Васильевича и первое его появленіе, и гдѣ такъ смѣшонъ Иванъ Васильевичъ, обнимающійся съ слномъ и Борисомъ и разсуждающій о своихъ государственныхъ теоріяхъ совершенно по г. Соловьеву, гдѣ

является чуть-что не избыток и мягкосердечный Иванъ Васильевичъ, — тотъ самый Иванъ Васильевичъ, записывавшій въ свое поминанье весьма большое количество невѣдомыхъ и безыменныхъ душъ, которыя „отдѣлалъ“ палачь Томило — „ихъ же имена, Господи, Ты вѣси“. Поэтому лучше ли бы было, если бы Пушкинъ создавалъ своего „Бориса“ и по новѣйшимъ теоріямъ... пока онъ только теоріи? Карамзинскія формы часто фальшивы, но у Карамзина не было фальшивыхъ сочувствій и фальшивыхъ антипатій, т.-е. сочувствій и антипатій такъ рѣзко расходящихся съ народной памятью, какъ рѣзко расходятся съ нею иногда теоріи нашего времени...

Вчитываясь внимательно въ Пушкинскаго „Бориса“, правильно вынести можно, кажется мнѣ, изъ такого чтенія и изученія — не сомнѣніе въ народномъ значеніи поэта, а скорѣе изумленіе передъ его удивительнымъ народнымъ чутьемъ и передъ величіемъ его гениальной силы... Борись, какъ и всѣ его драматическія попытки, писанъ очерками ¹⁾ а не красками, но эти очерки поразительны по своей правдѣ и красотѣ... Вѣроятно, поэтъ чувствовалъ, что красокъ настоящихъ взять ему еще неоткуда, или что такія краски совсѣмъ потерялись; да и не мудрено, что онъ дѣйствительно совсѣмъ и навсегда затерялся въ той жизни, которая разрознилась со всѣми событіями своего прошедшаго, до того разрознилась, что пародъ у другого истиннаго народнаго писателя нашего говоритъ: „Эта Литва — она къ памъ съ неба упала“ (въ „Грозѣ“). Фальшивыхъ же красокъ для расцвѣченія очерковъ поэтъ нашъ, какъ поэтъ, употребить не хотѣлъ. Онъ хотѣлъ правды. Онъ даже и тамъ, гдѣ была полная воля его фантазій, въ „Русалкѣ“, также точно создавалъ только очерки... Но знаете ли вы, господа, трактующіе о томъ, что Пушкинъ не народный поэтъ, — какой могучей жизнью полны эти очерки?.. „Русалку“ пытались ставить на сцену въ той формѣ, въ какой создалъ ее Пушкинъ. Попытка оказалась неудачною именно потому, что очерки въ полнотѣ своей слишкомъ сжаты, слишкомъ коротки для сценическаго осуществленія. „Русалка“ съ сохраненіемъ ея Пушкинскихъ формъ, цѣлости содержанія, и даже большей части божественныхъ стиховъ поэта, явилась на сценѣ оперою. Посмотрите же, какъ либретто, т.-е. поэма

¹⁾ Т.-е. въ смыслѣ dessin au trait — рисунка съ однимъ контурами, безъ красокъ и тѣней.

Пушкина, получивши краски, тѣло, сценическую продолжительность, давить своею громадностью музыку, весьма, впрочемъ, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ и принадлежащую высокому музыкальному таланту. Не одному мнѣ, вѣроятно, а многимъ смотрящимъ и слушающимъ кажется по временамъ даже дерзостью попытка музыканта дать краски и тѣло этимъ очеркамъ!.. Каждая черта въ геніальной нозмѣ выдается рельефно во вредъ музыкѣ!.. И странное чувство овладѣваетъ вами: вы порой готовы досадовать на музыку, вы хотѣли бы слышать просто эти поэтическіе звуки, которые лучше и выше этой музыки, а между тѣмъ понимаете, что все поэтическое созданіе—только очеркъ, что на сценѣ только при пособіи *какихъ-либо* красокъ, хотя и низшаго сравнительно съ рисункомъ достоинства, очеркъ этотъ можетъ быть какъ-нибудь осуществленъ, сколько-нибудь доступенъ для массы.

Но если высоко-артистическое чувство правды запрещало Пушкину употребленіе фальшивыхъ красокъ и заставляло его рисовать одними очерками, ничто не удерживало другихъ, даже и не бездарныхъ, даже иногда и очень даровитыхъ людей его эпохи, отъ употребленія этихъ фальшивыхъ красокъ, лишь бы только онѣ были эффектны...

Эпоха, которую даже чуткій, и въ художествѣ всегда почти прозорливый, Бѣлинскій называлъ *романтически-народною*, не только обманывала насъ, т.-е. читателей, но добросовѣстнѣйшимъ образомъ сама себя обманывала. И причина такого самообманыванія заключалась не въ ипомъ чемъ, какъ въ литыхъ формахъ Карамзина. Эпоха повѣрила въ эти формы, повѣрила въ правдивость Карамзинской аналогіи и ужасно обрадовалась своей вѣрѣ. Да и какъ было въ самомъ дѣлѣ не обрадоваться? Мы поймали тогда нашу бѣглянку—пародность, мы поняли ее самымъ, повидимому, простымъ и притомъ совершенно *приличнымъ* образомъ, мы поняли ее въ цѣлой нашей исторіи; мы наивно вѣрнули и тому, напимѣръ, что „Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ трунами“, и тому, что „отселѣ (отъ Іоанна—не Ивана, а Іоанна III), исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной“, и проч., и проч., несколько не замѣчая, какъ смѣшны эти величавыя фразы на первой очной ставкѣ съ лѣтописями и грамотами, или съ завѣщаніями самихъ князей, въ которыхъ понятія и языкъ гораздо ближе къ нынѣшнимъ понятіямъ и нынѣшнему языку, хоть-бы купеческому, чѣмъ къ государственнымъ понятіямъ и къ офици-

ально-вепичавому языку... Надобно только припомнить дѣтскій восторгъ нашъ при появленіи „Юрія Милославскаго“... Не о восторгѣ читателей говорю я, а о восторгѣ судей-цѣнителей. Въ самомъ серьёзномъ пзѣ тогдашнихъ журналовъ, въ „Телескопѣ“, по поводу втораго романа М. Н. Загоскина „Рославлевъ“, явилась большая статья объ историческомъ романѣ вообще, и наговорено было по поводу нашего историческаго романа множество самыхъ наивныхъ вещей о нашей пародности.

Никому, рѣшительно никому, не пришло въ голову объяснить дѣло просто,—вліяніемъ Вальтеръ-Скотта, съ одной стороны, и Карамзинскихъ формъ съ другой.

Одинъ только Пушкинъ, не только какъ поэтъ, но какъ критикъ, понималъ настоящую „суть“ дѣла, но высказывался не прямо, а косвенно, и всегда необыкновенно удачно и тонко. Когда явился „Рославлевъ“ М. Н. Загоскина, Пушкипъ написалъ свою критику подъ формою высоко-художественнаго, по, къ сожалѣнію, неполнаго разсказа, въ которомъ онъ возстановлялъ и настоящія краски и настоящее значеніе событія и эпохи, такъ жалко изуродованныхъ въ романѣ покойнаго Загоскина; по даже и эта тонкая, художественная критика стала извѣстна только послѣ его смерти... Онъ *молчалъ* о господствовавшемъ въ тридцатыхъ годахъ направленіи, а только самъ не впадалъ въ него, самъ употреблялъ краски единственно тогда, когда убѣжденъ былъ, что эти краски настоящія, какъ въ его „Арапѣ Петра Великаго“, или въ „Капитанской дочкѣ“ и „Дубровскомъ“... Онъ молчалъ даже тогда, когда появлялись талантливыя въ высокой степени попытки Лажечникова, молчалъ потому, вѣроятно, что видѣлъ въ нихъ смѣсь талантливости и даже подчасъ истинной художественности съ невообразимою фальшью. Когда мы всё восторгались „народными“ разговорами въ романахъ Загоскина, онъ, въ высокой степени владѣвшій народною рѣчью (отрывокъ о Медвѣдицѣ), понимавшій глубоко и комическія пружины быта русскаго человѣка („Лѣтопись села Горохина“) и трагическія (кузнецъ въ Дубровскомъ, „Емеля“ въ Капитанской дочкѣ, пиръ Пугачева, и т. д.), онъ ни разу не позволилъ себѣ написать какую-либо повѣсть съ „народными“ разговорами, ибо зналъ, что не пришло еще время, нѣтъ еще красокъ подъ рукой и неоткуда ихъ взять, пока не нослѣдуютъ его совѣту и не будутъ учиться русскому языку у московскихъ просвиренъ (примѣчанія къ „Онѣггипу“), что рѣчь, которую выда-

вали за народную—не народная, а подслушанная у дворни, что чувства, этою рѣчью выражаемая—фальшивы и т. д. Опъ, опять повторяю, только тамъ писалъ красками, гдѣ зналъ краски; зато все то, что оставилъ онъ намъ писаннаго красками, вѣчно, какъ народная сущность, будутъ ли это рѣчи Татьяпиной няни и рассказъ ея о выходѣ замужъ, будутъ ли это рѣчи „Патапи“ въ балладѣ „Жеиихъ“, рѣчи дочери Мельника, въ которыхъ даже пятистопный ямбъ превращается въ складъ народного стиха... будутъ ли это народные сцены въ „Борисѣ“... Все это вѣчно, все это такъ же правдиво, какъ если бы написано было въ нашу эпоху Островскимъ, такъ полно знающимъ натуру русскаго чело-вѣка, способъ его выраженія, и т. д. Нѣтъ, это даже лучше, чѣмъ Островскій, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ у Пушкина оно выражено рѣчью боговъ, т.-е. стихомъ,—лучше именно потому, что выражено „рѣчью боговъ“, вырѣзано чертами на мѣди...

Способность отрицательная, способность видѣть фальшь, и тактъ обходить всякую—не только фальшь, но малѣйшую неясность въ представленіи, обходить, разумѣется, только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ возможности воспроизвести правду,—эта способность составляетъ въ гениальныхъ міровыхъ силахъ столь же важное свойство, какъ и положительная ихъ сторона. Пушкинъ не могъ сочинять и выдумывать красокъ. Брать на прокатъ чужія, по аналогіи, какъ Карамзинъ, онъ не могъ потому, что былъ несравненно болѣе Карамзина одаренъ всѣми духовными силами и стало-быть, видѣлъ дальше его; брать первыя попавшіяся краски изъ окружавшей его дѣйствительности, какъ вся его эпоха,—онъ тоже не могъ по художнической добросовѣстности. Эта добросовѣстность простиралась въ немъ до того, что онъ, напимѣръ, рисуя дочь Бориса, Ксенію, плачущую о своемъ женихѣ, выкинулъ повидимому превосходные стихи, и замѣнилъ ихъ прозою съ русскимъ пѣсеннымъ складомъ—возможно простой, возможно лишенной всякихъ украшеній („Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ“ и т. д.), вычеркнулъ сцену двухъ чернецовъ, повидимому тоже превосходную, но его, какъ видно, не удовлетворявшую, и не далъ въ первомъ изданіи „Бориса“ даже безукоризненную народную сцену у Дѣвичьяго монастыря, явившуюся только въ посмертномъ изданіи, и только въ Анненковскомъ вошедшую въ составъ поэмы... Да! этотъ „барченокъ“, писавшій по-французски (и надобно прибавить—превосходно) свои замѣтки

объ исторической драмѣ и о своемъ „Борисѣ“, свято чтить народъ, религиозно боялся солгать на народъ, на складъ его мышления, чувства, на способъ его выраженія... Видно, глубоко запали въ эту великую и воспримчивую душу сказки няни Ирины Родионовны.

И замѣчательно, что не только Пушкинъ, но все его друзья отличались—или положительнымъ, непосредственнымъ тактомъ народности, какъ Языковъ, въ особенности въ его великолѣпной драматической сказкѣ о Жаръ-птицѣ, которая по языку и тонкости поэтической прони—совершенство; какъ Хомяковъ, который хотя и напсаль грѣхъ юности... „Ермака“, но выкупилъ этотъ грѣхъ пѣсколькими удивительными сценами „Дмитрія Самозванца“ (въ особенности весь V актъ),— или безпощаднымъ отрицаніемъ всего фальшиваго, какъ князь Вяземскій и Одоевскій (не помню, которому изъ нихъ принадлежитъ выходка противъ изображенія предковъ съ кучеровъ ихъ потомковъ).

Наиболѣе безпощадный въ отрицаніи изъ друзей Пушкина, наиболѣе способный ясно видѣть всякую фальшь и смѣло назвать ее фальшью, былъ, конечно, благородный и глубокомысленный авторъ „Философскихъ писемъ“, П. Я. Чаадаевъ, строгій, послѣдовательный, безукоризненно-честный мыслитель—столь же безтрепетный передъ крайностями той мысли, которая казалась ему правдой, какъ передъ ударами и шутками судьбы, хотя бы удары ее были удары немаловажные, а шутки—печальные шутки!

II.

Чтобы понять значеніе Чаадаевского отрицанія въ ту эпоху и самое значеніе ея для послѣдующаго процесса нашего сознанія—необходимо разъяснить, что именно разбито было отрицаніемъ.

Карамзинскія литыя формы, приняты на вѣру „романтически-народною“ эпохою, разлившіяся на огромное количество историческихъ драмъ, въ которыхъ кобенились Минины и хвастали Лянуновы ¹⁾, и историческихъ романовъ съ изображеніями предковъ, снятыми прямо съ кучеровъ ихъ потомковъ,—формы, тяготѣвшія надъ эпохою даже и тогда, когда она думала съ ними бороться

¹⁾ Имѣются въ виду главнымъ образомъ псевдо-историческія трагедіи *Кукольника*, въ родѣ: „Князя Данила Холмскаго“, „Князя Скопина-Шуйскаго“, и др.

(въ лицѣ Полевого), образовывали извѣстное міросозерцаніе, давали извѣстное *слово* для объясненія нашей сущности, нашей народности...

Какъ только слово это признано было фальшивымъ словомъ правдивою отрицательною натурою, оно стало для нея ненавистнымъ и враждебнымъ, какъ всякая ложь. Чаадаевъ, какъ теоретикъ, не понялъ только одного,—что сама народность нисколько не виновата въ ея фальшивыхъ представленіяхъ.

Не поняла этого и вся его школа, т.-е. западничество. Совершенно правый въ отрицаніи фальшивыхъ представленій о нашей народности, взглядъ Чаадаева не могъ остановиться па одномъ этомъ отрицательномъ пунктѣ. Въмѣсто того, чтобы сказать какъ аналитикъ: „Русская жизнь, какъ и русская исторія, не подходятъ подъ тѣ рамки общеевропейской жизни и общеевропейской исторіи, подъ какія подвель ихъ Карамзинъ: слѣдуетъ поэтому поискать въ русской жизни и въ русской исторіи особенныхъ свойствъ и законовъ, на основаніи которыхъ выведены будутъ или положительныя различія, или болѣе правильныя аналогіи съ европейской жизнью и европейской исторіей“,—Чаадаевъ прямо сказалъ, что въ нашей жизни и исторіи нѣтъ никакой аналогіи съ общечеловѣческимъ, законнымъ развитіемъ, что мы какіе-то плоты, выбранныя судьбою для указанія: что можетъ быть съ племенами, отпадшими отъ цѣлости, отъ единства съ челоуѣчествомъ.

По обвинять Чаадаева за его выводъ можно только въ увлеченіи слѣплаго фанатизма; требовать отъ него спокойнаго разъясненія вопроса, который былъ для него не мозговымъ, а сердечнымъ вопросомъ, могло развѣ одно тупоуміе „Маяка“ и другихъ мрачныхъ изданій, въ его время, впрочемъ, и не существовавшихъ.

Помимо того обстоятельства, что для Чаадаева идея единства челоуѣчества облечена была въ красоту и величіе католицизма, которыми увлекся онъ тѣмъ сильнѣе, что, челоуѣкъ съ жаждою вѣры, онъ воспитаніемъ своимъ былъ совершенно разобщенъ съ бытомъ своего народа, такъ-сказать прельщенъ католицизмомъ и его идеалами—какъ вообще нѣкоторые изъ людей его сословія нерѣдко бывали, и доселѣ еще бываютъ „прельщены“ даже въ наше время; помимо, говорю я, этого чисто-личнаго и сословнаго обстоятельства, онъ, какъ натура правдивая и честная, былъ глубоко возмущенъ тѣми послѣдствіями, которыя вытекали изъ бле-

стящихъ, но фальшивыхъ формъ Карамзина, міросозерцаніемъ „романтически-народной эпохи“... Удержаться въ границахъ, какъ Пушкинъ, онъ не могъ: онъ обладалъ только отрицательной стороною Пушкинскаго духа, а не носилъ въ себѣ, какъ нашъ великій поэтъ, непосредственнаго чутья народности.

Міросозерцаніе же „романтически-пародной эпохи“, какъ только литыя Карамзинскія формы размѣнялись на мелочь историческихъ романовъ и историческихъ драмъ, оказывалось пли дѣтски-смѣшнымъ и жалкимъ, или даже оскорблявшимъ всякое, на извѣстной высотѣ стоявшее сознаніе и всякое правильно воспитавшееся челоуѣческое чувство.

Дѣятелн этой эпохи—наиболѣе пользовавшіеся успѣхомъ въ массѣ публики, за исключеніемъ блестяще-даровитаго и энергическаго Марлинскаго, которому только недостатокъ *мтры* и вкуса препятствовалъ быть однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей—были М. Н. Загоскинъ, Н. А. Полевой, И. П. Лажечниковъ и впоследствии Н. В. Кукольникъ.

М. Н. Загоскинъ, какъ челоуѣкъ—одно изъ отраднѣйшихъ явленій нашего стараго быта, натура въ высшей степени нѣжная и добродушная, хотя и ограниченная—пользовался какъ романистъ успѣхомъ, въ наше время и съ нашей точки зрѣнія совершенно невѣроятнымъ и необъяснимымъ... Что можетъ быть безцвѣтнѣе и сахарнѣе по содержанію, смѣшнѣе и жалостнѣе по выполненію, ходульнѣе и вмѣстѣ слабѣе по представленію грандіозныхъ народныхъ событій—„Юрія Милославскаго?“ Вѣдь этой книги въ наше время и дѣтямъ, право, давать не слѣдуетъ, чтобы не испортить ихъ вкуса! Непроходимая пошлость всѣхъ чувствъ, даже и патріотическихъ, фамусовское благоговѣніе передъ всѣмъ существующимъ—даже до кулака, восторженное умиленіе передъ тѣми сторонами стараго быта, которыя были недавно и правдиво казнены великимъ народнымъ комикомъ Грибоѣдовымъ, не китайское даже, а звѣрское отношеніе ко всему нерусскому, безъ малѣйшаго знанія настоящаго русскаго, рѣчь дворовой челяди вмѣсто народной рѣчи, съ прибавкою нѣсколькихъ выраженій, подслушанныхъ у ямщиковъ на станціяхъ—вотъ черты другого его романа: „Рославлевъ“, романа, который будетъ, впрочемъ, безсмертенъ по безсмертному отрывку Пушкина. Чѣмъ дальше шель покойный Загоскинъ въ своей дѣятельности, чѣмъ больше писалъ онъ, тѣмъ все ярче и ярче выступали въ произведеніяхъ его черты невѣ-

жественнаго барства и умиленія передъ пошlostью добраго стараго времени...

Когда это старое время являлось подъ могучею кистью художника какъ Пушкипъ, художника, сочувствовавшаго ему вполнѣ, даже до аристократической гордости, выразившейся къ „Родословной“, но изображавшаго его объективно спокойно, безъ любимой доктрины,—оно не возбуждало ненависти и негодованія. Не возбудило оно также ненависти, когда „Семейная хроника“ Аксакова изобразила его какъ живое, съ полной свѣжестью красокъ и во всѣхъ подробностяхъ... Но всѣмъ тѣмъ, которые въ наше время не поймутъ уже благородной рѣзкости Чаадаева, ненависти Бѣлинскаго и послѣдовательности западниковъ, можно посовѣтовать прочесть или перечесть романы покойнаго Загоскина.

Да! если бы народность наша была тѣмъ, чѣмъ является она въ этихъ произведеніяхъ, она не стоила бы того, чтобы о ней серьёзно и думать—ибо это была бы народность Фамусовыхъ, „Маяка“ и „Домашней Бесѣды“...

Странное дѣло, что хотя и Карамзинскія формы представленія народности послужили исходнымъ пунктомъ дѣятельности покойнаго М. П. Загоскина, но было бы крайнею несправедливостью въ отношеніи къ великому человѣку, каковъ былъ Карамзинъ, считать его виновнымъ въ этой дѣятельности. „Марѳа Посадница“ Карамзина, не смотря на ходульность и ложь—имѣть въ себѣ что-то человѣческое и благородное, и при всемъ отсутствіи пониманія народности, не клеветаетъ такъ на народъ, какъ сцены въ Нижнемъ „Юрія Милославскаго“, или сцены въ Москвѣ 1812 г. „Рославлева“... Даже то сентиментальное и смѣшное, что есть въ „Натальѣ, боярской дочери“, не такъ оскорбляетъ чувство, какъ объясненія Юрія съ Анастасіей послѣ ихъ внезапнаго бракосочетанія, отчего, какъ отъ фальши, краснѣешь по народному чувству, точно такъ же, какъ краснѣешь, по изящному или нравственному чувству, отъ различныхъ водевилей Александринской сцены...

А вѣдь это все выдаваемо было намъ за народность! Всѣмъ этимъ хотѣли намъ сказать, что вотъ такъ, дескать, русскій человѣкъ вѣрить, любить, дѣйствуетъ... Бѣдный русскій человѣкъ! Его показывали намъ или нравственнымъ евнухомъ, или дворовымъ скomorохомъ,—или Юріемъ Милославскимъ, или Торопкой Голованомъ.

Да не обвинять меня въ излишнемъ, несвоевременномъ озлобленіи на такой способъ представленія народности... Я пишу не о

Загоскинъ въ частности, который былъ человекъ безспорно даровитый и, какъ многіе люди конца XVIII и начала XIX вѣка, гораздо болѣе замѣчательный, чѣмъ его произведенія; я пишу о томъ направленіи, которое вызвало (и не могло не вызвать) сильное и энергическое противодѣйствіе западничества, противодѣйствіе такихъ великихъ въ исторіи нашего развитія дѣятелей, каковы были Чаадаевъ, Бѣлинскій, Грановскій и нѣкоторые другіе. У Загоскина, тамъ, гдѣ онъ пишетъ безъ претензій на доктрину, есть вещи наивныя, восхитительно-милыя, весело добродушныя, даже—что удивительно въ особенности—человѣчески-страстныя (рассказъ о молодости героя въ „Искусителѣ“). У него былъ и комическій талантъ—небольшихъ, конечно, размѣровъ—и добродушный юморъ, и жаръ увлеченія, и даже, пожалуй, своего рода поэтическая манера, но дѣло—повторяю—вовсе не въ немъ, а въ его направленіи, въ его взглядѣ на жизнь, въ его представленіи народности.

Взглядъ на народность Полевого имѣлъ одно только отрицательное значеніе. Какъ только обстоятельства заставили его обратиться къ положительной сторонѣ, эта положительная сторона явилась у него еще болѣе пошлою, чѣмъ у Загоскина. Въ эпоху же письма Чаадаева отрицательная дѣятельность Полевого только-что кончилась, положительная же еще не начиналась... Его историческія повѣсти (Симеонъ Кирдяпа) и романъ (Клятва при гробѣ Господнемъ) производили только много шума при своемъ появленіи, но въ сущности не давали ничего опредѣленнаго, и только дразнили, какъ все отрицательное.

Положительная сторона пониманія народности высказывалась только въ Загоскинѣ.

Я сказалъ уже, что положительная сторона эта была послѣдствіемъ Карамзинскихъ формъ, но успѣшилъ оговориться, что она стояла несравненно ниже этихъ формъ, ниже и въ своихъ общественныхъ и даже въ своихъ нравственныхъ стремленіяхъ. Общественныя стремленія этой высказавшейся тогда положительной стороны—рѣшительно нельзя назвать иначе, какъ Фамусовскими съ одной стороны, и Бурачковскими съ другой.

Представьте себѣ русскій бытъ и русскую исторію съ точки зрѣнія Павла Афанасьевича Фамусова и „Маяка“ или „Домашней Бесѣды“,—и вы получите совершенно вѣрное, нисколько даже не карикатурное понятіе о взглядѣ Загоскинскаго направленія на бытъ предковъ и бытъ народа. Любовь къ застою и умиленіе

передъ застоємъ, лишь бы онъ былъ существующимъ фактомъ, китаизмъ и исключительность въ пониманіи народнаго развитія, взглядъ на всякій протестъ, какъ на злодѣяніе и преступленіе, *vae victis* (горе побѣжденнымъ!), проведенное повсюду, признаніе заслуги въ одной покорности, оправданіе возмутительнѣйшихъ явленій стараго быта, какое-то тупо-добродушное спокойствіе и достолюбезность въ изображеніи этихъ явленій (Кузьма Петровичъ Мирошевъ),—вотъ существенныя черты Загоскинскаго общественнаго взгляда, взгляда съ исторической точки зрѣнія весьма важнаго, интереснаго и поучительнаго, тѣмъ болѣе, что онъ высказывался въ дѣятельности одного изъ любимѣйшихъ писателей, одного изъ благороднѣйшихъ людей...

Знаю, что ужасъ и, пожалуй, негодованіе возбудитъ мой рѣзкій взглядъ на дѣятельность Загоскина во множествѣ людей, которыхъ благороднымъ стремленіямъ, не во всемъ соглашаясь съ ними, многіе глубоко сочувствуютъ,—въ славянофилахъ... Славянофилы почему-то причисляютъ Загоскина къ своимъ. Но вѣдь они причисляютъ къ своимъ же и адмирала Шишкова,—а отъ адмирала Шишкова (какъ писателя, а не какъ челоуѣка, конечно) до г. Бурачка съ его „Маякомъ“, и даже „Домашней Бесѣды“ одинъ только шагъ!.. Загоскинъ, опять повторю, былъ лицо достойное полного уваженія; но что же общаго въ его общественномъ и нравственномъ взглядѣ съ взглядомъ Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и другихъ истинныхъ представителей славянофильства?.. Для славянофиловъ „народъ“ былъ вѣрованіемъ, для нихъ народъ былъ, по выраженію Аксакова (К. С.), „величайшимъ художникомъ, поэтомъ“ и даже мыслителемъ (чего, впрочемъ, они не договаривали); народъ, въ драмѣ-лѣтописи Аксакова: „Освобожденіе Москвы“ являлся единственнымъ героемъ, и всѣ другіе дѣятели ставятся на высшій или низшій пьедесталъ по степени большей или меньшей безличности, отождествленія съ народомъ... Для Загоскина же и того направленія, котораго онъ былъ даровитѣйшимъ представителемъ въ литературѣ, въ народѣ существовало одно только свойство—смиреніе. Да и притомъ самое смиреніе вовсе не въ славянофильскомъ смыслѣ полнѣйшей *общинности* и *законности*—а въ смыслѣ простой бараньей покорности всякому существующему факту. Стоитъ только припомнить, на примѣръ, съ какою безцеремонностью изображаетъ въ „Брянскихъ лѣсахъ“ покойный романистъ Андрея Денисова и его клеветовъ; изобра-

женіе это нисколько не уступает лубочнымъ изображеніямъ въ промышленныхъ романахъ г. Масальскаго ¹⁾), нисколько не выше ихъ по безпристрастію, только гораздо паивнѣе... А между-тѣмъ, мы въ недавнія времена видѣли весьма странное явленіе, видѣли какъ даровитый и добросовѣстный Щедринъ повелъ было комически разсказъ о Марѣ Кузьмовнѣ и другихъ прикосновенныхъ къ ея дѣлу лицахъ, доводящихся нѣсколько сродни по нисходящей линіи лицамъ, изображеннымъ нѣкогда г. Загоскинымъ и г. Масальскимъ, — а закончплъ разсказъ, можетъ-быть, помимо воли своей и желанія, вовсе ужъ не комически. Такъ какъ же намъ теперь-то, во времена болѣе правильныхъ отношеній къ народности, смотрѣть на общественныя стремленія того наиравленія, котораго Загоскинъ былъ представителемъ, иначе, нежели я вынужденъ былъ взглянуть съ исторической точки зрѣнія, иначе, чѣмъ Чаадаевъ взглянулъ нѣкогда съ точки зрѣнія своихъ идеаловъ и своихъ вѣрованій?..

Еще разъ: если бы такова была наша народность съ ея бытомъ и исторіею, какою является она во взглядѣ этого направленія, Чаадаевъ былъ бы совершенно правъ во всѣхъ безпощадныхъ послѣдствіяхъ своей мысли. Право было бы совершенно и западничество.

Загоскинъ же первый выдвинулъ своею дѣятельностью „семейное начало“, эту альфу и омегу нравственной пропаганды славянофильства. Опять-таки, прежде всего—эта альфа и омега славянофиловъ вовсе не то, что у Загоскина; но въ настоящую минуту я имѣю дѣло съ пониманіемъ семейнаго начала тѣмъ направлениемъ, котораго литературнымъ представителемъ былъ Загоскинъ. Это пониманіе вызвало—шутка сказать!—оппозицію литературы сороковыхъ годовъ, литературы спеціально отрицавшей и спеціально подрывавшей семейное начало, оппозицію, которой не возбудили же ни пониманіе Пушкина (въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, „Капитанской дочкѣ“, „Дубровскомъ“ и множествѣ отрывковъ), ни пониманіе Аксакова (въ „Семейной Хроникѣ“), ни пониманіе Островскаго во второй, чисто-положительной полосѣ его дѣятель-

¹⁾ К. П. Масальскій (1802—1861), авторъ нѣсколькихъ историческихъ романовъ: „Стрѣльцы“ (1832), „Черный ящикъ“ (1833), „Регентство Бирона“ (1834), „Бородолюбіе“ (1835—историч. драма изъ эпохи Петра Вел.); произведенія его въ свое время пользовались значительнымъ успѣхомъ.

ности („Бѣдная невѣста“, „Не въ свои сани не садись“, „Бѣдность не порокъ“, „Не такъ живи, какъ хочется“), а если временно и возбуждали (какъ, напримѣръ, Островскій, на счетъ котораго еще до сихъ поръ не успокоились „С.-Петербургскія Вѣдомости“), то только по старымъ враждамъ и ненавистямъ къ пониманію Загоскинскому.

Это же пониманіе, теперь только смѣшное, могло дѣйствительно возбудить оппозицію фанатически-враждебную, и славу Богу, что возбудило такую оппозицію. Девизъ этого пониманія былъ тотъ же, что и девизъ пониманія общественнаго; умиленіе передъ тупою покорностью, стало быть—*eo ipso*—совершенно спокойное отношеніе ко всякому самодурству... Не народности, а татарщины искало въ нашемъ быту это пониманіе. Не надобно упускать изъ виду еще и того обстоятельства, что нашей „романтически-народной эпохѣ“ данъ былъ толчокъ извнѣ Европою въ лицѣ Вальтеръ-Скотта, какъ впоследствии нашей *пейзанской* литературѣ былъ данъ толчокъ тоже извнѣ, романами Занда. Великій шотландскій романистъ или, какъ звали его въ ту эпоху, шотландскій бардъ—что грѣха таить?—своимъ личнымъ міросозерцаніемъ весьма приходился по плечу въ тѣ времена. Всѣ мы читали его, всѣ мы зачитывались имъ, но, конечно, до смѣлой и правдивой статьи о немъ Карлейля не смѣли бы даже доселѣ подумать отнять у него званіе „великаго поэта“, а еслибъ и посмѣли, то это вышло бы такъ же дико и неловко заносчиво, какъ наше отреченіе отъ Гюго и Бальзака. Теперь же можно смѣло да и впору сказать, что великая объективность шотландскаго историка-романиста постоянно выше его міросозерцанія, крайне мѣщанскаго и узкаго, по сколькоу это міросозерцаніе выражается въ его любимыхъ герояхъ и героиняхъ... Мы и прежде, конечно, чувствовали, что насъ увлекаетъ въ Вальтеръ-Скоттѣ высокая объективность изображенія, а вовсе не его герои (за исключеніемъ немногихъ), не лица, которымъ онъ явно симпатизируетъ, скорѣе даже именно тѣ лица, которыя являются у него *грѣшными* лицами. Напомню читателямъ для ясности дѣла три его романа,—будетъ и этихъ, потому-что ихъ они, вѣроятно, читали,—именно: *Айвенго*, *Преданіе о Монтроузѣ* и *Морского разбойника*. Айвенго самъ, напримѣръ, отнимите только у него поэзію западнаго рыцарства, выйдетъ пошль, какъ Юрій Милославскій; равно какъ и леди Ровена, его возлюбленная,—сучна своею добродѣтелью до какой-то *gaideur*, до чопор-

пости. Весь интересъ вашъ, сильно возбуждаемый обстановкой шотландскаго быта, рыцарскихъ турнировъ и проч., прикуется нравственно къ жиду и его дочери, да къ грѣшному и страстному храмовнику, которому предпочесть Айвенго прелестная Ребекка могла только по добродѣтели автора... Въ „Преданіи о Монтрозѣ“ вы полюбите всею душою оригинальнѣйшую фигуру сэра Далджетти, и прикуетесь невольно къ мрачному образу Оллена Макъ Олея, такъ удивительно оттѣняющему свѣтлый очеркъ Анпеты Ляйлъ, а о существованіи достопочтеннаго юнаго джентльмена лорда Ментейта совсѣмъ даже и забудете. Въ „Морскомъ разбойникѣ“, этомъ интимнѣйшемъ произведеніи великаго романиста, этомъ живомъ до малѣйшихъ подробностей изображеніи особеннаго мірка Шотландскихъ острововъ,—мірка, воспроизведеннаго во всѣхъ его комическихъ и грандіозно-фантастическихъ особенностяхъ,—вы увлечетесь живой дѣйствительностью, чуть-что не осязаемой, а интересъ вашъ прикуется опять-таки не къ добродѣтельному юношѣ Мертену и безкровной Бланкѣ, а къ грѣшному капитану Клевеленду и къ поэтической Миннѣ, да къ сѣдою полусумасшедшей старухѣ Норнѣ, заклинательницѣ стихій и вѣтровъ...

Если бы великой объективности, объективности притомъ въ изображеніи цѣлага міра чудесъ, міра роскошной западной жизни, да этихъ грѣшныхъ и страстныхъ, или грѣшныхъ и комическихъ фигуръ не было у Вальтеръ-Скотта, его бы давно бросили читать, такъ романы Загоскина...

Представьте же мѣщанство Вальтеръ-Скоттовскаго семейнаго созерцанія, перенесенное на скудную и однообразную почву не русскаго, а русско-татарскаго быта; представьте талантъ съ самою малою степенью объективности, талантъ владѣющій только однимъ качествомъ—наивностью, и, даже не читавши или не перечитывавши Загоскина, вы легко выведете послѣдствія... Пошлость, пошлость и пошлость одолѣетъ васъ, и изъ всей этой апотеозы тупой семейной покорности выведете вы логически только одно—необходимость ранняго появленія комизма въ нашемъ развитіи, необходимость бича Кантемировскаго и Фонвизинскаго на тупоуміе и ханжество, пламенно-лирической сатиры Грибоѣдова на хамство, скорбнаго и беспощаднаго смѣха Гоголя надъ всякой ложью, общественной ли („Ревизоръ“, „Утро дѣловаго человѣка“), или семейной („Отрывокъ“), глубоко захватывающаго спокойнаго

представленія самодурства во всѣхъ родахъ его и видахъ Островскимъ... поймете всѣ крайности оппозиціи литературы сороковыхъ годовъ, болѣзненные вопли натурализма изъ темныхъ и невѣдомыхъ міру угловъ ¹⁾, безтрепетную анатомію романа „Кто виноватъ“, ожесточеніе до пѣны у рта Бѣлинскаго...

А прежде всего вы поймете значеніе Чаадаевского письма и великое значеніе западничества, со всѣми его послѣдствіями, въ нашемъ развитіи.

III.

Письмо Чаадаева не вдругъ и не прямо принесло всѣ свои плоды. Первоначально оно надѣлало только шуму и скандалу своими страшно-рѣзкими положеніями, и только черезъ пять лѣтъ отдалось въ нашемъ уметвенномъ сознаніи рядомъ явленій связанныхъ одною мыслью, бывшихъ результатомъ одного процесса... И понятно, что школа, доктрина, образовалась не вдругъ, равно какъ понятно и то, что доктрина провела мало-по-малу всѣ рѣзкія положенія, высказанныя заразъ смѣлымъ теоретикомъ, но провела ихъ совершенно изъ другихъ основъ. Основа Чаадаева былъ католицизмъ, основою западничества стала философія.

Дѣло шло постепенно... Въ самой эпохѣ, присвоившей себѣ тогда названіе „романтически-народной“, были уже элементы разложенія. Я разсмотрѣлъ одну сторону ея — направленіе, которое искреннѣйшимъ образомъ выразилось въ Загоскинѣ и его дѣятельности...

Въ отрицательныхъ стремленіяхъ Полевого, не смотря на то, что стремленія эти не выразились ни въ какихъ опредѣленныхъ формахъ, заключался уже однако протестъ противъ господствовавшего тогда взгляда на народъ, на его бытъ и исторію. Протестъ этотъ шевелилъ нѣсколько умы, имѣлъ, не смотря на свою безосновность, съ одной стороны, и на свою наглую заносчивость — съ другой, достаточное количество приверженцевъ. Отъ этого протеста ждали чего-то, ждали въ особенности умы молодые и притомъ мало знакомые съ наукой, умы, которые и учиться то собственно начали по *Телеграфу* Полевого... Дождались впоследствии

¹⁾ Имѣется въ виду, повидимому, одно изъ раннихъ произведеній *Некрасова*: „Петербургскіе углы“, весьма характерное для „натуральной школы“ 40-хъ годовъ.

„Купца Иголкина“ и „Параши Сибирячки“¹⁾, но именно этих-то послѣдствій никакъ не ожидали, и тѣмъ менѣе могли ихъ предвидѣть... Ожиданіе не было разочаровано даже появленіемъ „Исторіи Русскаго народа“ и романа „Клятва при гробѣ Господнемъ“. Полевой былъ самоучка, Полевой былъ человѣкъ народа; и самоучки, изъ которыхъ большею частью состояла тогда наша публика, охотно прощали ему и пробѣлы его наскоро нахватаннаго образованія, и его самохвальство, за что-то таинственное въ будущемъ, чего отъ него ожидало... Надобно сказать, что неумѣренный; можно сказать, неблагопристойный тонъ антагонистовъ Полевого, даже ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ, каковы были Надеждинъ и Погодинъ, много содѣйствовалъ тому, что сочувствіе большинства читателей было на сторонѣ Полевого. Совершенно правые въ разоблаченіи безосновности и наглости отрицанія Полевого, противники его были неправы въ томъ, что не видали необходимости отрицанія Карамзинскихъ формъ пониманія быта и исторіи народа, стояли за эти формы, какъ за какую-то неприкосновенную святыню, когда явнымъ образомъ сознаніе этими формами уже не удовлетворялось, когда эпоха явно искала чего-то иного, искала тревожно, и встрѣчала сочувствіемъ отрицательныя стремленія. Они сами, какъ тогда, такъ и въ послѣдствіи—ревностные поборники народности, не могли и не хотѣли понять, что протестъ законный заявлялъ себя въ самомъ названіи своей исторіи Полевымъ „Исторіею русскаго народа“. Они, даже нѣсколько недобросовѣстно, увлеченные враждою въ Полевому и пристрастіемъ къ старому идолу, видѣли даже и въ этомъ названіи одинъ расчетъ, одну спекуляторскую продѣлку, тогда какъ оно несомнѣнно родилось подъ влияніемъ духа протеста... Полевой владѣлъ безспорно чуткостью и отзывчивостью на вопросы своего времени, чуткостью и отзывчивостью замѣчательными, и для того, чтобы быть истинно великимъ дѣятелемъ въ исторіи нашего развитія, ему недоставало одного только—глубокаго и пламеннаго убѣжденія. Онъ угадалъ, что эпохѣ нужно было отрицаніе, но не пошелъ смѣло за эпохою, какъ пошелъ смѣло Бѣлинскій, и потому не овладѣлъ эпохою, какъ овладѣлъ ею Бѣлинскій...

Эпоха не была народною, но за то, дѣйствительно, была вполнѣ

¹⁾ Патріотическія произведенія Полевого—его позднѣйшаго, петербургскаго періода.

„романтической“, т.-е. эпохою чайній, тревожныхъ порываній къ чему-то, броженія силъ и даже безцѣльной траты ихъ... Три высокихъ таланта были жертвами этого броженія и этой безцѣльной траты силъ: Марлинскій, Полежаевъ, Мочаловъ... Это было, можетъ-быть, то въ нашемъ развитіи, что у нѣмцевъ такъ-называемая Sturm-und Drang-Periode, періодъ „Разбойниковъ“ Шиллера, драмъ Клингера и безобразной жизни юнаго Гёте съ другомъ его, Веймарскимъ герцогомъ, — только, по нашему болѣе живому характеру, несравненно спльнѣе и нелѣпѣе. У нѣмцевъ—иное дѣло мысль, а иное дѣло жизнь: Кантъ и Гегель были самыми спокойными гелертерами, даже въ нѣкоторомъ отношеніи филлстерами; мужество и старость Гёте не похожи были на его юность, и пзъ всего кружка этихъ буйныхъ юношей только одинъ Мефистофель-Меркъ ¹⁾ кончилъ самоубійствомъ, да Шиллеръ рано умеръ, „съ горя, что онъ нѣмецъ“, какъ выражался одинъ оригинально-умный россійскій циникъ. Но у насъ романтизмъ и тревога отражались въ цѣлой жизни лицъ и даже поколѣній, ложившихся въ могилу такими же, какими были въ колыбели. Мы свято вѣрили въ то, что для нашихъ старшихъ на пути развитія братій было только броженіемъ уместнымъ, и прямо, псколько не колеблясь, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, переводили въ жизнь пдеи, часто даже плохо ихъ переваривши...

Колоссальные замыслы, тревожные сны и—въ дѣйствительности—паденіе въ грязь цинизма, какъ Полежаевъ, или въ совершенно пустыя пространства, какъ Марлинскій, донъ-кхотетство, принимавшее не разъ восточную и притомъ татарскую фізіопомію, истощеніе жизненныхъ силъ не въ борьбѣ, а въ праздномъ дилетантизмѣ, въ праздной игрѣ жизнью, вотъ что отличало въ эту эпоху натуры, дѣйствительно могучія. Но болѣзнь напряженности нравственной распространялась какъ зараза, и не одинъ могучія натуры ей подвергались, а всѣ натуры сколько-нибудь впечатлительныя, хотя и слабыя. На ихъ долю вынадала ходульность и потомъ паденіе въ пошлость жизни, въ ношлость созерцанія жизни...

Странно, что Половой, одинъ изъ блестящихъ двигателей эпохи—подвергся послѣдней участи, и самъ засвидѣтельствовалъ ее въ знаменитомъ эпилогѣ своего романа „Аббадонна“.

¹⁾ Другъ молодого Гёте, скептикъ и отрицатель;—предполагають, что съ него Гёте списалъ нѣкоторыя черты своего Мефистофеля.

Въ романтизмъ этой эпохи именно нужно различить два направлення. Одно заявляло себя могучими силами, необузданными стремленіями, колоссальными замыслами, и давало подчасъ свидѣтельства очевидныя и несомнѣнныя присутствія въ себѣ такихъ свойствъ. Литературно выразилось оно въ Полежаевѣ и Марлинскомъ. Другое постоянно напрягалось и надало въ смѣшное или пошлое, какъ Полевой и Кукольникъ. Первое направленіе само себя разрушало, само себя сжигало, но сжигало какъ фениксъ, и возродилось яркимъ, хотя быстро промелькнувшимъ явленіемъ, явленіемъ Лермонтова; ибо всѣ тѣ элементы, которые тревожно и часто безобразно бушевали и бродили въ гениальныхъ проблескахъ Полежаевского таланта, въ „Амалатъ Бекъ“, „Красномъ Покрывалѣ“, даже „Мулла-Шуръ“ и Вадимовѣ Марлинскаго, получили цѣлость и гармонію въ немногихъ оставшихся намъ созданіяхъ великаго, рано похищеннаго у насъ рокомъ поэта,—и нѣтъ поводовъ думать, чтобы элементы эти закончили совѣмъ свое дѣло, чтобы они вновь не возродились въ новомъ великомъ поэтѣ. Они были и въ Пушкинѣ, но онъ держалъ стихи въ рукахъ, какъ великій заклинатель; они составляютъ существенныя наши свойства, и лишать насъ ихъ можетъ только развѣ то направленіе мысли, которое на всякій протестъ и на всякую страстность смотритъ, какъ на зло и преступленіе.

Другое направленіе романтизма выразилось въ литературѣ нашей исключительно, кажется, для того, чтобы надъ нимъ, какъ надъ всѣмъ ложнымъ, посмѣялся своимъ горькимъ смѣхомъ Гоголь; да развѣ для того еще, чтобы оппозиціи западничества, враждебно борющейся съ мракобѣсіемъ самодурства и туноумной покорностью — было надъ чѣмъ позабавиться. Какъ ложь, оно исчезло безъ слѣда съ своими непонятными поэтами Рейхенбахами, кончающими свои похождения мѣщанскимъ благополучіемъ во вкусѣ Августа Лафонтена, и съ своими итальянскими художниками и импровизаторами, заговаривающимися до „младенческой“, — со всѣми своими бурями въ стаканѣ воды... Въ сущности, говоря серьезно, всѣ эти Рейхенбахи, Тассы, Домениккини, Нино-Галлури ¹⁾ съ ихъ „разгулами жизни“ и съ аркадскими сценами плетенія корзинокъ для настушекъ—содѣйствовали къ отрезвленію нашему отъ всего „панушеннаго“ на насъ и возбудили въ литературѣ не

¹⁾ Героя произведеній Полевого и Кукольника.

только горькій смѣхъ Гоголя, по спокойную и здоровую оппозицію здраваго смысла и житейскаго такта, оппозицію, заходившую иногда и за границы въ сухо-резонерныхъ постройкахъ произведеній яркаго таланта г. Гончарова ¹⁾, — въ слишкомъ низменномъ подчасъ уровнѣ жизненнаго взгляда, выражающагося въ крѣпко-дѣйствительныхъ произведеніяхъ г. Писемскаго, — въ крайностяхъ того психическаго анализа, которымъ такъ сильны и такъ совершенно новы рассказы гр. Толстого... Ложь на дѣйствительность, ложь ничѣмъ не оправдывавшаяся, ни искренностью страстныхъ порывовъ, ни броженіемъ могучихъ силъ, ложь безсильная и потому смѣшная, вызвала требованіе правды въ изображеніи дѣйствительности, правды во что-бы то ни стало, хотя бы сухо-практической и разсудочной, стало-быть односторонней („Обыкновенная исторія“), хотя-бы низменно и даже подчасъ пошло житейской („Тюфякъ“, „Бракъ по страсти“), — хотя-бы неутолимой и погрязающей въ безвыходномъ анализѣ, приводящемъ въ концѣ-концовъ къ апатіи (Толстой).

Между тѣмъ это самое направленіе, безсильное и безплодное, обязанное какимъ-либо значеніемъ только оппозиціи имъ возбужденной, это направленіе устремляется тоже на русскій бытъ, на русскую исторію, на русскую народность.

И вотъ въ чемъ была ошибка западничества. Мрачную доктрину добродушнаго Загоскина считало оно за народное созерцаніе; клеветы на народность драмъ Кукольника и Полевого за выраженіе народности...

Хотя нѣсколько и смѣшно по поводу драмъ Полевого и Кукольника говорить о судьбѣ нашей исторической драмы, но когда припомнимъ эти факты, еще не слишкомъ давніе, факты, не болѣе какъ лѣтъ за пятнадцать назадъ, и даже еще менѣе, подававшіе поводъ къ толкамъ весьма серьезнымъ о невозможности русской исторической драмы, о недостаткѣ драматизма въ самой напѣей исторіи и бытѣ; когда подумаемъ, что и въ настоящую минуту этотъ вопросъ далеко еще не рѣшенъ, и по временамъ рѣшается еще по старому, — необходимость остановиться нѣсколько на драматической дѣятельности покойнаго Полевого и г. Кукольника, равно какъ и вообще на фальшивомъ направленіи отъ нихъ происшедшемъ становится очевидною.

¹⁾ Въ его „Обыкновенной Исторіи“.

Вопросъ вовсе не маловажный,— можемъ-ли мы или нѣтъ имѣть историческую драму въ настоящемъ смыслѣ? Что до сихъ поръ мы ея не имѣли кромѣ очерковъ Пушкина, да третьяго акта „Псковитянки“ Мся—это фактъ, и фактъ, который велъ западничество къ прямому заключенію объ отсутствіи драматическаго движенія въ нашемъ историческомъ быту, къ заключенію, изъ котораго непосредственно вытекало другое, о невозможности иного, кромѣ отрицательнаго, комическаго изображенія нашего быта вообще.

Заключенія же выведены были изъ неудачныхъ смѣшныхъ попытокъ изображенія.

Смѣшная сторона нашего романтизма, выразившаяся въ разныхъ „Доменикинахъ“ и „Джуліо Мости“ г. Кукольника, въ разныхъ поэтахъ, художникахъ, мечтателей Полевого, не довольствовалась „изображеніемъ итальянскихъ страстей на сѣверѣ“, и перенесла свои бури въ стаканѣ воды на почву русской исторіи и вообще русскаго быта.

Какъ въ большей части явленій нашей литературы, толчокъ былъ данъ извнѣ — подражаніемъ французамъ и нѣмцамъ, которые въ тридцатыхъ годахъ (а нѣмцы еще прежде) усиливались создать у себя историческую драму, и создавали только или гениальные парадоксы въ драматической формѣ, какъ Викторъ Гюго, или сумасшедшіе сны, какъ Захарія Вернеръ, или, наконецъ, пошлости, какъ Раупахъ — и много-много что искусные мозаическіе этюды, какъ Просперъ Мериме въ своей „Жакеріи“¹⁾.

Историческая драма въ настоящемъ ея смыслѣ была не у многихъ народовъ — у грековъ, у англичанъ и у испанцевъ.

Потому что возможность настоящей исторической драмы условливается не одною гениальностью поэтовъ народныхъ, а историческими судьбами народовъ и извѣстными эпохами.

Драма вообще (трагедія или комедія—это все равно), если смотрѣть на нее серьезно, есть не что иное, какъ публичный культъ, совершаемый народной сущности, общественное богослуженіе; по-

¹⁾ Фридрихъ-Людвигъ-Захарія Вернеръ (1768—1823), нѣмецкій драматургъ романтической школы; многія изъ его произведеній отличаются мистическимъ характеромъ, въ родѣ трагедіи: „24-е февраля“. Имъ написанъ цѣлый рядъ историческихъ драмъ: „Крестъ на берегу моря“, „Атилла, король гунновъ“ и мн. др. Эрнстъ Раупахъ (1784—1852), чрезвычайно плодовитый нѣмецкій драматургъ: имъ между-прочимъ драматизирована вся исторія дома Гогенштауфеновъ. „Жакерія“ (1828) Мериме—сцены изъ эпохи возстанія французскихъ крестьянъ противъ феодальныхъ владѣльцевъ. *Примѣч. В. С.*

зволю себѣ выразиться такъ, употребляя слово богослуженіе въ языческомъ смыслѣ. Тѣмъ болѣе историческая драма. Драматургъ народный, тѣмъ болѣе драматургъ историческій, долженъ соединять въ себѣ два повидимому несоединимыя свойства: глубочайшее прозрѣніе жизни, прозрѣніе мудреца, съ совершенно непосредственнымъ, нетронутымъ, никакою рефлексіей неподорваннымъ міросозерцаніемъ, отождествленнымъ съ міросозерцаніемъ своего народа; однимъ словомъ быть жрецомъ, который вѣруеть въ своихъ боговъ и котораго не заподозрѣваетъ поэтому масса въ искренности его служенія, а вмѣстѣ—учащимъ массу, представляющимъ вершину ея міросозерцанія...

Ясное дѣло, что для такого жречества мало одной геніальности и богатства натуры въ жрецѣ. Ни Байронъ, ни Мицкевичъ, напримеръ, не смотря на свою геніальность, не могли быть такими жрецами; ни великій Шиллеръ даже не могъ быть вполне такимъ жрецомъ, хотя вовсе не потому, что газета „Вѣкъ“ изъясляетъ къ нему, какъ къ поэту, мало сочувствія; ни олимпіецъ Гёте,

Жизнью полною отдышавшій

И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ спошна

Все довольнее долу отдавшій.

Такими жрецами были только мистагогъ Эхиль, разоблачавшій тайны мистерій въ „Прометей“, съ „пчелой“ народною Софокломъ¹⁾, инквизиторъ Кальдеронъ и комедіантъ Шекспиръ. Такими жрецами могли быть Дантъ и Пушкинъ, но не были: одинъ былъ озлобленъ въ своихъ вѣрованіяхъ, другой не зналъ предѣловъ своихъ вѣрованій.

Для исторической драмы есть особенные народы, именно такіе, у которыхъ мысль не разъединена съ дѣломъ, а непосредственно въ него переходитъ, у которыхъ искусство идетъ объ руку съ жизнью, а не впереди ея, какъ у насъ и нѣмцевъ, и не позади ея, какъ шло нѣкогда у французовъ. И кромѣ того, въ жизни этихъ народовъ для исторической драмы есть особенныя эпохи — эпохи, когда великія общенародныя событія только-что отошли на такое приличное разстояніе, что могутъ быть созерцаемы и изображаемы, но не ушли уже такъ далеко, чтобы одѣться для массы туманомъ, чтобы быть забытыми до утраты къ нимъ кроваго,

1) „Мистагогъ“—посвящающій въ мистеріи. „Аттическая пчела“—прозвище Софокла.

непосредственного сочувствія, кровной, непосредственной съ ними связи. Надобно, чтобы духъ возсоздаемаго прошедшаго вѣялъ еще дыханіемъ жизни, носился еще надъ настоящимъ. Иначе массѣ нужно растолковывать совершаемый ей и передъ нею культъ, а ужъ плохая та драма или тотъ культъ, который надобно растолковывать. Мрачная *Мойра* драмъ объ Эдипѣ и Атридахъ была живымъ вѣрованіемъ для зрителей Эсхила и Софокла ¹⁾. Какъ только начали разсуждать о Мойрѣ, смягчать ее (смягчая, напримѣръ, актъ матерубійства Электры и Ореста), приводить роковыя титаническія ненависти и привязанности въ болѣе мягкіе, болѣе человѣческіе размѣры,—религіозность, искренность драмы упала, и послѣдній цѣльный грекъ Аристофанъ не даромъ смѣялся надъ Эврипидомъ, не даромъ также въ лицѣ его искренняя трагедія обратилась въ искреннюю комедію, культъ Мойры въ культъ Вакха и Момуса. Въ сущности, онъ и смѣялся-то не надъ талантливымъ человѣкомъ Эврипидомъ, а надъ тѣмъ, что талантливый человѣкъ упорно держится за распавшуюся форму, которую онъ, Аристофанъ, человѣкъ гениальный, весьма просто смѣнилъ другою, цѣльною и искреннею.

Отъ мистерій религіозныхъ, принимаемыхъ съ страстною вѣрою страстнымъ, полумавританскимъ народонаселеніемъ; отъ боя быковъ съ торреадорами и пикадорами, доселѣ еще не утратившаго своего значенія для народа; отъ романсовъ о Сидѣ и маврахахъ, сложившихся почти одновременно съ событіями,—въ эпоху только что вышедшую изъ борьбы, полную и рыцарства и религіознаго фанатизма,—не труднѣе было переходъ къ *Comedia Famosa* и *Autos sacramentales* Лоне де Веги и Кальдерона. Тутъ, кромѣ генія драматурговъ, носились въ воздухѣ вѣянія великихъ событій, не исчезъ еще рыцарскій духъ, не простылъ фанатизмъ религіозный. Масса могла вѣрить въ свою драму и своихъ драматурговъ, какъ въ дѣло настоящее, серьезное, не сочиненное, не выдуманное, столь же серьезное и не выдуманное, какъ бой быковъ и костры инквизиціи. Мудрено ли, что жадно смотрѣлись эти зрѣлица при дневномъ даже свѣтѣ и подъ палящимъ солнцемъ? Это было дѣло кровное и простое.

Столь же кровное и простое дѣло была историческая драма Шекспира для того народа, у котораго доселѣ прошедшее не перестаетъ жить въ настоящемъ, и въ такую эпоху, когда только-

¹⁾ „Мойры“—богини судьбы у древнихъ грековъ.

что кончилась героическая эпоха славныхъ войнъ и междоусобныхъ браней, — въ продолженіе которыхъ народъ завоевалъ себѣ свои кровныя права. Шекспиръ до того былъ жрецомъ своего культа, что ни въ симпатіяхъ, ни въ антипатіяхъ не расходился съ народомъ. Что ему за дѣло, что Жанна д'Аркъ была свѣтлымъ и героическимъ явленіемъ для своей страны? Въ глазахъ Англичан и ея толпы была она (какъ Маршика въ нашихъ пѣсняхъ) „злой сретницей и волшебницей“: такую онъ ее и изображаетъ. Что ему за дѣло, что Ричардъ III вовсе не былъ злодѣемъ (какъ открывается изъ новѣйшихъ изслѣдованій)? Въ памяти народа остался онъ злодѣемъ, и Шекспиръ создаетъ его такимъ, какимъ уцѣлѣлъ онъ въ памяти народа, позволивши себѣ только одно: возвести народное представленіе въ колоссальный общечеловѣческій типъ...

Дантъ и Пушкинъ, сказалъ я, могли бы по даннымъ природы своей быть такими же жрецами, какъ греческіе трагики, Шекспиръ и испанцы... Но у народа Дантова не было единства жизни, эпоха его представляла раздвоеніе идеаловъ, и онъ осужденъ былъ мѣдными чертами своими увѣковѣчивать свои проклятія жизни. Пушкинъ же поставленъ былъ нашимъ развитіемъ въ еще болѣе странное положеніе. Въмѣсто опредѣленныхъ вѣрованій у него были только гаданія о жизни его народа, жизнь, которая сама себя забыла...

„Эта Литва — она къ намъ съ неба упала“, — вотъ великое слово разгадки нашихъ странныхъ отношеній къ нашей исторіи и къ нашему быту. Это слово такъ многозначительно въ своей комической простотѣ, что только у великаго писателя, каковъ Островскій, могло оно вырваться... Но до этого слова долго надобно было намъ доходить, процессомъ блестящихъ, но фальшивыхъ Карамзинскихъ аналогій, добродушнаго Загоскинского мракобѣсія, пошлостей покойнаго Полевого, гг. Кукольника, Р. Зотова, Гедсонова и т. д., и т. д.

И все-таки, это слово не такъ оправдываетъ западничество съ его отрицаніемъ, какъ это кажется на первый разъ, не ведетъ къ выводамъ, что у насъ не было жизни (потому что жизнь сама себя забыла) не ведетъ даже къ тому выводу, что у насъ не можетъ быть народной исторической драмы, т.-е. культа нашей народной сущности, по недостатку матеріаловъ для нея.

Надобно всегда различать, какъ остроумно и глубоко говаривалъ покойный Хомяковъ — „Божье поущеніе“ отъ „Божьяго соизволенія“. Что татары оторвали насъ отъ XII вѣка и отъ на-

шого федеративнаго будущаго, что сѣверо-восточные князья-пріобрѣтатели, пользуясь татарскимъ игомъ, централизовали и вмѣстѣ кристаллизировали жизнь, это было, конечно, исторически необходимо, т.-е., проще говоря, это — произошло. Но вѣдь произошло также и то, что въ эпоху междоусобствія вдругъ раскрылись всѣ язвы общественныя, на время заглушенныя хитрыми мѣрами Калиты и Ивана III и грозной централизаціей Ивана IV, вдругъ отозвались всѣ подавленныя стороны жизни и выступили подъ знаменами безчисленныхъ самозванцевъ. Равномѣрно и въ духовномъ процессѣ нашемъ совершаются такіе факты, которые показываютъ, что связь наша съ исторіей и бытомъ народа вовсе не такъ разорвана, какъ это казалось лѣтъ за пятнадцать назадъ, что кругомъ насъ въ тишинѣ совершается жизнь, — вовсе не такъ далекая отъ жизни даже XII столѣтія, какъ это кажется съ перваго раза. Какая разница, напримѣръ, въ хожденіяхъ паломника XII вѣка игумена Данила и въ странствіяхъ смиреннаго инока горы Аѳонской отца Пароенія ¹⁾, прочтенныхъ или читасмыхъ съ каждою массою и прочтенныхъ съ певольнымъ увлеченіемъ даже образованнымъ классомъ, шевельнувшихъ въ немъ, въ этомъ образованномъ классѣ, доселѣ молчавшія въ пемъ струны, вырвавшихъ слова сочувствія (хоть и величаваго) у такого тонко-развитаго и такъ мало способнаго къ неприличнымъ увлеченіямъ критика, какъ ех-редакторъ „Библіотеки для Чтенія“?... ²⁾ А эти типы послѣднихъ временъ нашей литературы, бросившіе неожиданно и внезапно свѣтъ на наши историческіе типы — этотъ Куролесовъ, напримѣръ, „Семейной хроники“, многими чертами своими лучше теорій гг. Соловьева и Кавелина разъясняющій намъ фигуру Грознаго Ивана, этотъ міръ купеческаго т.-е. удѣленно-самостоятельно развившагося на своей почвѣ народнаго быта, раскрытый намъ Островскимъ и т. д.

Да! жизнь точно сама себя забыла до того, что для нея „Литва съ неба упала“; но вѣдь что она забыла въ самой себѣ? — факты, а не значеніе фактовъ... Почему же, полагая, что „эта Литва къ

¹⁾ Паросній, устроитель Берлюковской пустыни (Богород. у., Москов. губ.): кромѣ нѣсколькихъ обличительныхъ сочиненій противъ раскола, ему принадлежитъ: „Сказаніе о странствіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Св. Землѣ“ (Москва, 1856).

²⁾ А. В. Дружининъ, оставившій въ началѣ 1861 года редактированіе „Библіотеки для Чтенія“.

намъ съ неба упала“, жизнь однако бьетъ такъ мѣтко иногда въ такіе вопросы, что вы и не ожидаете? Почему, напримѣръ, въ плохой, но народной пѣснѣ, сложившейся въ новыя времена—вдругъ васъ поразитъ самый вѣрный историческій тактъ, самая странная политическая память?..

Въ тридцать первомъ году
Воевалъ полякъ Москву,
Подымался онъ войной
На Смоленску губерню...

Почему, съ другой стороны, появленіе изъ подъ спуда пѣсенъ, сказокъ, преданій народа, свѣдѣній о народѣ, дѣйствуетъ на насъ, развитыхъ и образованныхъ людей, столь ошеломляющимъ образомъ, что осторожный и серьезный г. Дудышкинъ вдругъ неожиданно-негаданно выскочилъ съ вопросомъ: народный ли поэтъ Пушкинъ? и рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно потому только, что міросозерцаніе Пушкина и рѣчь Пушкина не похожи на міросозерцаніе и рѣчь пѣсенъ, доставленныхъ въ „Отечественныя Записки“ г. Якушкинымъ, или сказокъ, изданныхъ г. Афанасьевымъ?..

Почему все это? И въ правѣ ли мы остановиться на отрицаніи въ нашей жизни живыхъ элементовъ, т.-е. элементовъ самобытныхъ, связанныхъ съ прошедшимъ? А западничество именно отрицало ихъ, эти живые элементы, и все наше прошедшее предало проклятію, осудило на небытіе...

Я объяснялъ уже, что было виною такой рѣзкой оппозиціи.

Послѣдняя фальшь въ пониманіи и представленіи нашей народности была наша историческая драма, и едва ли что-либо могло дѣйствительно такъ скомпрометировать нашу народность, какъ эта незваная-непрощенная драма покойнаго Полевого, гг. Кукольника, Р. Зотова, Гедеонова и иныхъ... Она была не только смѣшна, но въ высочайшей степени нахальна—эта историческая драма; она навязывала публично такой взглядъ на исторію и бытъ народа, который людей незнакомыхъ съ народомъ и его бытомъ велъ къ одному отрицанію. Припомните возгласы о русскомъ кулакѣ, звѣрское самохвальство Кукольниковскаго Ляпунова и татарскую сцену Ляпунова Гедеоновскаго съ Мариною; припомните войну Оедоси Сидоровны съ китайцами, припомните Минина и Пожарскаго въ „Рукѣ Всевышняго“ г. Кукольника... Припомните еще нѣсколько столь же безобразныхъ иародій на нашу исторію и бытъ нашъ, сходите въ театръ, когда дають тамъ (еще дають!) послѣд-

нее чадо этого направленія, и притомъ самое пошлое: „Татарскую свадьбу“, извѣстную подъ названіемъ „Русской свадьбы...“ ¹⁾ Пѣтъ! ни одна литература, даже французская въ драмахъ Вольтера, не клеветала такъ на исторію и бытъ своего отечества, какъ наша историческая драма... Мудрено ли, что она, вмѣстѣ съ предшествовавшими ей явленіями, съ историческими романами „романтически-народной“ эпохи, вызвала такое сильное отрицаніе, какъ отрицаніе западничества? Мудрено ли, что фальшивое пониманіе и представленіе нашей народности, долго набрасывало тѣнь даже на благородное, хотя одностороннее, служеніе народности славянофильства?..

IV.

Оппозиція, которой общее названіе есть *западничество*, выразилась какъ въ дѣятельности мыслителей, такъ и въ массѣ литературныхъ произведеній...

По оппозиціи прямой и послѣдовательной предшествовала оппозиція смутная, безсознательная, и на ней, прежде перехода къ разсмотрѣнію прямой оппозиціи, ея значенія и развитія, слѣдуетъ остановиться для полноты очерка.

Безсознательная оппозиція родилась въ самой „романтически-народной“ эпохѣ, и вся выразилась въ дѣятельности единственнаго настоящаго таланта этой эпохи—въ дѣятельности Лажечникова.

Лажечниковъ—уже прошедшее для насъ, до того прошедшее, что когда лѣтъ за пять назадъ мы встрѣтились съ произведеніемъ любимаго нѣкогда романиста въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, мы всѣ тщетно искали того, что нѣкогда такъ сильно интересовало всѣхъ насъ въ „Новикѣ“, „Ледяномъ домѣ“, „Басурманѣ“... И это не потому только, что Лажечниковъ, котораго любили мы прежде, какъ историческаго романиста, явился въ своемъ старческомъ произведеніи сентиментальнымъ повѣствователемъ—нѣтъ! Не болѣе какъ за годъ тому назадъ появилась въ печати—давно извѣстная многимъ и давно съ восторгомъ читавшаяся многими—драма „Опричникъ“: она не возбудила къ себѣ никакого сочувствія, и вдругъ оказалась совершенно устарѣлою.

¹⁾ „Старинная русская свадьба“—драматическая пьеса С. Д. Опочинина (1859).

Когда-то я называл Лажечникова „допотопнымъ“ явленіемъ. Надъ моимъ, дѣйствительно страннымъ, терминомъ смѣялись, и я самъ готовъ былъ и готовъ теперь смѣяться надъ дикимъ терминомъ, но за сущность мысли, выраженной неудачнымъ терминомъ, точно такъ же готовъ стоять теперь, какъ готовъ былъ стоять тогда.

Идеи, какъ нѣчто органическое, проходятъ извѣстныя формаци, болѣе или менѣе несовершенныя, до своего полнаго, прямого и гармоническаго осуществленія. Такъ точно и идея *народности* въ нашей литературѣ. Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ, самыхъ могущественныхъ, но далеко не стройныхъ еще, формацій—была художественная дѣятельность Лажечникова. Въ этомъ смыслѣ, нисколько не думая унижить замѣчательно-даровитаго писателя, съ одной стороны, и нисколько не впадая въ мистическій пантеизмъ, съ другой, я позволилъ себѣ назвать его дѣятельность *допотопною*. Какъ допотопныя, нестройныя формы бытія относятся къ болѣе умѣреннымъ, но стройнымъ и живущимъ формамъ послѣ-потопнымъ, такъ точно и явленія, подобныя Лажечникову, относятся, напримѣръ, въ дѣлѣ выраженія народности въ нашей литературѣ, положимъ, напримѣръ, къ Островскому,—или явленія, подобныя Марлинскому и Полежаеву, къ кратковременной, но ясной, яркой и художественно-гармонической дѣятельности Лермонтова. У всякаго великаго писателя найдете вы въ прошедшемъ предшественниковъ въ томъ дѣлѣ, которое составляетъ его *слово*, найдете явленія, которыя смѣло можете назвать формациями идеи. Развѣ въ Нарѣжномъ, напримѣръ (въ особенности въ „Бурсакъ“ его), не видать тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагаются потомъ у Гоголя „Вій“, „Тарасъ Бульба“ и т. д.? Перечтите хоть изображеніе жизни бурсы въ „Бурсакъ“, и сравните съ нимъ изображеніе Гоголя въ упомянутыхъ повѣстяхъ, и вы, конечно, поймете, что сущность моей мысли, выразившейся въ дикомъ для ушей терминѣ, совершенно справедлива.

Въ особенности справедлива она въ отношеніи къ Лажечникову.

Едва ли можно найти гдѣ-либо талантъ, представляющій болѣе хаотическое смѣшеніе высокаго художественнаго такта съ самою очевидной безтактностью,—глубочайшаго прозрѣнія въ сущность народнаго характера, гениальныхъ проблесковъ пониманія народной жизни и ея типовъ въ отдаленномъ прошедшемъ, съ ходульностью и рупнерствомъ, достойными покойнаго Полевого и г. Ку-

кольника,—истинной, здоровой поэзии действительности съ безобразною и, съ зрѣлой точки зрѣнія, смѣшною напряженностью; стремленій къ правдѣ изображенія съ рѣшительной фальшью взгляда на жизнь.

Всѣ эти противоположныя свойства явились въ первомъ произведеніи г. Лажечникова, въ „Послѣднемъ Новикѣ“, повторились съ преобладаніемъ безобразія въ „Ледяномъ домѣ“, и, наконецъ, въ „Басурманѣ“ достигли высшаго и совершенно равнаго развитія. Своими, часто въ высокой степени объективными, изображеніями историческихъ эпохъ и историческихъ типовъ—Лажечниковъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ поднимается на такую высоту, которая даже и въ нашу эпоху была бы изъ числа желаемыхъ, и притомъ именно тогда, когда онъ строго держится сообщенныхъ ему исторіею матеріаловъ. Съ другой стороны—собственными своими фантазіями на историческія лица и своими чисто вымышленными лицами онъ надаетъ до той грани смѣшного, которую представляли собою покойный Полевой и г. Кукольникъ. Единственное, что раздѣляетъ его съ ними, это—благородство воззрѣнія на жизнь, и это благородство имѣетъ оппозиціонный, западный характеръ.

Лажечниковъ такое явленіе въ нашей литературѣ, такое важное звено въ цѣпи отношеній литературы нашей къ народности, что стоитъ анализа болѣе подробнаго, нежели тотъ, который позволяютъ мнѣ предѣлы моего разсужденія, въ которомъ я принужденъ ограничиваться только намеками и общими выводами. Сколько до сихъ поръ еще искренняго и неотразимо-привлекательнаго въ его „Новикѣ“, несмотря на растянутость романа, на ненужныя, ходульныя частности и на сентиментальныя до ириторности лица, несмотря на явное пристрастіе къ великому Преобразователю и его людямъ... Какое чутье истиннаго поэта помогло ему—вопреки даже пристрастію къ Преобразователю и преобразованію—тронуть въ разсказѣ Новика съ такою подобающею таинственностью и вмѣстѣ съ такимъ сочувствіемъ сторону оппозиціи,—лица Софьи, князя Голицына, понять поэзію и значеніе оппозиціи—чего страннымъ образомъ не понялъ или не захотѣлъ понимать человекъ, болѣе его знакомый изученіями съ Петровскою эпохою и болѣе его, простодушнаго романиста, обязанный къ правдѣ—Погодинъ, который въ своей драмѣ о Петрѣ Великомъ представилъ лица оппозиціи какими-то фанатиками-идіотами, фанатиками-мошенниками или фанатиками-трусами. По какому наитію Лажечниковъ

сумѣлъ придать трагически-грандіозный характеръ Андрею Денисову, хотя и впалъ въ ходульность въ его изображеніи?.. И почему, наконецъ, у одного Лажечникова явилось въ ту эпоху чувство патріотизма, очищенное отъ татарщины или китаизма, чувство простое и искреннее, безъ апофеозы кулака и бараньяго смиренія?..

Напряженность и ходульность, въ которой упрекали „Ледяной домъ“ даже при его появленіи, дѣйствительно очевидныя, объясняются страстною впечатлительностью натуры нашего романиста. Вліяніе колоссальнаго произведенія Гюго „Notre-Dame“—очевидно на этомъ произведеніи, хотя между тѣмъ оно нисколько не подражаніе. Оно—отзывъ, и отзывъ имѣющій свое, совершенно особенное обаяніе. Въ „Ледяномъ домѣ“ все фальшиво (кромѣ чисто-историческихъ фигуръ и притомъ тѣхъ, къ которымъ авторъ относился безъ страстнаго участія), все—отъ главнаго героя и героини до цыганки Маріулы и до секретаря Зуды, и между тѣмъ эта фальшь увлекаетъ васъ невольно, потому что эта фальшь—порожденіе истинной и неподдѣльной страстности, ходульной, но сильной. Ложный паоосъ отношеній Волынскаго и Маріорицы—не паоосъ Полевого или г. Кукольника, а паоосъ Марлинскаго т.-е. смѣсь вулканическихъ порывовъ съ дурнымъ вкусомъ. Въ самомъ Волынскомъ, невѣрномъ исторически, невѣрномъ, пожалуй, и психологически—сколько удивительно угаданныхъ чертъ русскаго человѣка, до того поэтическихъ и вмѣстѣ истинныхъ, что доселѣ еще Волынскій Лажечникова—единственный типъ широкой русской натуры, поставленной въ трагическое положеніе... Вспомните сцену: „вставай, народъ“, „умирай, народъ“, сцену пирушки, сцену ночной прогулки съ ямщикомъ, сцену свиданія съ женою, сцену безпощадно обличающую всю безхарактерность широкой русской натуры, весь недостатокъ „выдержки“, ей свойственный... Вспомните вообще всю цѣлость вашего впечатлѣнія отъ этой могучей и безхарактерной, широкой и вмѣстѣ развратной личности, и скажите: не жаль вамъ было, когда г. Шишкинъ съ безпощадною строгостью изслѣдователя разрушалъ передъ вами историчность Лажечниковскаго образа, не жаль вамъ было разставаться съ Волынскимъ Лажечникова?.. Не готовы-ли вы были въ иную минуту сказать съ великимъ поэтомъ:

Да будетъ проклять правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,

Онъ угождаетъ праздно. Нѣтъ!
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дорожо
Насъ возвышающій обманъ...

О, да! Всѣмъ, вѣроятно, было жаль этого образа, жаль потому, что много ощущеній пережили вы въ былую эпоху съ романомъ Лажечникова. Это былъ притомъ первый въ эту эпоху тревожный и „безнравственный“ (въ казенномъ смыслѣ) романъ; тревожная и совершенно противная условной нравственности струя по немъ бѣгущая не выкупается ни казнью Волынскаго, ни смертью Маріорицы. Это уже романъ протеста—противъ условной и узкой нравственности Загоскинскаго направленія, какъ и первый романъ Лажечникова „Послѣдній Новикъ“ отзывался уже протестомъ за преобразованную жизнь Россіи—противъ стараго до-Петровскаго быта.

Протестомъ же, и притомъ безсознательно западнымъ, былъ и третій романъ Лажечникова, его „Басурманъ“, въ которомъ и достоинства и недостатки нашего даровитаго романиста поднялись до своей послѣдней и высшей степени. Въ „Басурманъ“ собственно три стороны: 1) сторона созданія историческихъ типовъ и изображенія эпохи, до сихъ поръ еще стоящая на высокой степени,—сторона, въ которой только Л. А. Мей сравнялся съ Лажечниковымъ; 2) сторона чисто-ходульная—смѣшная до крайней степени смѣшного, до художниковъ г. Кукольника ¹⁾, и 3) сторона протеста. О первыхъ двухъ сторонахъ говорить много нечего. Лица Ивана III, боярина Русалки, боярина Мамона, боярина Образца, князя Холмскаго, прологъ и проч., сцены во дворѣ Ивана, въ тюрьмахъ, свиданіе Ивана съ Марьей, завоеваніе Твери,—все это до сихъ поръ, вѣроятно, всѣмъ памятно, ибо все это до сихъ поръ высоко-художественно, и невольно возбуждаетъ вопросъ: какое громадное чутье таланта нужно было для того, чтобы, оставшись вѣрнымъ Карамзину въ его всегда правильныхъ сочувствіяхъ (къ Новгороду, къ Твери и проч.), совершенно высвободиться изъ подъ вліянія его, тяготѣвшихъ надъ всѣми, литыхъ формъ,—создать образы, совершенно вѣрные лѣтописямъ, создать для этихъ образовъ особенный, колоритный и вмѣстѣ простой, нисколько не мозаическій языкъ, взглядѣться такъ про-

¹⁾ Кукольникъ, какъ и Полевой, нерѣдко избиралъ героями своихъ произведеній художниковъ и поэтовъ,—черта характерная вообще для романтической школы.

нищательно въ простыя и часто вовсе неколоссальныя пружины событій и дѣйствій, носящихъ у Карамзина ложно-эффектнѣй блескъ величавости? До сихъ поръ никто не превзошелъ Лажечникова въ этомъ дѣлѣ: одинъ Мей, повторяю я опять, сравнялся съ нимъ въ третьемъ и четвертомъ актѣ „Псковитянки“. Съ другой стороны, памяты всѣмъ точно также п мечтанія Аристотеля Фіоравенти, достойныя Доменикина г. Кукольника, заговаривающагося до „младенческой“, и сентиментальный нѣмецкій докторъ, столь же смѣшной, какъ поэты Полеваго, и проч.

Что касается до третьей стороны романа Лажечникова, до стороны протеста, то протестъ очевидно въ немъ двойкій. Одинъ, отзывавшійся уже въ „Новикѣ“, — протестъ противъ грубости, невѣжества и закоснѣлости стараго быта, протестъ чисто-западнѣй, съ опредѣленнымъ сознаниемъ идеаловъ. Другой протестъ — безсознательно-народнѣй, еще смутнѣй, неопредѣленный какъ лепетъ, хотя и правѣй, — тотъ же протестъ, который такъ ясно высказался въ послѣднихъ произведеніяхъ Островскаго. Этимъ протестомъ созданы лица Хабары Симскаго, Аеанасія Тверитянина, любовь дочери боярина Образца и ея трагическая участь, вдова Селинова и т. д. Пусть Хабаръ еще болѣе блестяще, чѣмъ полно, созданъ; пусть въ рѣчахъ Анастасіи и вдовы Селиновой еще неприятно поражаютъ иногда фальшпвыя ноты; но основа отношеній ихъ, психологическія пружины ихъ натуръ — вѣрны п народны; но протестъ, который таится въ этихъ образахъ, — зародышъ протеста самобытнаго, хотя еще смутнаго.

Четвертое важное произведеніе Лажечникова, недавно только явившееся на свѣтъ Божій, его драма „Опричникъ“ — слабѣе всѣхъ прежнихъ по выполненію, хотя также знаменательна, какъ одна изъ формацій того, что полно, просто и стройно выполняется въ наше время Островскимъ. Въ „Опричникѣ“ дорога вовсе не историческая сторона драмы (кромѣ сцены въ Гостинномъ ряду). Странное дѣло! Лажечниковъ, который въ изображеніи Ивана III и Мареры шагнулъ черезъ Карамзинскія литыя формы, въ изображеніи Ивана IV и его опричниковъ является чисто рабомъ этихъ самыхъ формъ и, вмѣсто живыхъ образовъ, сочиняетъ ходульнѣйшія лица, думающія и говорящія ходульнѣйшимъ образомъ. Въ „Опричникѣ“ дорога его семейная сторона, приходъ боярыни Морозовой къ врагу ея семьи, слова: „твоя да Божья“, съ которыми дочь падаетъ къ ногамъ отца, выдающаго ее замужъ за

немилаго,—слова такъ же вырванныя изъ русской души, какъ слова Любови Гордѣвны Островскаго („твоя воля, батюшка!“),— намеки на семейное начало. Больше же ничего нѣтъ въ „Опричникѣ“, нѣтъ прежде всего живого, человѣческаго и вполне колоритнаго языка...

Какъ же, нозволяю еще разъ спросить, прикажете назвать этотъ безспорно высокій, но хаотическій талантъ, стоящій на грани западничества и славянофильства, иногда прозрѣвающій народную сущность глубже и западничества и славянофильства, и опережающій лѣтъ на пятнадцать наше пониманіе народности, иногда же фальшивый до очевидности, напряженный до ложнаго паюса, и даже смѣшной до крайней грани смѣшного, до Полевого и до Кукольника,—какъ его назвать иначе, какъ не одною изъ первыхъ формацій правильнаго пониманія народности, формацій міра идеальнаго, параллельныхъ съ допотопными формаціями матеріальнаго міра?

По сочувствіямъ и идеаламъ занадникъ гораздо болѣе, чѣмъ славянофилъ, и уже всего менѣе адептъ Шишковско-Загоскинскаго наиравленія, вѣрнѣйшій послѣдователь Карамзина въ идеяхъ, умѣвшій однако перешагнуть черезъ его литыя формы, поклонникъ преобразования, Преобразователя и людей преобразования и Преобразователя, Лажечниковъ однако же смутно носить въ своемъ творчествѣ идеалы самобытнаго, народнаго протеста, затрогиваетъ, хотя и не всегда правильно, такія струны русской души, которыя отзываются полно только черезъ пятнадцать лѣтъ потомъ!

V.

Я старался съ возможной точностью и подробностью изложить всѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось въ нашемъ умственномъ процессѣ явленіе, называемое *западничествомъ*, вывести всѣ причины его происхожденія и его сильнаго развитія.

Результатъ изъ моего положенія вывести, какъ мнѣ кажется, не трудно.

Не съ народностью боролось западничество, а съ фальшивыми формами, въ которыя облекалась идея народности. И вина западничества—если можетъ быть вина у явленія историческаго—не въ томъ, конечно, что оно отрицало фальшивыя формы, а въ томъ, что фальшивыя формы принимало оно за самую идею.

Увлекаемое, какъ всякая теорія, роковымъ процессомъ къ абсурду, къ отрицанію значенія нашей народности, оно, разумѣется, дошло до этого абсурда не вдругъ, а постепенно, хотя довольно быстро.

Смѣлая теорія, высказанная Чаадаевымъ, сначала не нашла себѣ отголоска въ русской литературѣ. Она разрабатывалась такъ сказать по частямъ.

Отрицаніе сперва увидѣло только раздѣленіе между нашей жизнью до реформы Петра и нашей жизнью послѣ реформы... Раздѣленіе представилось, да еще и теперь, можетъ быть, нѣкоторымъ представляется въ видѣ какой-то бездны, расторгающей два міра, ничего общаго между собою не имѣющіе: одинъ міръ — застоя, общественной, нравственной и умственной тины; другой — міръ человѣческихъ стремленій и развитія.

На первый разъ западничество выразилось въ привязанности и пристрастїи къ Преобразователю и преобразованію — привязанности и пристрастїи, которое раздѣляли съ нимъ многіе, впослѣдствїи рѣзко отъ него отдѣлившіеся дѣятели (Падеждинъ, Погодинъ и другіе). Западничество притомъ, въ лицѣ своего высшаго дѣятеля — Бѣлинскаго, увлекшись формами гегелизма, и на вѣру принявши *злѣтное* положеніе великаго учителя, что „все, чтò есть, то разумно“, наивно считало себя прямо враждебнымъ какъ Чаадаевской, такъ и всякой возстающей на дѣйствительность теорїи, доходило въ своемъ примиренїи съ дѣйствительностью до самыхъ крайнихъ результатовъ...

Такое наивное упоеніе дѣйствительностью было, разумѣется, непродолжительно.

Въ 1840 году мысль идетъ отъ отрицанія къ отрицанію. Въ 1839 году „Отечественными Записками“ еще съ восторгомъ привѣтствуется „Басурмапъ“ Лажечникова за его народность; еще появляется юношески-восторженная, но до сихъ поръ имѣющая свою цѣнность статья о циклахъ русскихъ богатырскихъ пѣсенъ и сказокъ, съ глубокимъ философскимъ и поэтическимъ пониманіемъ ихъ содержанія и значенія ¹⁾. Черезъ два года — являются статьи Бѣлинскаго о томъ же предметѣ, яростно-отрицательныя. Въ 1839 и даже въ 1840 годахъ печатаются еще статьи Коллара о славянствѣ въ „Отече-

¹⁾ Подразумѣвается, повидному, статья К. Аксакова: „О богатырскомъ циклѣ русскаго народа“, хотя въ печати она появилась значительно позднѣе указанного года.

ственныхъ Запискахъ“. Черезъ пять лѣтъ, въ порывѣ фанатизма и въ увлеченіи борьбы, объявляется тамъ же во всеуслышаніе, что Турція, какъ „государство“, внушаетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ сбродъ славянскихъ племенъ, ею порабощенныхъ—мысль, которой знаменитое мнѣніе „Атенея“ 1859 г. о цивилизаторской роли австрійскаго жандарма въ славянскихъ земляхъ—является только повтореніемъ. Но то, что принимается какъ истина въ 1844 году, отвергается единодушно всѣми въ 1859 году,

Сила западничества заключалась въ отрицаніи ложныхъ формъ народности. Какъ только вмѣсто ложныхъ формъ показались настоящія, оно неминуемо должно было пасть, и дѣйствительно пало.

III.

Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ.

I.

Вотъ что пятнадцать лѣтъ назадъ, и даже менѣе, думали болѣе или менѣе всѣ мы,—исключая, разумѣется, немногихъ сторонниковъ славянофильства:

„Петръ Великій есть величайшее явленіе не нашей только исторіи, но и исторіи всего человѣчества; онъ—*божество, воззавшее насъ къ жизни, вдунувшее душу живую* въ колоссальное, но поверженное въ смертную дремоту тѣло древней Россіи... (Соч. Бѣлинскаго, томъ IV, стр. 333).

„Нѣтъ, безъ Петра Великаго, для Россіи не было никакой возможности естественнаго сближенія съ Европою. Повторяемъ: Петру некогда было медлить и выжидать. Какъ прозорливый кормчій, онъ во время тишины предузналъ ужасную бурю и велѣлъ своему экипажу не щадить ни трудовъ, ни здоровья, ни жизни, чтобы ириготовиться къ папору волнъ, порывамъ вѣтра,—и всѣ изготавились—хоть и нехотя, и настала буря, по хорошо приготовленный корабль легко выдержалъ ея неустовую сплу,—и нашлись недалновидные, которые стали роптать на кормчаго, что онъ напрасно такъ беспокоилъ ихъ! Нельзя ему было сѣять и спокойно ожидать, когда прозябнетъ, взойдетъ и созрѣетъ брошенное сѣмя: *одной рукою бросая сѣмена, другою хотѣлъ онъ тутъ же и пожинать плоды ихъ, нарушая обычные законы природы и возможности,—и природа отступила для него отъ своихъ вѣчныхъ законовъ, и возможность стала для него волшебствомъ. Новый На-*

винъ, онъ останавливалъ солнце въ пути его, онъ у моря отторгалъ его довременныя владѣнія, онъ изъ болота вывелъ чудный городъ. Онъ понялъ, что полумѣры никуда не годятся, что коренные перемены въ томъ, что сдѣлано вѣками, не могутъ производиться вполнину, что надо сдѣлать или больше, чѣмъ можно сдѣлать, или ничего не дѣлать, и понялъ, что на первое станеть его силъ. Передъ битвою подъ Лѣснымъ, онъ позади своихъ войскъ поставилъ казаковъ съ строгимъ приказаніемъ убивать безъ милосердія всякаго, кто побѣжитъ вспять, даже и его самого, если онъ это сдѣлаеть. Такъ точно поступилъ онъ и въ войнѣ съ невѣжествомъ: *выстроивъ* противъ него весь народъ свой, онъ отрѣзалъ ему всякій путь къ отступленію и бѣгству. Будь полезенъ государству; учись, или *умирай*: вотъ что было написано кровью на знамени его борьбы съ варварствомъ. И потому все старое безусловно должно было уступить мѣсто новому—и обычаи, и нравы, и дома, и улицы, и служба. Говорять дѣло—въ дѣлѣ, а не въ бородѣ; но что жъ дѣлать, если борода мѣшала дѣлу? Такъ вонъ же ее, если сама не хочеть валиться...“ (Соч. Бѣл. Т. IV, стр. 392, 393).

„До Петра, русская исторія *вся заключалась въ одномъ стремленіи* къ соглашенію разединенныхъ частей страны и сосредоточенію ея вокругъ Москвы. Въ этомъ случаѣ *помогло и татарское то, и грозное царствованіе Иоанна*. Цементомъ, соединившимъ разрозненныя части Руси, было преобладаніе московскаго великокняжескаго престола надъ удѣлами, а потомъ уничтоженіе ихъ и *единство патріархальнаго обычая*, замѣнившаго право. Но эпоха самозванцевъ показала, какъ еще не довольно твердъ и достаточно былъ этотъ цементъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича обнаружилась самая необходимость реформы и сближенія Руси съ Европою. Было сдѣлано много попытокъ въ этомъ родѣ; но для такого великаго дѣла нуженъ былъ и великій творческій геній, который и не замедлилъ явиться въ лицѣ Петра...“ (Соч. Бѣл. Т. VII, стран. 105).

„Неужели же русскій народъ до Петра Великаго не имѣлъ чести существовать по человѣчески?“ *воиетъ* г. Шевыревъ. *Если человеческое существованіе народа заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаціи, общественности, гуманности въ нравахъ и обычаяхъ, то существованіе это для Россіи начинается съ Петра Великаго,—смѣло и утвердительно отвечаемъ мы г. Шевыреву...* Петръ Великій—это новый Моисей, воздвигнутый Богомъ для извлеченія русскаго народа изъ душнаго и темнаго плѣна азіатизма... Петръ Великій—это путеводная звѣзда Россіи, вѣчно должневствующая указывать ей путь къ преуспѣянію и славѣ... Петръ Великій—это колоссальный образъ самой Руси, представитель ея нравственныхъ и физическихъ силъ... Нѣтъ похвалы, которая была бы преувеличена для Петра Великаго, *ибо онъ далъ Россіи святъ и сдѣлалъ Русскихъ людьми...*“ (Соч. Бѣл. Т. VII, стр. 413).

„Видите ли въ чемъ дѣло! Для Русскихъ XVIII вѣка много было радости въ томъ, что славяне, около тысячи лѣтъ коснѣя въ бесплодномъ для человѣчества существованіи, все-таки, не смотря на то, пребывали въ величествѣ! Индійцы, китайцы, японцы, ужь конечно гораздо древнѣе славянъ, и своимъ существованіемъ оставили въ исторіи человѣчества больше глубокой, нежели Славяне, слѣдъ; но чтожъ въ этомъ пользы для нихъ теперь, когда они превратились въ какія-то нравственные окаменѣлости какъ-будто до-потопнаго міра? Для насъ, русскихъ, важна русская, а не славянская исторія, да и русская-то исторія становится важною не прежде, какъ съ возвышенія московскаго княженія, съ котораго для Россіи наступило время уже историческаго существованія...“ (Соч. Бѣл. Т. IX, стр. 417).

Я нарочно началъ статью свою цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ сочиненій Бѣлинскаго насчетъ Петра и реформы, болѣе или менѣе рѣзкихъ, болѣе или менѣе смѣлыхъ, но во всякомъ случаѣ — съ первой же, относящейся къ началу сороковыхъ годовъ, и до послѣдней, относящейся къ ихъ половинѣ—выражающихъ одно и то же.

Это одно и то же—полное отрицаніе какого-либо значенія нашего быта и нашей исторіи до реформы Петра, благоговѣніе передъ реформою со всѣми ея мѣрами и послѣдствіями, отрицаніе—нисколько не скрываемое—всякихъ силъ самосущнаго развитія народа. Рядъ этихъ выписокъ сдѣланъ изъ сочиненій писателя, которому, по вліянію его на наше умственное, нравственное и даже общественное развитіе, принадлежитъ роль столь же перво-степенная, какъ Карамзину, писателя, котораго можно, пожалуй, ненавидѣть съ точекъ зрѣнія мракобѣсія, но которому мудрено отказать въ имени великаго, по энергіи убѣжденія и силѣ таланта, человѣка... Съ 1834 года, съ тѣхъ поръ, какъ еще юношей—одной силою убѣжденія—разсѣялъ онъ призраки авторитетовъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“—до самой смерти своей, до конца сороковыхъ годовъ, онъ былъ нашимъ воспитателемъ и руководителемъ. Пламенно стремившійся къ истинѣ, никогда не болевшійся отрекаться отъ того, что почему-либо стало для него ложью, готовый противорѣчить себѣ самому, т.-е. никогда неспособный поставить свое личное я выше сознанный имъ истины, увлекавшійся до фанатизма въ симпатіяхъ и до нетерпимости въ враждахъ,—онъ одинъ былъ способенъ исчерпать до дна то направленіе мысли, котораго служилъ представителемъ... и дѣйствительно исчерпалъ его.

Не поражаютъ ли современныхъ читателей приведенныя мною выписки—послѣ всего, что о Петрѣ и его реформѣ сказано въ наше время? Не наивны ли въ своемъ фанатизмѣ выходки Бѣлинскаго до самыхъ крайнихъ крайностей? Съ полнѣйшею искренностью Бѣлинскій вмѣняетъ въ достоинство своему герою—что онъ „бросая сѣмена, хотѣлъ тутъ же и пожинать плоды ихъ, нарушая обычные законы природы и возможности“, и то, что онъ „выстроилъ народъ свой на борьбу съ невѣжествомъ“, и то, что онъ „кровью написалъ на знамени: учись или умирай!...“ Съ беспощаднымъ фатализмомъ видитъ онъ *помощь* судьбы въ татарскомъ игѣ и въ грозномъ царствованіи Ивана IV. Съ самою упорною послѣдовательностью отказываетъ онъ намъ въ какомъ-либо *человѣческомъ* существованіи до Петра, и славянъ вообще ставить ниже китайцевъ и японцевъ!.. Впрочемъ, въ его дѣятельности сказалось рѣшительно, и притомъ массою, все, чтò развивало при немъ и послѣ него въ частностяхъ направленіе, за которымъ утвердилось названіе западничества,—все, отъ любви гг. Соловьева и Кавелина къ Ивану Грозному и его прогрессивнымъ мѣрамъ противъ отсталыхъ людей, мѣрамъ, исполняемымъ архи-прогрессистомъ палачемъ Томилой,—до симпатіи „Атенея“ къ цивилизаціи, олицетворяемой въ славянскихъ земляхъ австрійскимъ жандармомъ,—все, чтò десять лѣтъ назадъ представляло верхи нашего воззрѣнія подъ именемъ родовыхъ и другихъ теорій, считалось единственно-законнымъ воззрѣніемъ, и что нынѣ отзывается какъ уже запоздалое только въ однѣхъ компиляціяхъ, которыми г. Соловьевъ *даритъ* по временамъ публику, называя свои безконечныя выписки изъ подлинныхъ актовъ „разказами изъ русской исторіи...“ Увы! Публика, можетъ быть, и есть для этихъ разказовъ, но читатели едва ли.

Sacrés ils sont, car personne n'y touche—

можно сказать о нихъ, какъ говорилъ Вольтеръ о сочиненіяхъ аббата Трюбле, „qui compilait, compilait, compilait...“ И еще болѣе, увy! Если бы разказы эти и были писаны такъ, чтобы быть читаемыми—духъ, въ нихъ господствующій, едва ли бы нашелъ теперь много сочувствія. „Русскій Вѣстникъ“, помѣстившій недавно одинъ изъ такихъ нечитаемыхъ разказовъ („Птенцы Петра Великаго“), какъ-будто въ противоядіе ему помѣстилъ въ той же книжкѣ блестящую по изложенію и совершенно противоположную

этому разсказу по духу статью г. Лонгинова о „Дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца“—статью совершенно обличительную въ отношеніи къ Преобразователю и даже къ преобразованію... ¹⁾

Всѣ идеи этого направленія въ зародышѣ заключаются въ дѣятельности Бѣлинскаго. И г. Соловьевъ, и г. Кавелинъ, и даже г. Чичеринъ—ни болѣе, ни менѣе какъ ученики его, разработавшіе по частямъ общія мысли учителя... Поэтому-то цѣлую особую статью позволяю я себѣ посвятить разсмотрѣнію дѣятельности Бѣлинскаго въ анализѣ вопроса о народности въ нашей литературѣ.

Но прежде, чѣмъ слѣдить шагъ за шагомъ развитіе и расширеніе теоріи западничества въ дѣятельности Бѣлинскаго,—необходимо разъяснить, что именно понимаю я подъ идеей централизаціи, лежащей въ основѣ отрицательнаго направленія съ самаго начала и завершающей его, какъ послѣднее слово.

Отрицаніе—какое бы оно ни было—совершается всегда во имя какой-либо, смутно или ясно—это все равно—сознаваемой *положительной* правды мыслителемъ, во имя какого-либо, прочно или непрочно, но во всякомъ случаѣ установленнаго, положительнаго идеала художникомъ. Голаго, отвлеченнаго отрицанія нѣтъ и быть не можетъ: самое поверхностное отрицаніе, и то совершается во имя какихъ-либо, хоть даже мелко-разсудочныхъ или узко-нравственныхъ положеній. Отрицая, уничтожая, разбивая какой-либо быть, обличая его во лжи—вы казните его передъ какою-либо истиною, такъ-сказать—измѣряете его этою истиною, и судите его по степени согласія или несогласія съ нею. Это—дѣло ясное и кажется неопровержимое.

Чаадаевъ первый подошелъ смѣло къ нашему быту съ извѣстною мѣркою и явился безпощаднѣйшимъ отрицателемъ. Мѣрка его была жизнь, выработанная Западомъ. Что по личнымъ его впечатлѣніямъ жизнь эта была притомъ жизнь, выработанная Западомъ католическимъ,—это обстоятельство незначительное. Дѣло все въ томъ, что передъ судомъ выработанной Западомъ жизни—

---

¹⁾ Очень характерно для обще-историческихъ взглядовъ Григорьева его отрицательное отношеніе къ „Исторіи Россіи“ Соловьева, съ которымъ онъ лично былъ въ молодости довольно близокъ. Полиѣ всего онъ выразилъ свою точку зрѣнія на трудъ Соловьева въ статьѣ: „Взглядъ на Исторію Россіи, сочин. Соловьева“ („Русское Слово“, 1859 г., янв.).

наша бытовая, историческая и нравственная жизнь оказалась совершенно несостоятельною, т.-е. неподводимою подъ нее никакими аналогіями. Направленіе, которое пошло отъ толчка, сообщеннаго Чаадаевымъ, нисколько не раздѣляло Чаадаевскихъ сочувствій къ католицизму,—но сочувствія его къ западнымъ идеаламъ, государственнымъ, общественнымъ и нравственнымъ, провело съ величайшею послѣдовательностью.

Темны и пустынно должны были показаться, передъ судомъ западныхъ идеаловъ, наши бытъ и исторія. Еще Карамзинъ, первый изъ нрисутившихъ къ быту и исторіи нашимъ съ серьезно-установленными западными требованіями, думалъ выручить нашъ бытъ и нашу исторію аналогіями. Аналогіи оказались фальшивы (сопоставленіе удѣловъ съ феодализмомъ, Ивана IV съ Людовикомъ XI и т. д.), но въ самыхъ аналогіяхъ проглядывало уже и у Карамзина централизационное начало. Еще онъ не проводилъ его такъ далеко, какъ западники,—еще онъ не жертвовалъ теоріи централизаціи ни Новгородомъ, ни Тверью и т. д., но онъ, уже слѣдя главнымъ образомъ развитіе государства и государственной идеи въ нашей исторіи, давая этой идеѣ перевѣсъ надъ прочими—многое множество явленій упустилъ изъ виду, на еще большее множество явленій взглянулъ съ ложной точки зрѣнія, и положилъ основаніе такому взгляду на сущность и развитіе нашего народнаго быта, который къ этому быту нисколько не нримѣнимъ.

Весь смыслъ нашего развитія (ибо какое же нибудь развитіе въ до-Петровскомъ быту было) заключается для простаго, никакой теоріей не потемнѣннаго, взгляда въ томъ, что наша самость, особенность, народность постоянно, какъ жизнь, уходитъ изъ-подъ различныхъ болѣе или менѣе тѣсныхъ рамокъ, накладываемыхъ на нее извнѣ,—и что, съ другой стороны, различныя внѣшнія силы стремятся насильственно наложить на ея разнообразныя явленія печать извѣстнаго, такъ-сказать оффиціальнаго, уровня и извѣстнаго, такъ-сказать форменнаго, однообразія... Силы эти большею частью одолѣвають въ борьбѣ многообразныя и разрозненныя явленія жизни. Жизнь не протестуетъ,—по крайней мѣрѣ видимо и цѣльно; она какъ-будто принимаетъ печать извѣстнаго формализма; но упорно, въ отдаленныхъ, глубокихъ слояхъ своихъ, таитъ свои живые соки... Равнодушно низвергая своего Петра и насмѣшливо приглашая его „выдыбать“,—жизнь въ сущ-

ности удерживаетъ все свое язычество—и подъ именами христіанскаго святаго чтить „Волоса, скотья бога“, создаетъ „святую Пятницу“ и проч., и проч. Изъ-подъ устанавливающейся догматической нормы она, какъ растеніе, расплзается въ расколы... Не въ силахъ бороться съ московской политической централизацией, она только упорно затаиваетъ въ себѣ и упорно хранитъ соки своихъ мѣстностей. И вотъ эти соки принимаютъ ненормальное направленіе, уродливый видъ, будетъ ли то безобразіе самозванщины, или безобразіе расколовъ...

Приступая къ такому странному по существу своему и развитію быту, западничество,—т.-е. взглядъ съ точки зрѣнія формъ, отличныхъ развитіемъ остальнаго человѣчества, идеаловъ, данныхъ этимъ развитіемъ,—не нашло и не могло въ немъ пайти ничего подходящаго подъ свое воззрѣніе, согласнаго съ своими общественными, нравственными идеалами.

Аналогіи, проведенныя Карамзинымъ и комически обличившіяся въ „романтически-народной“ эпохѣ нашей словесности—оказались явно фальшивыми... Западничество, начиная съ Чаадаева, честно отреклось отъ фальши. Въ нашей жизни, бытовой и исторической, оно на первый разъ могло увидѣть только уродливыя, безобразныя, не-человѣческія (въ западномъ смыслѣ) проявленія стараго язычества, невѣжества, грубости нравовъ, съ одной стороны—и силу, которая, начиная съ татарскаго погрома и пользуясь имъ, ломитъ все это грубо и непосредственно,—съ другой. Ясно, что оно должно было прямо стать на сторону этой силы, сводящей во едино то, что распадалось, стремящейся придать какую-либо благоустроенную форму хаотическому безобразію, сокрушающей язычество и невѣжество, приводящей разнообразіе жизни къ одному знаменателю, къ центру,—силы централизующей.

Начавши апоѳеозой Петра, она послѣдовательно продолжается апоѳеозой Ивана IV, еще иослѣдовательнѣе съ г. Кавелинымъ продолжаетъ родовой бытъ до временъ Петра, и всего послѣдовательнѣе кончаетъ съ „Атенеємъ“ полнѣйшею апоѳеозою централизаціи.

Прослѣдить шагъ за шагомъ ностепенныя проявленія этой доктрины въ Бѣлинскомъ—одномъ изъ искреннѣйшихъ когда-либо бывшихъ писателей—чрезвычайно поучительно, тѣмъ болѣе, что ничего больше сказаннаго Чаадаевымъ и Бѣлинскимъ западничество не сказало.

II.

„Знаете ли что, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ,—обращаетъ Бѣлинскій къ редактору „Телескопа“ Надеждину въ свой статьѣ: *Ничто и о ничемъ, или отчетъ г. издателю „Телескопа“ за последнее полугодіе (1835) русской литературы* (Соч. Бѣл. Т. II, стр. 18),—я душевно люблю православный русскій народъ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой въ его массѣ, *но моя любовь сознательная, а не слѣпая*. Можетъ быть, вслѣдствіе очень понятнаго чувства, я не вижу пороковъ русскаго народа, *но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ видѣть его странности*, и я не читаю за грѣхъ *поиутить, подѣ веселый часъ, добродушно и незлобиво надъ его странностями*, какъ всякій порядочный человѣкъ не нечитаетъ для себя за униженіе посмѣяться надъ собственными своими недостатками“...

Чтобы понять значеніе этихъ оговорокъ, этого *подхода* къ обличительнымъ выходкамъ, предшествовавшимъ ясному и смѣлому Чаадаевскому ноставленію воирова, надобно припомнить, что Н. И. Надеждинъ былъ одинъ изъ тѣхъ поборниковъ народности, которые не боялись никакихъ послѣдствій своей теоріи—вели ее даже до оправданія кулака, какъ орудія силы...

„Знаете ли вы,—продолжаетъ Бѣлинскій,—въ чемъ состоитъ главная странность вообще русскаго человѣка? *Въ какомъ-то своеобразномъ взглядѣ на вещи и упорной оригинальности*. Его упрекаютъ въ подражательности и безхарактерности; я самъ, грѣшный, вслѣдъ за другими, взводилъ эту небылицу (въ чемъ и каюсъ); но этотъ упрекъ неоснователенъ“...

Вотъ то распутіе, съ котораго мысль можетъ идти въ ту или другую сторону—распутіе, до котораго, еще прежде появленія Чаадаевского письма, дошелъ геніальный человѣкъ... Бѣлинскій былъ въ эту минуту одинъ только правъ, но правда его самому ему какъ-будто страшна, и онъ видимо чувствуетъ, что всѣмъ другимъ она покажется парадоксомъ. Вопреки всѣмъ утвердившимся, отъ Карамзина наслѣдованнымъ, Карамзинскими формами освященнымъ, мнѣніямъ, онъ говоритъ, что мы не похожи на другихъ, что мы—упорно-оригинальны. Но... чтожь изъ этого? Къ чему это насъ ведетъ? Въ чемъ оригинальность эта выражается? Хорошо или дурно то, что мы такъ упорно оригинальны?.. Вотъ въ чемъ вопросъ, и вопросъ страшный. Но не такой человѣкъ Бѣлинскій, чтобы разъ въ чемъ-либо убѣдившись сердцемъ, бояться послѣдствій. Онъ смѣло кается, что вмѣстѣ съ другими

(т.-е. съ цѣлою эпохою Карамзинизма), возводилъ на русскій народъ небылицу, и разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ, почти-что предупредая Чаадаева, или по-крайней-мѣрѣ одновременно съ нимъ.

„Русскому человѣку“, смѣло и честно высказывается онъ, „вредитъ совѣмъ не подражательность, а напротивъ—излишняя оригинальность“.

Вредить... слово сказано. Пойдемте за нашимъ бывалымъ вождемъ въ развитіи, хотя еще въ иервоначалномъ, еще неустановившемся, въ его взглядѣ на нашу бытовую и нравственную сущность.

„Пробѣгите въ умѣ вашемъ всю его (русскаго человѣка) исторію, и доказательства явятся передъ глазами. Вотъ они... По-стойте: чтобъ яснѣе выразить мою мысль, я долженъ прибавить, что *русскій человѣкъ съ чрезвычайною оригинальностью и самобытностью соединяетъ удивительную недоверчивость къ самому себѣ и, вслѣдствіе этого, страхъ какъ любитъ пренимать чужое, но, пренимая, кладетъ типъ своего гения на свои заимствованія.* Такъ еще въ давніе вѣки прослышаль русскій человѣкъ, что за моремъ хороша вѣра, и пошелъ за нею за море. Въ этомъ случаѣ, онъ, по счастію, не ошибся: *но какъ поступилъ онъ съ истинной, божественной вѣрой? Перенесъ ея священныя имена на свои языческіе предразсудки:* Св. Власію поручилъ должность бога Волоса, Перуновы громы отдалъ Ильѣ-пророку, и т. д. Итакъ, вы видите, перемѣнились слова и названія, а идеи остались все тѣ же. Потомъ явился на Руси царь, умный и великій, который захотѣлъ русскаго человѣка умыть, причесать, обрить, отучить отъ лѣни и невѣжества; *взвыль русскій человѣкъ гласомъ велимъ и замахалъ руками и ногами;* но у царя была воля желѣзная, рука крѣпкая, и потому русскій человѣкъ, волею или неволею, а засѣлъ за азбуку, началъ учиться и шить, и кроить, и строить, и рубить. И въ самомъ дѣлѣ, *русскій человѣкъ сталъ походить съ виду какъ-будто на человѣка:* и умыть, и причесать, и одѣтъ по формѣ, и знаетъ грамоту, и кланяется съ пришаркиваніемъ, и даже подходитъ къ ручкѣ дамъ. Все это хорошо, да вотъ что худо: *кланяясь съ пришаркиваніемъ, онъ, говорятъ, расшибалъ носъ до крови, а подходя къ ручкамъ прелестныхъ дамъ, наступалъ на ихъ ножки, цѣпляясь за свою шапку, не умѣя справиться съ трехуголкою; выучивъ наизусть правила, начертанныя на зеркалѣ рукою русскаго великаго царя, онъ не забылъ, не разучился спрягать глаголъ „братъ“ подъ всѣми видами, во все времена, по всѣмъ лицамъ безъ изыятія, по всѣмъ числамъ безъ исключенія; надѣвши мундиръ, онъ смотрѣлъ на него не какъ на форму идеи, а какъ на форму парада, и не хотѣлъ слушать, когда мудрое правительство толковало ему, что правосудіе не средство къ жизни,*

что присутственное мѣсто не лавка, идѣ отпускаютъ и права, и совѣсть, оптомъ и по мелочи, что судья не воръ и разбойникъ, а защитникъ отъ воровъ и разбойниковъ..."

Въ этой, еще только порывистой, еще недостаточно-развитой, хотя и гениально-мѣткой, остроумной и вмѣстѣ пламенно-фанатической выходкѣ сказалось все западничество, и рѣшительно можно сказать не пошло дальше. Да и идти было некуда, развѣ только къ высшему опозитизированію единства формализма, къ Чаадаевскому католицизму. Съ глубокаго замѣчанія о двойственномъ свойствѣ русской природы начинается Бѣлинскій, но вмѣсто того, чтобы поискать причинъ уродливыхъ внѣшнихъ явленій, онъ только подводитъ явленія подъ немилосердный судъ западнаго идеала человѣка и человѣчности. Идеаль этотъ дѣйствительно блестящій, потому-что онъ выработался; Бѣлинскій глубоко воспринялъ его въ свою душу, и въ „двоевѣріи“ нашемъ видитъ только грубое явленіе, явленіе животной жизни. Дѣльнѣйшіе послѣдователи его доводятъ его взглядъ до подробной и развитой доктрины, въ особенности же г. Соловьевъ, который съ чисто византійскою ненавистью (*les extrêmes se touchent*) казнить всѣ слѣды паганизма и народности въ своей „Исторіи Россіи“... Славянофильство борется съ этой доктриною, но борется посредствомъ теоріи, представляющей другую крайность: оно хочетъ *смягчить* грубые слѣды паганизма и народности, не признаетъ даже тѣхъ народныхъ пѣсенъ, которыя не подходятъ подъ славянофильскую теорію народнаго быта, и т. д. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскимъ брошено сѣмя борьбы, брошено смѣло, честно, и все, что на логической почвѣ выросло изъ этого сѣмени, онъ принимаетъ безтрепетно, съ самою нещадною послѣдовательностью. Бытовая и историческая жизнь народа не лѣзетъ въ извѣстныя рамки, не подходитъ подъ извѣстные идеалы,—чтожъ ее и жалѣть? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сочувствовать тому, что русскій человѣкъ „взвыль гласомъ велимъ и замахалъ руками и погами“, когда повели его учиться, если точно поэтому только взвыль онъ... Апоеоза реформы со всѣми ея крутыми мѣрами вытекала сама собою изъ такого взгляда, и понятна сильная обличительная тирада, заключающая выходку Бѣлинскаго, тирада, сильнѣе которой сказали что-нибудь не западничество и не отрицательная литература, а развѣ современная обличительная литература, но на другихъ уже основаніяхъ. Посмотрите, съ другой стороны, до какой ужасающей послѣдова-

тельности доходить съ перваго же шага фанатизмъ къ реформѣ,— до поэзіи формализма. Что же мудренаго, что на ноэзію формализма славянофильство отвѣчало вполсѣдствіи и странностями въ родѣ охабней, святославокъ и мурмолокъ, и остроумно-ядовитыми замѣтками въ родѣ той, которую сдѣлалъ К. С. Аксаковъ, разбирая одну назидательную повѣсть, умилявшуюся передъ какимъ-то *идеальнымъ* воспитательнымъ заведеніемъ, въ которомъ дѣвочки или мальчики, не помню право, ходили *стройно и попарно*. „Какъ не сказано, что они ходили *въ ногу!* — это было бы еще красивѣе“, замѣчалъ по этому поводу Аксаковъ въ одномъ изъ „Московскихъ Сборниковъ“.

Кончаетъ Бѣлинскій свою выходку такъ же нещадно-нослѣдовательно:

„Потомъ“,—говоритъ онъ,—былъ на Руси другой царь, умный и добрый; видя, что добро не можетъ пустить далеко корни тамъ, гдѣ нѣтъ науки, онъ подтвердилъ русскому человѣку учиться, а за ученье обѣщалъ ему и большой чинъ и знатное мѣсто, думая, что приманка выгоды всего сильнѣе; но что жъ вышло? Правда, русскій человѣкъ смысленъ и понятливъ; коли захочетъ, такъ и самого нѣмца за поясъ... *И точно, русскій принялся учиться, но только, получивъ чинъ и мѣсто, бросалъ тотчасъ книги и принимался за карты—оно и лучше!..*“

Все это тѣмъ болѣе сильно, что тутъ много и правды, что тутъ заключается не одна теорія, не одно западничество, а заключаются отчасти и отрицательныя стороны Пушкинскаго созерцанія, и причины Лермонтовскаго протеста, и всего болѣе заключается Гоголь!..

„И такъ не ясно ли послѣ этого“,—заключаетъ Бѣлинскій свою страшную діатрибу,—„что русскій человѣкъ самобытенъ и оригиналенъ, что онъ никогда не подражалъ, *а только бралъ изъ-за границы формы, оставляя тамъ идеи, и отливалъ въ эти формы свои собственныя идеи, завѣщанныя ему предками?* Конечно, къ этимъ доморощеннымъ идеямъ не совѣмъ шель заморскій нарядъ, но къ чему нельзя привыкнуть, къ чему нельзя приглядѣться?..“

Глубокою и правильною мыслью заключена діатриба, но Бѣлинскій не сознавалъ самъ, насколько эта мысль о непреложности идей, завѣщанныхъ предками, и о внѣшнемъ приѣмѣ формъ, свидѣтельствовала въ пользу самобытности народной жизни и порождала требованіе внимательнаго углубленія въ сущность этой самобытности. Онъ говоритъ объ этомъ съ иронією, которую въ

немъ нельзя назвать иначе, какъ наивною, но которая теперь, въ запоздалыхъ послѣдователяхъ его, не можетъ уже быть названа такою, потому что многіе старались обратить ихъ вниманіе на причины неправильныхъ проявленій нашей самобытности.

Бѣлинскій видѣлъ передъ собою одно, а именно идеалы человѣческіе и вполне развитые, да жизнь совершенно непонятную, подъ эти идеалы неподходящую. Попытка объяснить эту жизнь, подводя ее подъ западныя аналогіи, для его природы, столько же правдивой, какъ натура Чаадаевская, видимо были несостоятельны. Попытки же оправдать эту странную жизнь ея же законами на первый разъ заявляли себя такими нелѣпыми формами, какъ славянофильство Шишкова, пошлость Загоскинскаго взгляда въ литературѣ, и въ лучшемъ случаѣ *экстравагантностями* глубокомысленнаго, но часто столь же безтактнаго, въ качествѣ редактора „Телескопа“, какъ нѣкогда подъ именемъ Никодима Надоумки, Н. И. Надеждина, въ родѣ апоэозы русскаго кулака.

„Вы,—обращается онъ къ нему (соч. Бѣл. Т. II. стр. 133, примѣч.), — смотрите на кулакъ, какъ на орудіе силы, совершенно тождественное съ шпагою, штыкомъ и пулею. Оно такъ, но все-таки между этими орудіями силы есть существенная разность: *кулакъ, равно какъ и дубина, есть орудіе дикаго, орудіе невѣжды, орудіе челоука грубаго въ своей жизни, грубаго въ своихъ понятіяхъ; кулакъ требуетъ одной животной силы, одного животнаго остервененія и больше ничего. Шпага, штыкъ и пуля суть орудія челоука образованнаго; они предполагаютъ искусство, ученіе, методу, слѣдовательно зависимость отъ идеи.* Звѣрь сражается когтемъ и зубомъ, естественными его орудіями; кулакъ есть тоже естественное орудіе звѣря-челоука; челоукъ общественный сражается орудіемъ, *которое создаетъ себя самъ, но котораго не имѣетъ отъ природы*“...

Въ этой, повидимому, незначительной замѣткѣ, высказывается всего яснѣе основной принципъ убѣжденій Бѣлинскаго, и за нимъ всего западничества—принципъ чисто отрицательный—ненависть ко всему непосредственному, ко всему природному или, лучше сказать, прирожденному. А между тѣмъ, что же можно было, и что можно теперь даже сказать въ защиту кулака, какъ явленія—не впадая въ страшную неловкость?.. Отъ кулака еще много шаговъ Бѣлинскому до того знаменитаго положенія, что „гвоздь, выкованный рукою челоука, дороже самаго лучшаго цвѣтка природы“, — которое уже становится возмутительнымъ для *вѣчнаго* эстетиче-

скаго чувства человѣческой природы; еще далеко и до отрицанія всякой непосредственности, народныхъ преданій, народной поэзіи, народности вообще. Кулакъ еще нельзя было защищать. Защищавшій его, т.-е. П. И. Надеждинъ, неловко хотѣлъ обогнать время, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы наше время оправдало кулакъ, но въ томъ, что оно его сравнивало со всѣми *mittelbar*, посредственно, приобрѣтенными орудіями грубой силы.

Съ другой стороны, въ этой замѣткѣ уже ясно высказывается, что только *образованный* человѣкъ есть человѣкъ. И въ этомъ, конечно, есть извѣстная доля правды, но только гдѣ же грань идеала образованія и грань звѣрства?.. Образованіе принято здѣсь явнымъ образомъ за послѣдній моментъ современнаго и притомъ западнаго развитія, если вести мысль логически... Отсюда уже недалеко до того, чтобы всѣхъ нашихъ доблестныхъ и, по-своему, даже образованныхъ предковъ признать звѣрями. Такъ оно и выходитъ. Все, что не подойдетъ подъ условную мѣрку западнаго образованія, германо-романскихъ идеаловъ, германо-романскаго развитія, будетъ обречено на звѣрство западничествомъ. Во всемъ тысячелѣтнемъ бытіи народа уцѣлѣютъ только два образа: Петръ, да Иванъ IV.

Апоѳеозу Петра мы уже видѣли; я началъ ею мою статью. Апоѳеоза Ивана IV—прямое логическое послѣдствіе исключительной апоѳеозы Петра—не совершена однако Бѣлинскимъ съ тою наивною и вмѣстѣ ужасающею послѣдовательностью, съ какою совершена апоѳеоза Петра, хотя въ идеяхъ Бѣлинскаго объ Иванѣ IV заключаются уже сѣмена почти всего того, что впослѣдствіи высказано гг. Соловьевымъ и Кавелинымъ. Бѣлинскій взялъ Ивана IV болѣе съ психологической, общей стороны, увлекся имъ какъ художественнымъ образомъ.

„Мы, — говоритъ Бѣлинскій (Т. II, стр. 213), — поспорили бы съ почтеннымъ авторомъ только на счетъ Іоанна IV. Намъ кажется, что онъ не разгадалъ, или можетъ быть не хотѣлъ разгадать тайну этого необыкновеннаго человѣка. У насъ господствуетъ нѣсколько различныхъ мнѣній насчетъ Іоанна Грознаго. Карамзинъ представилъ его какимъ-то двойникомъ, въ одной половинѣ котораго мы видимъ какого-то ангела, святого и безгрѣшнаго, а въ другой — чудовище, изрыгнутое природою въ минуту раздора съ самой собой, для пагубы и мученія бѣднаго человѣчества, и эти двѣ половины сшиты у него, какъ говорится, бѣлыми нитками. Грозный былъ для Карамзина загадкою; другіе

представляютъ его не только злымъ, но и ограниченнымъ человекомъ; нѣкоторые видятъ въ немъ генія. Г. Полевой держится какой-то середины; у него Іоаннъ не геній, а просто замѣчательный человекъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ, изобразивъ такъ прекрасно, такъ вѣрно, въ такихъ широкихъ чертахъ этотъ колоссальный характеръ. Въ самомъ разсказѣ г. Полевого Іоаннъ очень понятенъ. *Есть два рода людей съ добрыми наклонностями: люди обыкновенные и люди великіе. Первые, сбившись съ прямого пути, дѣлаются мелкими негодьями, слабодушниками; вторые злодѣями. И чѣмъ душа человека огромнѣе, чѣмъ она способнѣе къ впечатлѣніямъ добра, тѣмъ глубже падаетъ она въ бездну преступленія, тѣмъ болѣе закаляется во зль. Таковъ Іоаннъ; это была душа энергическая, глубокая, гранитная.* Стоитъ только пробѣжать въ умѣ жизнь его, чтобы удостовѣриться въ этомъ. Вотъ, четырехлѣтнее дитя, остается онъ безъ отца, и кому же ввѣряется его воспитаніе? Преступной матери и самовольству бояръ, этихъ буйныхъ бояръ, крамольныхъ, корыстныхъ, которые не почитали за безчестіе и стыдъ лѣности, нерадѣнія, явнаго неповиновенія царской волѣ, проигрыша сраженія вслѣдствіе споровъ о мѣстахъ, а почитали себя обезчещенными, униженными, когда ихъ сажали не по чинамъ на царскихъ пирахъ. И что жъ дѣлаютъ съ царственнымъ отрокомъ эти корыстные и бездушные бояре? Онъ рветъ животное, наслаждается его смертными издыханіями, а они говорятъ: „пусть державный тѣшится!“ Кто жъ виноватъ, если потомъ онъ тѣшится надъ ними, своими развратителями и наставниками въ тиранствѣ? Онъ любитъ Телепнева, а они вырываютъ любимца изъ его объятій и ведутъ его на мѣсто казни. *Душа младенца была потрясена до основанія, а такія души не забываютъ подобныхъ потрясеній.* Онъ дѣлается юношею и распутничаетъ,—бояре видятъ въ этомъ свою пользу и подучиваютъ его на распутство. Но зрѣлище народнаго бѣдствія потрясаетъ душу юнаго царя и вдругъ перемѣняетъ его: онъ женится, и на комъ же? На кроткой, прекрасной Анастасіи; онъ уже не тиранъ, а добрый государь, онъ уже не легкомысленный и вѣтренный мальчикъ, а благоразумный мужъ: *какіе люди способны къ такимъ внезапнымъ и быстрымъ перемѣнамъ? ужь конечно, не просто добрые и не глупые!* Онъ подаетъ руку иноку Сильвестру и безродному Адашеву, онъ ввѣряется имъ, онъ какъ будто понимаетъ ихъ; *поняли-ль они его?* Люди народа, они дѣйствуютъ благородно и безкорыстно, умно и удачно, но они оковываютъ волю царя; эта воля была львиная и жаждала раздолья и дѣятельности самобытной, честолюбивая и пламенная... Своимъ вліяніемъ на умъ царя, они спеленали инолина, не думая, что ему стоитъ только пожать плечами, чтобы разорвать пеленки. *Они наконецъ назначили ему и часъ молитвы, и часъ суда и совѣта, и часъ царской потѣхи, покорили эту душу тяжкому, голодному,*

кому и бездушному ханжеству, а эта душа была пылка, нетерпелива, стояла выше предразсудковъ своего времени и тайнъ презирала безмысленными обрядами. И царь надѣлъ иго, слушался своихъ любимцевъ какъ дитя, казалось, былъ всёмъ доволенъ; но его сердце точилъ червь униженія... У царя есть сынъ и есть дядя, послѣдній обломокъ развалившагося зданія удѣловъ. Царь боленъ при смерти; въ это время Русь уже приучилась страшиться крамолъ; наследство престола было уже опредѣлено и утверждено общимъ народнымъ мнѣнiемъ, сынъ царя былъ уже выше своего дяди. Чтò же? При смертномъ одрѣ умирающаго вѣнценосца возстала крамола: бояре отрекаются отъ законнаго наследника, къ нимъ пристають Сильвестръ и Адашевъ... Царь все видитъ, все слышитъ: его санъ, его достоинство поруганы: у его смертнаго одра брань и чуть не драка; справедливость нарушена; его сынъ лишенъ престола, который выдается удѣльному князю, который въ глазахъ и царя и народа казался крамольникомъ, хотя былъ невиненъ, которому право жизни было дано какъ-будто изъ милости... Этотъ ударъ былъ слишкомъ силенъ, нанесенная имъ рана была слишкомъ глубока, царь возсталъ для мщенія... *Трепещите, буйные и крамольные бояре! вашъ часъ пробилъ, вы сами накликали кару на свою голову, вы оскорбили льва, а левъ не забываетъ оскорбленiй и страшно мститъ за нихъ...* Царь выздоровѣлъ, оглянулся назадъ: назади было его сирое дѣтство, казнь Овчины Телепнева, тяжкая неволя и ненавистная боярщина, поругавшаяся надъ его смертнымъ часомъ, оскорбившая и законъ, и справедливость, и совѣсть; взглянулъ впередъ: впереди опять тяжкая неволя и ненавистная боярщина... Мысль объ измѣнѣ и крамолѣ сдѣлалась его жизнью, и съ тѣхъ поръ онъ вездѣ и во всемъ могъ видѣть одну измѣну и крамолу, какъ человѣкъ, помѣшавшiйся отъ привидѣнiя, вездѣ и во всемъ видитъ исиувавшiй его призракъ... Къ этому присоединилась еще смерть страстно любимой имъ Анастасiи... И теперь, какъ понятно его постепенное измѣненiе, его переходъ къ злодѣйству!.. Ему надлежало бы свергнуть съ себя тягостную опеку, слушать совѣты, а дѣлать по своему, не питать вѣры, но быть осторожнымъ съ боярщиною и править государствомъ къ его славѣ и счастiю, но онъ жаждетъ мести, мести за себя, а человекъ имѣетъ право мститъ только за дѣло истины, за дѣло Божiе, а не за себя. Мщенiе, можетъ быть, сладкiй, но ядовитый напитокъ; это скорпионъ, самъ себя уязвляющiй... Кровь тоже напитокъ опасный и ужасный: она что морская вода: чѣмъ больше пьешь, тѣмъ жажда сильнѣе; она тушитъ месть, какъ тушитъ масло огонь. Для Иоанна мало было виновныхъ, мало было бояръ, онъ сталъ казнить цѣлые города: онъ былъ боленъ, онъ опьянѣлъ отъ ужаснаго напитка крови... Все это вѣрно и прекрасно изображено у г. Полевого, и въ его изображенiи намъ понятно это безумiе, эта звѣрская кровожадность, эти неслыханныя злодѣйства, эта гордыня и вмѣстѣ

съ ними эти жгучія слезы, это мучительное раскаяніе и это униженіе, въ которыхъ проявлялась вся жизнь Грознаго; намъ понятно также и то, что только ангелы могутъ изъ духовъ свѣта превращаться въ духовъ тьмы... Іоаннъ поучителенъ въ своемъ безуміи, это не тиранъ классической трагедіи, это не тиранъ Римской имперіи, гдѣ тираны были выраженіемъ своего народа и духа времени: это былъ падшій ангелъ, который и въ паденіи своемъ обнаруживаетъ по временамъ силу характера желѣзнаго, и силу ума высокаго..“

Прежде еще, чѣмъ остановлюсь я на этомъ весьма важномъ очеркѣ, я сопоставлю съ нимъ выписку изъ статьи „Отеч. Записокъ“ 1841 года, въ которой Бѣлинскій, восторженно увлекаясь поэмою Лермонтова о „Купцѣ Калашниковѣ“, касается тоже образа Ивана IV.

„На первомъ планѣ“, — говоритъ нашъ критикъ, — „видимъ мы Іоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный блескъ живъ еще въ преданіи и фантазіи народа... Что за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ „мужъ кровей“, какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикомъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ? *Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи;* замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ *великаго развитія для великаго подвига;* но какъ условія тогдашняго полуазиатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отказали ей *даже въ какомъ-нибудь развитіи,* оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности *пересоздать дѣйствительность,* то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказились, нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тиранія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ скорѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... *Можетъ быть, это былъ своего рода великій человекъ, но только не во время, слишкомъ рано явившійся Россіи,* пришедшій въ міръ съ *призваніемъ на великое дѣло,* и увидавшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы *для измѣненія ужасной дѣйствительности,* среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости. Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства, *онъ самъ наиболее заслуживаетъ соболъзнованія;* вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими глазами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи“... (Т. IV, стр. 284).

„Мы русскіе“, — говоритъ еще Бѣлинскій уже въ 1843 году, сильнѣе и сильнѣе вдаваясь въ свой централизаціонный взглядъ и сопоставляя прямо Петра съ Іоанномъ (Т. VII, стр. 105), какъ съ его предшественникомъ въ выработкѣ государственной идеи, — имѣли своего Ахилла, который есть неопровержимо-историческое лицо, ибо отъ дня смерти его протекло только 118 лѣтъ, но который есть миѣическое лицо со стороны необъятной важности духа, колоссальности дѣлъ и невѣроятности чудесъ, имъ произведенныхъ. Петръ былъ полнымъ выраженіемъ русскаго духа, и если бы между его натурою и натурою русскаго народа не было кровнаго родства, его преобразованія, какъ индивидуальное дѣло сильнаго средствами и волею человѣка, не имѣли бы успѣха. *Но Русь неуклонно идетъ по пути, указанному ей творцомъ ея.* Петръ выразилъ собою великую пдею самоотрицанія случайнаго и произвольнаго въ пользу необходимаго, грубыхъ формъ ложно разившейся народности въ пользу разумнаго содержанія національной жизни. Этою высокою способностью самоотрицанія обладаютъ только великіе люди и великіе народы, и *ею-то русское племя возвысилось надъ всеми славянскими племенами, въ ней-то и заключается источникъ его настоящаго могущества и будущаго величія.* До Петра вся русская исторія заключалась въ одномъ стремленіи къ соглашенію разгнѣденныхъ частей страны и сосредоточенію ея вокругъ Москвы. Въ этомъ случаѣ помогло и татарское иго, и грозное царствованіе Іоанна“...

Послѣ этихъ нарочно сопоставленныхъ мною мѣстъ, нельзя не удивляться тому, что Бѣлинскій въ 1846 году, стало быть въ эпоху еще позднѣйшую и еще болѣе теоретическую своей дѣятельности, находить энергическими стихи Языкова о Грозномъ—Языкова, котораго иритомъ преслѣдовалъ онъ безпощадно. Это можно пояснить только великимъ художническимъ чувствомъ, которое никогда не покидало нашего критика, какъ бы сильно ни вдался онъ въ теорію.

„Одушевляясь прошедшимъ“, — пишетъ онъ въ одной рецензін 1846 г. (Соч. Бѣл. Т. X, стр. 389),—какъ почтенный собесѣдникъ старины, г. Н. Языковъ, вдругъ *обмолвился* нѣсколькими *энергическими* стихами объ Иванѣ Грозномъ:

„Трехъ мусульманскихъ царствъ счастливый покоритель
И кровопійца своего!
Неслышанный тиранъ, мучитель непреклонный,
Природы ужасъ и позоръ!
Въ Москвѣ за казнь казнь; у плахи незаконной
Весь день мясничаетъ топоръ,
По земскимъ городамъ толна кромѣшныхъ бродить,
Нося грабежъ, губя людей,
И, бѣшено свирѣпъ, самъ царь ее предводитъ“...

Для того, чтобы уяснить себя и оцѣнить по достоинству значеніе взгляда Бѣлинскаго на личность Ивана IV, нужно принять въ соображеніе то обстоятельство, что Бѣлинскій былъ совершенно незнакомъ съ источниками нашей исторіи вообще, въ его время еще мало доступными, создавалъ себя Ивана по Карамзинскимъ формамъ, съ одной стороны, и по отрицанію Полевого, съ другой, — всѣмъ, слѣдовательно, обязанъ былъ своей гениальной чуткости и проницательности. Притомъ, стремясь разъяснить себя тинственную личность грознаго вѣнценосца, онъ имѣлъ въ виду цѣли болѣе психологическія и художественныя, чѣмъ историческія или политическія. Онъ былъ пораженъ этимъ дѣйствительно-знаменательнымъ образомъ, пораженъ какъ артистъ, и хотѣлъ разгадать внутреннія пружины страшныхъ дѣяній Ивана IV...

Въ 1836 году, къ которому принадлежитъ первое изъ выписанныхъ мною мѣстъ, Бѣлинскій еще былъ самымъ ярымъ поклонникомъ юной французской словесности; стоялъ, такъ сказать, на колѣняхъ передъ нею вообще, передъ Бальзакомъ въ особенности; восхищался не только глубокимъ анализомъ Бальзака, но и образами въ родѣ Феррагуса въ Histoire de treize. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, насколько онъ былъ правъ или неправъ въ тогдашнихъ своихъ увлеченіяхъ. Дѣло въ томъ, что исходная точка его симпатическаго взгляда на Ивана IV заключается въ увлеченіи той эпохи вообще, и въ его увлеченіи въ особенности, страшными и мрачными натурами, демоническими и разрушительными стремленіями, — стремленіями выходящими изъ общаго круга, идущими въ разрѣзъ съ общею жизнью. Такою личностью, такою титаническою натурою представилъ онъ себя и нашего Грознаго. Въ этомъ представленіи много правды, по крайней мѣрѣ оно, и одно оно, помогло разгадать сколько-нибудь эту психологическую загадку, и нѣтъ сомнѣній, что если бы Бѣлинскій прямо по источникамъ изучилъ Грознаго со всѣхъ его сторонъ, онъ можетъ быть удачнѣе всѣхъ разгадалъ бы эту мрачную и вмѣстѣ ироническую, часто даже юмористическую (въ похожденіяхъ Александровской Слободы, въ посланіи къ отцамъ Бѣлозерскаго Кирилловскаго монастыря), вполне *русскую* личность... Не вмѣя же подъ рукою ни фактовъ, ни красокъ для этой фигуры, онъ пабросилъ на нее общій байроническій тонъ, и самая рѣчь его въ приведенныхъ мѣстахъ о Грозномъ отзывается страстной, лихорадочной тревожностью...

Но, какъ писатель общественный, Бѣлинскій не могъ остано-
 виться на одной художественной симпатіи къ личности... Онъ взгля-
 нулъ глубокимъ взглядомъ на значеніе этой личности въ нашемъ
 развитіи общественномъ, взглянулъ на Ивана, какъ на обществен-
 наго двигателя, и сразу проложилъ и указалъ дорогу своимъ уче-
 никамъ. Въ статьѣ 1836 года, Бѣлинскій еще ни слова не говоритъ
 о государственномъ значеніи Ивана IV. Въ статьѣ 1841 года, онъ,
 оговариваясь, что не мѣсто и не время распространяться въ статьѣ
 объ историческомъ значеніи Грознаго, даетъ однако замѣтить, что
 въ дѣлѣ его онъ видитъ „великій подвигъ“, что въ его страш-
 ныхъ казняхъ видно стремленіе пересоздать дѣйствительность, го-
 воритъ наконецъ прямо, что, *можетъ быть*, это былъ преждевре-
 менно явившійся великій человѣкъ... Вся послѣдующая школа ро-
 дового быта уже заключается въ этомъ взглядѣ. Она отброситъ
 только слово „*можетъ быть*“, которое и самъ Бѣлинскій поста-
 вилъ потому только, что не владѣлъ достаточнымъ количествомъ
 фактовъ, подтверждающихъ взглядъ и почерпнутыхъ прямо изъ
 источниковъ,—потому только, что говорилъ гадательно. Когда же
 явилась книга Котошихина, когда отрицателямъ представилась
 цѣлая масса фактовъ, обличающихъ „ужасную дѣйствительность“,
 тогда Бѣлинскій прямо и послѣдовательно призналъ Ивана IV
 предшественникомъ Петра Великаго, какъ свидѣтельствуетъ третье
 приведенное мною мѣсто;—вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей неумолимой
 послѣдовательности, онъ, наравнѣ съ Иваномъ, призналъ и татар-
 ское иго необходимымъ звеномъ въ нашемъ государственномъ
 развитіи...

Но не только основная идея всѣхъ послѣдующихъ взглядовъ на
 личность Ивана IV и его историческое значеніе заключается въ
 приведенныхъ выпискахъ,—нѣтъ! въ нихъ заключаются намеки на
 всѣ самыя тонкія подробности. У Бѣлинскаго уже является та
 мысль, что Иванъ IV пришелъ въ міръ съ „*призваніемъ на вели-
 кое дѣло*“. Г. Соловьевъ только развилъ это „призваніе“ факти-
 чески и раздвинулъ предѣлы брошенной Бѣлинскимъ мысли только
 тѣмъ, что сталъ доказывать въ Иванѣ сознательное чувство этого
 призванія. Бѣлинскій указалъ на разубѣжденіе Грознаго въ Силь-
 вестрѣ и Адашевѣ. Гг. Соловьевъ и Кавелинъ только смѣлѣе и
 прямѣе объявили ихъ и ихъ партію отсталыми людьми, а Грознаго
 и палача Томилу прогрессистами. Все, однимъ словомъ, что раз-
 вилось послѣ въ цѣлую теорію, существуетъ уже въ зародышѣ въ

мысляхъ Бѣлинскаго, все, даже, къ сожалѣнiю, до крика: *vae victis!*—этого грустнаго результата историческаго фатализма, породившаго теорiю родового быта и централизаціи. У Бѣлинскаго крикъ этотъ только напряженнѣй и лихорадочнѣй („Трепещите, буйные и крамольные бояре“ и т. д.)...

Бѣлинскiй прежде всего обладалъ генiальнымъ чутьемъ, и потому нисколько не удивительно, что онъ намѣтилъ геркулесовы грани теорiи отрицанiя и централизаціи. Можно сказать, что бросившись разъ по пути этой теорiи, онъ уже носилъ ее въ себѣ совершенно непосредственно, и, перемѣняя часто взглядъ па частныя явленiя, идеѣ централизаціи остается вѣренъ постоянно до послѣдняго года жизни, когда въ немъ, повидимому, готовился какой-то переломъ, совершенiю котораго воспрепятствовала смерть. Въ 1836 ли году, фанатическiй поклонникъ бурнаго романтизма,—въ 1838 ли или 1839 году, фанатикъ разумности дѣйствительности и яркiй гонитель французовъ, романтизма и либерализма,—въ сороковыхъ ли годахъ, предсказатель прогресса,—онъ твердо и неуклонно стоитъ въ одномъ—въ отрицанiи и централизаціонныхъ началахъ. Этимъ объясняются его нелюбовь къ славянству и стремленiямъ славянизма, его вражда къ малороссiйской литературѣ, какъ къ мѣстной литературѣ и т. д. Эта нелюбовь къ славянству и эта вражда къ мѣстной малороссiйской литературѣ въ немъ являются чѣмъ-то странно-инстинктивнымъ.

Нѣтъ сомнѣнiя для того, кто пристально прослѣдилъ дѣятельность Бѣлинскаго, въ томъ, что эпоха отъ 1834 до 1836 года, т.-е. эпоха дѣятельности въ „Телескопѣ“,—единственная, въ которой мы видимъ его вполне такъ сказать нараспашку, не подчиненнымъ никакой извнѣ пришедшей теорiи, отдающимся беззавѣтно всѣмъ страстнымъ сочувствiямъ; по временамъ только страстные порывы его умѣряются влiянiемъ чужой могущественной мысли Надеждина, но и то борются съ этимъ влiянiемъ. Всего замѣчательнѣе, что и въ эту эпоху Бѣлинскiй или прямо возстаеъ на первыя выраженiя исключительно народныхъ стремленiй, или относится къ нимъ отрицательно, насмѣшливо...

Первоначальныя стремленiя исключительно-народнаго направленiя выражались часто или въ нескладныхъ формахъ, какъ, на примѣръ, оправданiе *кулака*, или въ юношескомъ высокоумiи и заносчивости противъ западнаго образованiя. Выходку Бѣлинскаго противъ „кулака“ я уже приводилъ. Не менѣе замѣчательны и

двѣ выходки его въ рецензіи на книгу Венелина: „О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ Задунайскихъ“.

Венелинъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей славянства, и одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей славянской мысли. Человѣкъ сердца, болѣе чѣмъ человѣкъ ума, обладавшій громадною, но безпорядочнѣйшею ученостью, одаренный гениальнымъ историческимъ чутьемъ и предупредившій многими идеями великаго Шафарика, въ отношеніи къ которому онъ былъ своего рода допотопною формаціей, онъ вносилъ въ науку всѣ симпатіи и всѣ глубокія ненависти угнетеннаго племени, за которое, какъ и за всѣ славянскія племена въ совокупности, онъ готовъ былъ идти на крестъ и мученія. Статья его о пѣсняхъ Задунайскихъ славянъ, какъ всѣ его, къ сожалѣнію еще неизданныя вполнѣ сочиненія, представляетъ смѣсь гениальнѣйшихъ соображеній и глубокой критической пронизательности съ мыслями незрѣлыми и неразъясненными, а иногда даже просто незрѣлыми и темными, но исполненными самой страстной заносчивости. Холодно, и то какъ бы повинуваясь общему духу своего тогдашняго журнала, хвалить Бѣлинскій достоинство книги Венелина, но явно враждебно относится къ ея слабымъ сторонамъ, съ какой-то злостью выставляетъ ихъ, и высказываетъ рѣзко свое несочувствіе къ славянству, его интересамъ, его враждамъ, стремленіямъ и даже къ его исторіи.

„Мы пропускаемъ,—говоритъ онъ (Соч. Бѣл. Т. II, стр. 175),— что языкъ г. Венелина нерѣдко бываетъ неправиленъ и страненъ, что онъ любитъ употреблять слова и выраженія, никѣмъ не употребляемыя, какъ-то: „кухонность человѣческаго рода“ и тому подобныя, которыхъ не мало; все это не важно. Но насъ удивили нѣкоторыя его мысли, изложенныя частью въ выноскахъ, частью въ прибавленіяхъ къ статьѣ; онѣ кажутся намъ въ совершенной дисгармоніи съ тѣми, о которыхъ мы говорили выше. Съ трудомъ вѣрится, чтобы тѣ и другія иринадлежали одному и тому же лицу. Что значитъ, напримѣръ, эта насмѣшка надъ Гёте за то, что онъ выдалъ Елену Илиады за нѣмца Фауста? Неужели почтенному автору неизвѣстно, что есть художественныя сочиненія, которыя, будучи неестественны, несбыточны и нелѣпы въ фактическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе истинны поэтически? Неужели ему неизвѣстно, что въ творчествѣ сказка или разсказъ бываетъ иногда только символомъ идеи? Что за насмѣшка надъ красавицею Еленою, которую авторъ грозится показать самымъ славянскимъ, т.-е. *самымъ варварскимъ* наказаніемъ? За что такая немилость? Неужели почтенный авторъ думаетъ, что дѣйствующія лица въ поэмѣ должны быть резонабельны, нравственны, словомъ должны отличаться

хорошимъ поведеніемъ? Неужели ему неизвѣстно, что самыя понятія о нравственности не у всѣхъ народовъ сходны? Елена нисколько не оскорбляла своимъ поведеніемъ жизни древнихъ; она совершенно въ духѣ народа и въ духѣ времени. Ее такъ же смѣшно упрекать въ безнравственность, какъ смѣшно упрекать *Задунайскихъ славянъ въ томъ, что они головорѣзы*“...

Повидимому въ высшей степени правильны здѣсь нападки Бѣлинскаго, но въ этихъ правильныхъ и разумныхъ нападкахъ кроется столько инстинктивно враждебнаго, что желчь въ нихъ постепенно накапливается-накапываетъ и наконецъ прорывается злобною выходкою противъ задунайскихъ славянъ, столь дорогихъ сердцу благороднаго самоотверженнаго труженика болгарскаго и всего славянскаго дѣла... Дѣло ясное теперь для насъ, читателей, что всѣ „неужели“, обращаемыя рецензентомъ къ Венелину, „неужели“ столь справедливыя и разумныя, въ сущности къ Венелину не относятся. Все, о чемъ допрашивалъ его Бѣлинскій, Венелинъ зналъ, конечно, такъ же хорошо, какъ самъ Бѣлинскій, но у Венелина кровь кипѣла, желчь подымалась при словѣ „нѣмецъ“, и вотъ рука расходилась, въ ученой книгѣ вырвались необдуманныя слова племенной ненависти,—хоть въ чемъ-нибудь, хоть не кстати, да сорвать злость на нѣмцевъ! До Елены, до Фауста—тутъ и дѣла нѣтъ; тутъ звучитъ старая пѣснь о Любушиномъ судѣ, что не хорошо

искать у нѣмцевъ правды...
У насъ правда по закону святу.
Привесли ту правду наши дѣды.
Черезъ три рѣки на нашу землю.

Тутъ явно видима наивная, племенная обмолвка. И вотъ обмолвка эта попадаетъ человѣку, у котораго кровь кипитъ и желчь кипѣла отъ противорѣчій нашей славянской дѣйствительности тому блестящему идеалу, который выработало остальное человечество, который именно въ нашей славянской дѣйствительности видитъ причины нашей отсталости и неразвитости...

Оба эти человѣка правы... но за наивную, почти дѣтскую въ своей заносчивости, обмолвку одного, злобно и даже разсчетливо мстить другой. Этотъ другой сильнѣе и ясностью ума и твердыми, хотя чужими основами взгляда.

„Потомъ“,—продолжаетъ рецензентъ,—„что это за нападки на Гердера и Гизо? И за что-же? За то, что *они находятъ духъ ры-*

царства и героизма только въ нѣмецкихъ племенахъ, а не въ славянскихъ? Странно. Конечно, героизмъ, т.-е. непосѣдность, предприимчивость и страсть къ кровопролитію *свойственны всякому младенчеству народоу болѣе или менѣе; но самый этотъ героизмъ имѣетъ болѣе или менѣе кругъ дѣйствія.* Норманны переплывали моря и завоевывали отдаленныя страны, *а славяне дрались съ своими сосѣдями, или другъ съ другомъ.* Что же касается до рыцарства, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ исключительно одной Европѣ среднихъ вѣковъ, *и именно нѣмцамъ.* Рыцарство и героизмъ очень похожи другъ на друга, но между ними есть и большая разница; *героизмъ бываетъ почти всегда безмысленъ, а рыцарство водится всегда идеею!* Гдѣ же надо искать этой идеи? *Неужели въ безмысленной рѣзнь задунайскихъ славянъ съ турками или кавказскихъ племенъ между собою?* За что же г. Венелинъ такъ сердится на Гизо и особенно на великаго Гердера, что они были неуважительны къ славянамъ? Я презираю это дѣтское обожаніе авторитетовъ, вслѣдствіе котораго нельзя сказать о Мильтонѣ, что онъ не поэтъ, или по крайней мѣрѣ не великій поэтъ, и тому подобное; но съ тѣмъ вмѣстѣ я противъ неуважительнаго тона къ людямъ, оказавшимъ челоѣчеству большія услуги, каковъ Гердеръ; и слова: „Гердеръ дѣтствуетъ, Гердеръ ребячествуетъ“ мнѣ кажутся неумѣстными. Гердеръ могъ ошибаться, могъ не знать чего-либо, но нкогда онъ не могъ ни дѣтствовать, ни ребячиться. Намъ желательно, чтобы г. Венелинъ“... и т. д.

Это мѣсто, въ которомъ все, по крайней мѣрѣ повидимому, справедливо, кромѣ злости, въ высшей степени знаменательно и въ отношеніи къ исторіи борьбы двухъ направлений, и въ отношеніи къ самому Бѣлинскому. Безпощадная послѣдовательность вражды заводитъ его въ „Телескопъ“ 1836 года почти въ то же самое, что высказано имъ было въ сороковыхъ годахъ. Вѣдь тутъ ужъ чуть-чуть что нѣтъ симпатіи къ туркамъ, какъ къ организованному государству, чуть-чуть что нѣтъ этого знаменитаго положенія, которое докончилъ послѣдовательно „Атеней“ мрачной памяти, въ лѣто отъ Р. X. 1859, чуть-чуть что нѣтъ того, однимъ словомъ, за что глубоко ненавидѣло славянофильство Бѣлинскаго, за что оно готово было оскорблять его великую память...

И кто же тутъ виновать?.. Не виновато славянство, ибо Бѣлинскій, увлекаемый теоріею, шелъ наперекоръ его завѣтнѣйшимъ и притомъ благороднѣйшимъ стремленіямъ; не виновать и Бѣлинскій, вѣрный здѣсь своему принципу, своимъ идеаламъ до фанатизма... Ходъ мысли его касательно нашей связи съ славянствомъ, т.-е. касательно нашей народности вообще, былъ таковъ, что

только отрицаніемъ нашей самости мы вступаемъ въ семью чело-
вѣчества, что исторіи у насъ нѣтъ до Петра и до реформы.

„До славянъ же,—говоритъ онъ въ 1845 году (Соч. Бѣл., ч. IX, стр. 417),—намъ нѣтъ дѣла, потому что они не сдѣлали ничего такого, что дало бы имъ право на вниманіе науки и на основа-
ніи чего наука могла бы видѣть въ ихъ существованіи *фактъ исторіи чело-
вѣчества*“.

Вотъ оно главное слово разгадки: чело-вѣчество! Это—абстракт-
ное чело-вѣчество худо понятаго гегелизма, чело-вѣчество, котора-
го въ сущности нѣтъ, ибо есть организмы растущіе, старѣющіеся,
перерождающіеся, но вѣчные: народы. Для того, чтобы оно *было*,—
это абстрактное чело-вѣчество, нужно непременно признать какой-
либо условный идеаль его. Этому идеалу жертвуется всѣмъ на-
роднымъ, мѣстнымъ, органическимъ... Въ концѣ-концовъ, въ
результатахъ этого идеала, стойтъ, конечно, то, о чемъ Гегелю и
не снилось.

Чаадаевъ былъ проще и послѣдовательнѣе. Онъ прямо схва-
тился за католицизмъ, за блестящее и вѣковое выраженіе мертвя-
щей централизаціи, прямо взглянулъ въ лицо *теоріи*, абсолютнѣе
отрехся отъ *жизни*!..

III.

„Всякій народъ есть нѣчто цѣлое, особенное, частное и инди-
видуальное; у всякаго народа своя жизнь, свой духъ, свой харак-
теръ, свой взглядъ на вещи, своя манера понимать и дѣйствовать.
Въ нашей литературѣ теперь борются два начала, французское и
нѣмецкое. Борьба эта началась уже давно, и въ ней-то вырази-
лось рѣзкое различіе направленія нашей литературы. Разумѣется,
что намъ такъ же не къ лицу идти быть нѣмцами, какъ и фран-
цузами, *потому что у насъ есть своя національная жизнь, глу-
бокая, могучая, оригинальная; но назначеніе Россіи есть принять
въ себя все элементы не только европейской, но міровой жизни,*
на что достаточно указываетъ ея историческое развитіе, геогра-
фическое положеніе и самая многосложность племенъ, вошедшихъ
въ ея составъ и теперь *перекаляющихся въ горнилы великорусской
жизни, которой Москва есть средоточіе и сердце, и приобщаю-
щихся къ ея сущности.* Разумѣется, принятіе элементовъ всемір-
ной жизни не должно и не можетъ быть механическимъ или эклек-
тическимъ, какъ философія Кузена, сшитая изъ разныхъ лоскут-
ковъ, а живое, органическое, конкретное; эти элементы, принимаясь
русскимъ духомъ, не остаются въ немъ чѣмъ-то *постороннимъ и
чуждымъ, но перерабатываются въ немъ, преобразуются въ его*

сущность и получаютъ новый самобытный характеръ. Такъ въ живомъ организмѣ разнообразная пища процессомъ пищеваренія обращается въ единую кровь, которая животворитъ единый организмъ. Чѣмъ многосложнѣе элементы, тѣмъ богатѣе жизнь. Неудовимо безконечны стороны бытія, и чѣмъ болѣе сторонъ выражаетъ собою жизнь народа, тѣмъ могучѣе, глубже и выше народъ. *Мы, русскіе, наследники цѣлаго міра, не только европейской жизни, и наследники по праву.* Мы не должны и не можемъ быть англичанами, ни французами, ни нѣмцами, *потому что мы должны быть русскими;* но мы возьмемъ, какъ свое, все, что составляетъ исключительную сторону жизни каждаго европейскаго народа, и возьмемъ ее, *не какъ исключительную сторону, а какъ элементъ для пополненія нашей жизни, исключительная сторона которой должна быть многосторонность не отвлеченная, а живая, конкретная, имѣющая свою собственную народную физиономию и народный характеръ.* Мы возьмемъ у англичанъ ихъ промышленность, ихъ универсальную практическую дѣятельность, но не сдѣлаемся *только промышленными и дѣловыми людьми;* мы возьмемъ у нѣмцевъ науку, но не сдѣлаемся *только учеными;* мы уже давно беремъ у французовъ моды, формы свѣтской жизни, шампанское, усовершенствованія по части високаго и благороднаго повареннаго искусства; давно уже учимся у нихъ любезности, ловкости свѣтскаго обращенія; но пора уже перестать намъ брать у нихъ то, чего у нихъ нѣтъ: знаніе, науку. Ничего нѣтъ вреднѣе и нелѣпѣе, какъ не знать, гдѣ чѣмъ можно пользоваться.

„Вліяніе нѣмцевъ благотвельно на насъ во многихъ отношеніяхъ, и со стороны науки и искусства, и со стороны духовно-нравственной. Не имѣя ничего общаго съ нѣмцами въ частномъ выраженіи своего духа, *мы много имѣемъ съ ними общаго въ основѣ, сущности, субстанціи нашего духа.* Съ французами мы находимся въ обратномъ отношеніи; хорошо и охотно сходясь съ ними въ формахъ общественной (свѣтской) жизни, мы враждебно противоположны съ ними по сущности (субстанціи) нашего національнаго духа (Соч. Бѣл. Т. II, стр. 304).

„Кромѣ природы и личнаго человѣка, есть еще общество и человечество. Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ бы горячимъ ключемъ ни была она во мнѣ и какими бы волнами не лилась черезъ край, она не полна, если не усвоитъ въ свое содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и человечества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежитъ на сердцѣ судьба родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое крѣпкое родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое имѣетъ свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. Живой человѣкъ носить въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ

своей крови жизнь общества; онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастьемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ общество только беретъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самого въ извѣстные моменты его жизни, но не покоряя его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина; въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. *Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человечеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину значитъ пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человечества и по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому. Въ противномъ случаѣ, патриотизмъ будетъ китаизмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое, и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ.* Романъ англичанина Морьера „Хаджи Баба“ есть превосходная и вѣрная картина подобнаго *квасного* (по счастливому выраженію князя Вяземскаго) патриотизма. Человѣческой натурѣ сродно любить все близкое къ ней, свое родное и кровное; но эта любовь есть и въ животныхъ, слѣдовательно любовь человѣка должна быть выше. Это превосходство любви человѣческой передъ животною состоитъ въ разумности, которая тѣлесное и чувственное просвѣтляетъ духомъ, *а этотъ духъ есть общій.* Примѣръ Петра Великаго, говорившаго о родномъ языкѣ, *что лучше чужой да хорошій, чмъ свой да негодный, лучше всего поясняетъ и оправдываетъ нашу мысль.* Конечно, изъ частнаго нельзя дѣлать правило для общаго, но можно черезъ сравненіе объяснить частнымъ общее. Можно не любить и родного брата, если онъ дурной человѣкъ, *но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было;* только надобно, чтобы эта любовь была не мертвымъ довольствомъ тѣмъ, что есть, но живымъ желаніемъ усовершенствованія; словомъ, *любовь къ отечеству должна быть влѣсть и любовью къ человечеству* (Соч. Бѣл. Т. IV, стр. 261)“.

Для того, чтобы совершенно понять два этихъ весьма характеристическихъ мѣста,—одно относящееся къ 1838, другое къ 1841 году, но оба связанныхъ очевидно однимъ и тѣмъ же направлениемъ мысли,—для того, чтобы уяснить себѣ ихъ содержаніе и тонъ, нужно перенестись нѣсколько въ то время, въ которое они были писаны.

Время же это характеризуется однимъ словомъ: гегелизмъ...

О гегелизмѣ Генрихъ Гейне сказалъ весьма остроумно, хоть и очень поверхностно, что онъ похожъ на странныя и по формамъ уродливыя письмена, которыми выражено простое и ясное содержа-

ніе, въ противоположность таинственнымъ іероглифамъ шеллингизма, въ сущности ничего яко-бы не выражающимъ. Ни въ отношеніи къ гегелизму, ни въ отношеніи къ шеллингизму—это рѣшительная неправда. И содержаніе гегелизма и содержаніе шеллингизма, какъ содержаніе вообще философіи, безгранично-широко и въ сущности едино... Но дѣло не въ томъ. Гегелизмъ, въ первоначальную эпоху своего къ намъ привитія, дѣйствовалъ на насъ преимущественно магическимъ обаяніемъ своихъ таинственныхъ формъ и своимъ „змѣинымъ“ положеніемъ о тождествѣ разума съ дѣйствительностью. Сначала мы съ самою наивною вѣрою приняли это положеніе, что „Was ist—ist vernünftig“,—съ такою вѣрою, которой никогда не желалъ великій учитель, не даромъ скорбѣвшій о томъ, что никто изъ учениковъ его не понималъ... Послѣдствія этой наивной вѣры были часто самыя комическія въ приложеніи къ дѣйствительности, въ особенности у насъ, гдѣ гегелизмъ по источникамъ знакомъ былъ весьма немногимъ, да и этими немногими большею частью былъ усвоенъ совершенно формально. Слова „духъ человѣчества“, „воля человѣчества“ для адептовъ имѣли какое-то таинственно-реальное бытіе, служили какими-то всепримиряющими и успокаивающими формулами. Къ смѣльчакамъ, которые придавали этимъ формуламъ только номинальное значеніе, адепты питали чуть-что не презрѣніе, какъ къ *материалистамъ* и *либераламъ*.

Къ числу самыхъ жаркихъ адептовъ принадлежалъ Бѣлинскій. Силою одного ума и чутья, онъ, совершенно незнакомый съ гегелизмомъ по источникамъ, такъ-сказать, пережилъ весь гегелизмъ внутри самого себя, изъ намековъ развилъ цѣлую систему и развивалъ ее діалектически съ послѣдовательностью, свойственною одному русскому человѣку.

Въ 1834—1836 годахъ ярый романтикъ, фанатическій поклонникъ тревожныхъ чувствъ, страстныхъ грезъ и разрушительныхъ стремленій юной французской словесности, онъ вдругъ въ 1838 г., въ зеленомъ „Наблюдателѣ“, является, по крайней мѣрѣ во вѣншихъ формахъ своимъ, совершенно инымъ человѣкомъ, предсказателемъ новаго ученія, обѣщающаго примиреніе и любовь, оправдывающаго вполнѣ дѣйствительность вообще, стало быть и нашу дѣйствительность...

Разумѣется, онъ на этомъ не могъ остановиться, потому что неспособенъ былъ жить призраками, а искалъ правды. Не могли

остановиться на такомъ пунктѣ и другіе, но отъ этого пункта можно было идти въ совершенно разныя стороны. Такъ оно и было. Аксаковъ (К. С.), котораго вступленіе къ его магистерской диссертациі о Ломоносовѣ представляетъ этотъ моментъ гегелизма, доведенный до самыхъ комическихъ крайностей, пошелъ совершенно въ другую сторону. Бѣлинскій же безтрепетно шелъ отъ крайностей къ крайностямъ, наивно забывая въ пользу послѣднихъ предшествовавшая, фанатически вѣруя въ послѣднія, какъ единственно-истинныя, готовый сегодня восторгаться дѣйствительностью *quand t'êtes*, завтра рвать на себѣ волосы за эти восторги, и послѣ завтра уже совершенно отдаваться новому и озлобленно преслѣдовать свои старыя заблужденія...

Но прежде чѣмъ слѣдить шагъ за шагомъ за его развитіемъ, нельзя не замѣтить того, что онъ всегда остается вѣрнымъ одному, именно, какъ уже я сказалъ прежде, — отрицанію и централизаціоннымъ началамъ.

Стоить только повнимательнѣе перечестъ два приведенныхъ мною мѣста о національности, чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться... Основная идея, проникающая эти мѣста, вовсе не національная жизнь (хоть ей и придаются эпитеты „глубокой, могучей, оригинальной“), а космополитизмъ. Наша національная жизнь явнымъ образомъ представляется здѣсь какою-то эклектическою. Бытіе ея признается только со временъ реформы, той реформы, которая устами Преобразователя говорила о родномъ языкѣ, что лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да негодный. За русскими, какъ за славянами, не признается ровно ничего, и въ кругъ міровой жизни они не вносятъ ничего своего, т.-е. славяпскаго: значеніе наше только въ многостороннемъ усвоеніи европейской жизни, въ нашихъ отрицательныхъ достоинствахъ, въ нашей способности усвоить чужое и отрицаться отъ своего... Это, однимъ словомъ, только оборотная сторона медали, только другая сторона того, о чемъ говорилъ Бѣлинскій въ 1836 году.

Логическія послѣдствія такого взгляда были: 1) уничтоженіе всего непосредственнаго, прирожденнаго, въ пользу выработаннаго духомъ, искусственнаго; 2) уничтоженіе всего мѣстнаго въ пользу общенаціональнаго, и по тому же принципу всего общенаціональнаго въ пользу общечеловѣческаго.

Изъ перваго общаго послѣдствія вытекали сами собою, съ постепенною нослѣдовательностью, предпочтеніе поэзіи искусственной

всякой поэзі народной, и въ особенности нашей народной поэзі, и, какъ крайняя грань логической мысли, знаменитое положеніе конца сороковыхъ годовъ, что „гвоздь, выкованный рукою человека, лучше самага лучшаго цвѣтка природы“. Изъ второго развивались послѣдовательно: централизаціонный взглядъ на нашу исторію, равнодушіе къ нашему славянизму во имя нашего европеизма, и даже какое-то презрѣніе къ славянскимъ стремленіямъ, насмѣшливое и враждебное отношеніе ко всякимъ мѣстно-народнымъ, преимущественно малороссійскимъ литературнымъ стремленіямъ, если только они обособливались...

Съ особенною ясностью развиваетъ Бѣлинскій свой космополитическій взглядъ въ 1841 году, въ статьѣ своей по поводу Котошихина.

„Записные наши историческіе критики“,—говоритъ онъ въ ней между прочимъ,—„заняты вопросомъ, откуда пошла Русь, отъ Балтійскаго или отъ Чернаго моря. Имъ какъ-будто и нужды нѣтъ, что рѣшеніе этого вопроса не дѣлаетъ ни ясныя, ни занимательныя баснословнаго періода нашей исторіи. *Норманны ли забалтійскіе, или татары запонтійскіе—все равно; ибо если первые не внесли въ русскую жизнь европейскаго элемента, плодотворнаго зерна всемірно-историческаго развитія, не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ языкъ, ни въ обычаи, ни въ общественномъ устройствѣ, то стоитъ ли хлопотать о томъ, что норманны или калмыки пришли князюти надъ словены? Если же это были татары, то развѣ намъ легче будетъ, если мы узнаемъ, что они пришли къ намъ изъ-за Урала, а не изъ-за Дона, и вступили въ словенскую землю правою, а не лѣвою ногою? Ломать голову надъ подобными вопросами, лишенными существенной важности, которая дается факту только мыслью, все равно, что пускаться въ хронологическія изысканія и писать цѣлыя томы о томъ, какого цвѣта были доспѣхи Святослава и на которой щекѣ была родинка у Игоря“.*

Не будь эта выходка внушена фанатизмомъ отрицанія, понятнаго исторически въ ту эпоху и необходимаго логически, она была бы цинизмомъ, достойнымъ Сеньковскаго... Не говорю уже о степени ея научно-исторической правды. Наше время доказало, насколько еще важны въ исторіи нашего быта вопросы, которые критикъ считалъ лишенными всякаго интереса, какъ мы постоянно возвращаемся къ этимъ вопросамъ, увлекаемые какой-то роковой необходимостью...

„А между тѣмъ“,—продолжаетъ Бѣлинскій,—„этотъ первый и безплодный (!!) періодъ нашей исторіи поглощаетъ, или по край-

ней мѣрѣ поглощаль, всю дѣятельность большей части нашихъ ученыхъ изслѣдователей, которые и знать не хотятъ того, что имена Рюриковъ, Олеговъ, Игорей, и *подобныхъ имъ героев*, наводятъ *скуку и грусть на мысллицу (!)* часть публики, и что *русская исторія начинается съ возвышенія Москвы и централизаціи около нея удѣльныхъ княжествъ, т.-е. съ Иоанна Калиты и Симеона Гордаго*. Все, что было до нихъ, должно составить коротенькій рассказъ на нѣсколькихъ страничкахъ, въ родѣ введенія, рассказъ съ выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: *лѣтописи говорятъ, но думать должно; вѣроятно; можетъ быть; могло быть, и т. д.* Подобное введеніе должно быть кратко, ибо что интереснаго въ подобномъ повѣствованіи о колыбельномъ существованіи хотя бы и великаго человѣка?.. И малые, и великіе люди въ колыбели равно малы; сиять, кричать, ѣдятъ, пьютъ. Даже и собственно *исторія московскаго царства есть только введеніе*, разумѣется несравненно важнѣе перваго,—введеніе въ исторію государства русскаго, *которое началось съ Петра*“ (Соч. Бѣл., т. IV, стр. 337).

Время совершило уже судъ свой надъ этимъ взглядомъ, и съ нимъ, какъ съ отжившимъ вполне, бороться нечего. Приводя выписки, представляющія заблужденія великаго человѣка, я привожу ихъ, какъ факты заблужденій цѣлой эпохи,—заблужденій, вытекавшихъ изъ ошибочнаго взгляда, но въ высшей степени послѣдовательныхъ и стало-быть вполне добросовѣстныхъ.

Въ недавнее время въ журналѣ „Свѣточъ“ явилась статья о Бѣлинскомъ, имѣющая цѣлью доказать, что Бѣлинскій не былъ въ сущности, въ послѣднюю эпоху его дѣятельности, ни заиманикомъ, ни славянофиломъ, и указывалъ на *русское* направленіе, на *русскую* самобытность. Статья, очень умная между прочимъ, не уяснила себѣ одного, что нельзя быть русскимъ, не бывши славяниномъ, что русское направленіе, разрывая связи съ славянизмомъ, разрываетъ связи съ своею сущностью и*переходитъ въ отрицательный космополитизмъ и въ апоѳеозу централизаціи. Что Бѣлинскій, по его пламенной и жизненной натурѣ, смѣло отрекся бы въ пятидесятыхъ годахъ отъ своихъ заблужденій, ирямѣе другихъ отнесся бы къ новому направленію, и съ такой же чистотою сталъ бы во главѣ его, съ какой стоялъ онъ во главѣ направленія отрицательнаго, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но нѣтъ ни малѣйшаго же сомнѣнія и въ томъ, что во всемъ, оставшемся намъ отъ него, онъ является отрицателемъ и централизаторомъ, врагомъ и гонителемъ народности, какъ славянской сущности, преслѣдователемъ всѣхъ мѣстныхъ проявленій народности...

Въ преслѣдованіи своемъ доходилъ онъ до жестокой послѣдовательности, до своего рода терроризма. Вотъ, что писалъ онъ, напримѣръ, по поводу книжки, изданной однимъ изъ безкорыстныхъ подвижниковъ славянскаго дѣла: „Денница ново-болгарскаго образованія“.

„Цѣль этой книжки познакомятъ русскихъ съ возникающимъ просвѣщеніемъ родственнаго намъ болгарскаго племени. Цѣль похвальная и исполненная отчасти недурно. Въ книжкѣ есть интересные факты. Просвѣщеніе болгаръ пока еще не отличается слишкомъ большимъ свѣтомъ; но другъ челоѣчества не можетъ не порадоваться и одному началу благого дѣла. *Въ этомъ случаетъ, вопросъ не о боларахъ и не о славянахъ, а о людяхъ.* Всѣ люди должны-быть братьями людямъ. Изъ-за большихъ не слѣдуетъ не любить меньшихъ. *Если эти меньшіе уже слишкомъ малы, такъ-что едва лепечутъ кое-что, можно ихъ не слушать:* но зачѣмъ же не порадоваться, что они начинаютъ лепетать и тѣмъ даютъ надежду, *что, можетъ-быть, будутъ когда-нибудь и говорить?* Вотъ, напримѣръ, стихи—дѣло другое; если они плохи, имъ нечего радоваться. Если же они внушены какимъ-нибудь благороднымъ чувствомъ, какъ, напримѣръ, признательностью, — воздадимъ должную похвалу чувству, а стихи все-таки назовемъ дурными. Одно другому не мѣшаетъ. Намъ рѣшительно не нравится „Рыданіе на смерть Ю. Н. Венелина“. Вотъ для примѣра отрывокъ.

„Плачьте, рыдайте
Вси бѣлгарски чада
Изгубихме вѣчно,
Юрѣя Венелина.

Нашъ премудрый братъ!
Но на вѣчный споменъ,
Въ нашите сердцата,
Нѣготово име,
Ше бы безсмертно
Ако и умрель.....“

Впрочемъ, и то сказать, можетъ-быть эти стихи и хороши для людей, знакомыхъ съ болгарскимъ языкомъ и болгарскимъ вкусомъ въ поэзіи, — не споримъ! Учитесь, учитесь добрые, почтенные болгары! До того же времени постарайтесь внушить своимъ поклонникамъ и вообще всѣмъ славянофиламъ побольше въжливости и челоѣчности. Кто болѣе интересуется литературою Франціи, Германіи и Англій, нежели болгарскими букварями, на тѣхъ они смотрятъ, какъ на злодѣевъ и изверговъ, какъ испанцы смотрѣли на лютеранъ, которыхъ, въ своемъ невѣжественномъ фанатизмѣ, называли еретиками. Наши испанцы, т.-е. наши ревнители, хотѣ сейчасъ готовы были бы учредить инквизицію для истребленія

духа европолюбія и для распространенія духа азіемлюбія и обскурантизма, т.-е. мраколюбія. Одинъ изъ нихъ (мы забыли его неизвѣстное и темное въ литературѣ имя), недавно написалъ на насъ въ московскомъ журналѣ, и именно по поводу книжки г. Априлова, ужасную филиппику, обвиняя насъ въ равнодушій къ *ученымъ государствамъ, находящимся подъ владычествомъ Турціи, и въ любви къ нѣмецкимъ гелертамъ*. Прочитавъ это „предъявленіе“, мы воздали хвалу Богу, что живемъ въ XIX вѣкѣ, а то сгорѣть бы намъ на кострѣ. *Въ самомъ дѣлѣ, добрые болгары насъ уличили въ страшномъ преступленіи. Мы, видите, какъ-то сказали, что турки—народъ, образующій собою государство, а болгаре—только племя, не образующее собою никакого политическаго общества, и что въ этомъ-то и заключается причина турецкаго владычества надъ вами, какъ историческаго права, которое есть сила.* Досталось же за это и намъ, и нѣмецкимъ гелертамъ! Вспомнить страшно! Если у всѣхъ славянскихъ гелертовъ такой крутой нравъ и такая инквизиціонная манера раздѣльваться съ русскими литераторами, которые не хвалятъ ихъ сочиненій, то русскимъ литераторамъ прійдется также избѣгать всякаго съ ними столкновенія, *какъ вы избѣгаете его съ турецкими кадями...* Да! просвѣщайтесь, добрые болгары! дай Богъ вамъ успѣховъ! Даже пишите стихи, если не можете безъ нихъ обходиться; только Бога ради, *берегитесь защитниковъ, которые роняютъ васъ своимъ заступничествомъ и вредятъ вамъ больше турокъ!*“ (Соч. Бѣл. Т. VI, стр. 447 и слѣд.).

Судить собственно самого Бѣлинскаго за эту выходку нельзя. Злость ея вызвана была безтактностью защитниковъ славянскаго дѣла, и если я привелъ ее въ настоящемъ случаѣ, то вовсе ужъ конечно не изъ желанія глумиться надъ проиграннымъ дѣломъ отрицанія и централизаціи, а для того, чтобы показать до какой степени безпощадности можетъ простираться послѣдовательность принципа и фанатизмъ вѣры. Да, повторишь еще разъ невольно слова великаго поэта:

Keimt ein Glaube neu
Wird oft Lieb und Treu,
Wie ein böses Unkraut ausgerauft 1).

Не входя еще въ разбирательство частныхъ причинъ, вызвавшихъ со стороны Бѣлинскаго иронически-раздраженную діатрибу, въ оправданіе ея жестокости припомню только читателямъ, что она относится къ 1843 году, ко времени, когда споръ двухъ ла-

1) См. выше примѣч. на стр. 6

герей совершенно еще не выяснился, когда противники положительно не понимали другъ друга...

„Славянство и народность“ значили для Бѣлинскаго вовсе не то, что значать они теперь для насъ. Онъ видѣлъ въ нихъ сторону мрака и застоя, видѣлъ въ нихъ препятствіе ходу гуманной цивилизаціи. Въ общей схемѣ его философско-историческаго міросозерцанія, народы и народности вообще играли переходную роль въ отношеніи къ отвлеченному идеалу человѣчества. Идеаль этотъ имѣлъ для него реальное значеніе... Не доходя еще до положенія о томъ, что „гвоздь, выкованный рукою человѣка, дороже и лучше самаго роскошнаго цвѣтка природы“, онъ уже приближался къ этому положенію, къ которому велъ его гегелизмъ лѣвой стороны, столь же несправедливый въ своихъ рѣзкихъ выводахъ, какъ гегелизмъ правой стороны въ своемъ формализмѣ... Принесеніе народнаго вообще въ жертву общечеловѣческому, и принесеніе всего непосредственнаго въ пользу благопріобрѣтеннаго, созданнаго духомъ, былъ только прямымъ результатомъ доктрины, совершенно отдѣлявшей духъ отъ природы.

Замѣчательно, что, подъ вліяніемъ увлеченія доктриною, Бѣлинскій постепенно все болѣе и болѣе терялъ всякое сочувствіе къ народной, непосредственной, безыскусственной поэзіи, не только къ нашей и славянской въ частности, но ко всякой вообще...

„Слава Богу“, — говоритъ онъ, разбирая въ 1844 году новогреческія народныя стихотворенія, — „теперь это бѣснованіе (собирать народныя пѣсни и переводить чужія!!!) уже прошло; *теперь имъ одержимы только люди недалекіе, которымъ суждено вѣчно повторять чужіе зады* и не замѣчать смѣны стараго новымъ. Никто не думаетъ теперь отвергать *относительнаго* достоинства народной поэзіи, но никто уже, кромѣ людей запоздалыхъ, *не думаетъ придавать ей важности, которой она не имѣетъ*. Всякій знаетъ теперь, что въ ней есть своя жизнь, свое одушевленіе, естественное, наивное и простодушное, но что все этимъ и оканчивается, ибо она *бѣдна мыслью, бѣдна содержаніемъ и художественностью*“. (Т. IX, стр. 102).

Такой взглядъ на поэзію народную вообще, хотя и въ высшей степени неправильный, но довольно еще спокойный, переходилъ у нашего критика въ совершенно враждебный и фанатически-непереносимый, какъ только дѣло касалось до нашей или до славянской народной поэзіи.

„Всѣ“,—говорить онъ (т. IV, стр. 158),—„согласились въ томъ, что въ народной рѣчи есть своя свѣжесть, энергія, живописность, и въ народныхъ пѣсняхъ и даже (?) сказкахъ своя жизнь и поэзія, и что не только не должно ихъ презирать, но еще и должно ихъ собирать, какъ живые факты исторіи языка, характера народа. Но вмѣстѣ съ этимъ, теперь никто уже не будетъ преувеличивать дѣла, и въ народной поэзіи видѣть что-нибудь *большее, кромѣ младенческаго лепета, илющаго свою относительную важность, свое относительное достоинство.* Но отсталые поборники блаженной памяти такъ-называемаго романтизма упорно остаются при своемъ. Они, такъ сказать, застряли въ поднятыхъ ими вопросахъ, и, не совладавъ съ ними, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вязнутъ въ нихъ, какъ мухи попавшіяся въ медъ. *Для нихъ „не бѣлы снѣжки“ едва ли не важнѣе любого лирическаго произведенія Пушкина, и сказка о „Емеля дурачкѣ“ едва ли не важнѣе „Каменнаго гостя“ Пушкина.*

IV.

Было-бы неумѣстно останавливаться на подробномъ анализѣ всѣхъ послѣдствій того принципа отрицанія и централизаціи, котораго поборникомъ былъ Бѣлинскій, и приводить всѣ его выходы противъ народности вообще, противъ нашей народности, противъ возможности мѣстной малороссійской литературы и поэзіи, противъ значенія Востока въ человѣчествѣ и т. д. Время совершило свой судъ надъ этой доктриной, опровергло ее и фактами (Шевченко), изслѣдованіями ученыхъ (Буслаевъ), общимъ, и все-мѣстно и постоянно распространяющимся сочувствіемъ къ народности. Заблужденія Бѣлинскаго имѣли въ сущности одинъ характеръ, проистекая изъ одного источника, именно изъ исключительно историческаго воззрѣнія.

На днѣ этого воззрѣнія лежитъ—въ какія бы формы воззрѣніе ни облекалось—идея отвлеченнаго человѣчества. Безотраднѣйшее изъ созерцаній, въ которомъ идеаль постоянно находится въ будущемъ (im Werden), въ которомъ всякая минута міровой жизни является переходной формою къ другой, столь же переходной формѣ,—бездонная пропасть, въ которую стремглавъ летитъ мысль безъ малѣйшей надежды за что-либо ухватиться, въ чемъ-либо найти точку опоры.

И такъ какъ человѣческой натурѣ, при стремленіи ея къ идеалу, врождено непремѣнное же стремленіе воображать себѣ идеаль въ какихъ-либо видимыхъ формахъ, то мысль невольно ста-

новится тутъ нелогичною, невольно останавливаетъ безгранично несущееся будущее на какой-либо минутѣ и говорить: „hic locus—hic saltus“¹⁾. Минута эта естественно уже есть послѣдняя, настоящая... Вотъ тутъ-то, при такой произвольной обстановкѣ, начинается ломка всего прошедшаго по законамъ произвольно взятой минуты; тутъ-то и совершается, напримѣръ, то удивительное по своей непослѣдовательности явленіе, что человѣкъ, провозгласившій законъ вѣчнаго развитія, останавливаетъ все развитіе на идеалахъ германскаго племени, какъ на крайнемъ предѣлѣ; тутъ-то и начинается деспотизмъ теоріи, доходящій до того, что все остальное человѣчество, не жившее по теоретическому идеалу, провозглашается чуть-чуть что не въ звѣриномъ состояніи. Душа человѣческая, всегда единая, всегда одинаково стремящаяся къ единому идеалу правды, красоты и любви, какъ-будто забывается; отвлеченный духъ человѣчества, съ постепенно расширяющимся сознаниемъ, поглощаетъ ее въ себя. Послѣднее слово этого отвлеченнаго бытія, яснѣйшая форма его сознанія есть готовая къ услугамъ теорія, хотя, по сущности воззрѣнія, если-бы только въ человѣческихъ силахъ было быть вѣрнымъ такому воззрѣнію, и это послѣднее воззрѣніе должно поглотиться позднѣйшимъ, какъ еще болѣе яснымъ, и т. д. до безконечности.

Неисчислимыя, мучительнѣйшія противорѣчія порождаются такимъ воззрѣніемъ.

Отправляясь отъ принципа стремленія къ безконечному, оно кончаетъ грубымъ матеріализмомъ; желая объяснить общественный организмъ, скрываетъ отъ себя самого и отъ другихъ точку его начала—бытіе человѣчества, пока оно не развѣтвилось на народы. И все это явнымъ образомъ происходитъ отъ того, что вмѣсто дѣйствительной точки опоры—души человѣческой, берется точка воображаемая, предполагается чѣмъ-то реальнымъ, а не номинальнымъ, отвлеченный „духъ человѣчества“; ему, этому духу, отправляются требы идольскія, приносятся жертвы веслыханныя, жертвы незаконныя, ибо онъ есть всегда кумиръ, поставляемый произвольно, всегда только теорія.

Посмотрите, съ какою логическою послѣдовательностью проводить этотъ взглядъ Бѣлинскій въ общихъ основахъ созерцанія

¹⁾ Латинская поговорка, читающаяся обыкновенно нѣсколько иначе: „hic Rhodos—hic salta“.

исторіи человѣчества, — и послѣдовательность общихъ основъ въ приложеніи къ нашему быту, къ нашей народности, перестанетъ уже изумлять васъ.

„Исторія, — говоритъ онъ, — есть фактическое жизненное развитіе общей (абсолютной) идеи въ формѣ политическихъ обществъ. Сущность исторіи составляетъ одно только разумно-необходимое, которое связано съ прошедшимъ, и въ настоящемъ заключаетъ свое будущее. *Содержаніе исторіи есть общее: судьбы человѣчества.* Какъ исторія народа не есть исторія миллионовъ отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ, *но только исторія нѣкотораго числа лицъ*, въ которыхъ выразились духъ и судьба народа, точно такъ же и человѣчество не есть собраніе народовъ всего земнаго міра, но только нѣсколькихъ народовъ, *выражающихъ собою идею человѣчества*“ (т. IV, стр. 336).

Перечтите у него тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ объ индійской поэзіи (въ разборѣ „Наля и Дамаянти“), о значеніи Востока (въ рецензіи перевода „Тысячи и одной ночи“), и взгляды его на славянскую народную поэзію и нашу русскую будутъ вамъ логически понятны.

Существенный порокъ исключительно историческаго воззрѣнія и такъ-называемой исторической критики, которой такимъ высокодаровитымъ и энергическимъ представителемъ былъ у насъ Бѣлинскій, заключается въ томъ, что она не имѣетъ критериума, вѣчнаго идеала, а, съ другой стороны, — по невозможности, обусловленной человѣческою природою, жить безъ критериума, безъ идеала, — создаетъ критериумъ произвольно, и этотъ условный, чисто-теоретическій критериумъ прилагаетъ къ жизни безпощадно.

Когда идеаль лежитъ въ душѣ человѣческой, признается за нѣчто вѣчное, неизмѣнное, всегда и во всѣ времена ей одинаково присущее — онъ не требуетъ никакой ломки фактовъ живой жизни; онъ ко всѣмъ равно приложимъ и всѣ равно судить. Но когда идеаль поставленъ произвольно, теоретически, тогда онъ непременно долженъ гнуть факты подъ своей уровень. Сегодняшнему кумиру приносится въ жертву все вчерашнее, тѣмъ болѣе все третьягоднее — и все предшествовавшее вообще представляется только ступенями къ нему... И, такъ какъ кто то, не помню, весьма справедливо замѣтилъ, что для говорящаго: „все вздоръ въ сравненіи съ вѣчностью“, самая вѣчность есть вздоръ, то очевидно, что на днѣ чисто-историческаго воззрѣнія лежитъ ин-

дифференцизмъ и фатализмъ, въ силу которыхъ ничто въ жизни, ни народы, ни лица не имѣютъ своего замкнутого, самоотвѣтственного бытія и являются только орудіями отвлеченной идеи, преходящими, призранными явленіями.

Единственный идеаль, мыслимый для подобнаго воззрѣнія, въ крайнихъ его результатахъ, есть однообразный уровень, централизація,—католическая ли, соціалистская ли, это въ сущности все равно—но централизація.

Говоря о томъ, что Бѣлинскій былъ энергическимъ представителемъ этого воззрѣнія, я говорю о его доктринѣ, которою онъ постепенно увлекался все болѣе и болѣе, до крайнихъ ея предѣловъ, а не о его личности, какъ художественнаго критика. Высокое художественное чутье, которое вмѣстѣ есть, можетъ быть, и высшая степень чувства гуманности, выручало его почти всегда и, составляя главную его силу, дѣлало его постоянно вождемъ жизни, а не служителемъ теоріи...

Вождемъ жизни онъ и былъ съ самаго начала своего поприща.

Въ 1834 году, въ „Телескопѣ“, пользовавшемся весьма небольшимъ матеріальнымъ успѣхомъ, но взамѣнъ того отличавшемся серьезностью взгляда и тона, впервые появилось съ особенною яркостью это великое имя, которому суждено было долго играть путеводную роль въ нашей литературѣ. Въ „Молвѣ“, еженедѣльномъ листкѣ, издававшемся при „Телескопѣ“, появлялись въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ статьи, подъ названіемъ „Литературныя мечтанія“. Эти статьи изумляли невольно (въ то время) своей безпощадной и вмѣстѣ наивной смѣлостью, жаромъ глубокаго и внутри души выросшаго убѣжденія, прямымъ и нецеремоннымъ поставленіемъ вопросовъ, наконецъ, той молодой силой великой энергіи, которая дорога даже и тогда, когда впадаетъ въ ошибки, дорога потому, что самыя ошибки ея происходятъ отъ серьезнаго и пламеннаго стремленія къ правдѣ и добру. „Мечтанія“ такъ и дышали вѣрою въ это стремленіе, и не щадя никакого кумиро-поклоненія, во имя идеаловъ разбивали всякіе авторитеты, не подходившіе подъ мѣрку идеаловъ. Всѣ заблужденія, промахи, неистовыя увлеченія Бѣлинскаго исчезали, сгорали въ его огненной рѣчи, въ огненномъ чувствѣ, въ возвышенномъ, яркомъ и истинно-поэтическомъ воззрѣніи на жизнь и искусство.

Это была притомъ такая эпоха, въ которую всѣ интересы жиз-

ни, т.-е. интересы высшіе, сосредоточивались и могли выражаться только въ искусствѣ и литературѣ. Литература была *все и одно* въ области духа. Литературныя симпатіи были вмѣстѣ и общественными и нравственными симпатіями, равно какъ и антипатіи. Не только нѣсколькихъ, но даже и *двухъ* воззрѣній на литературу быть тогда не могло. Новое, выступившее воззрѣніе литературное несло съ собой новую вѣру, поднимало рѣшительную борьбу.

„Литературныя мечтанія“ ни болѣе ни менѣе какъ ставили на очную ставку всю русскую литературу со временъ Петровской реформы; впервые серьезно и строго допрашивались у нея ея высшаго, т.-е. общественнаго, нравственнаго и художественнаго значенія—у нея, у этой литературы, въ которой невзыскательные современники и почтительные потомки насчитывали уже десятка съ два геніевъ, въ которой то и дѣло раздавались торжественные гимны не только Ломоносову и Державину, но даже Хераскову и чуть ли не Николеву, въ которой всякое критическое замѣчаніе насчетъ Карамзина считалось святотатствомъ. Геніальность Пушкина надобно было еще отстаивать, а поэзію первыхъ Гоголевскихъ созданій почувствовали еще весьма немногіе, и изъ этихъ немногихъ, во-первыхъ, Пушкинъ, а во-вторыхъ—авторъ „Литературныхъ мечтаній“.

Между тѣмъ, умственно-общественная ложь была очевидна. Хераскова уже положительно никто не читалъ, Державина читали немногіе, да и то не цѣликомъ; читалась серьезными людьми Исторія Карамзина, но уже давно не читались его повѣсти и разсужденія.

Сознавать эту ложь внутри души могли многіе, но сознательно почувствовать ее до того, чтобы сознательно и смѣло высказать всѣмъ, могъ только призванный человѣкъ, и такимъ-то именно человѣкомъ былъ Бѣлинскій.

Дѣло, начатое имъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“, было до того смѣло и ново, до того,—не смотря на то, что было, повидимому, только литературнымъ дѣломъ,—задѣвало существенные вопросы нашей жизни, что черезъ много лѣтъ потомъ, казалось еще болѣе чѣмъ смѣлымъ—дерзкимъ и разрушительнымъ—потомкамъ невзыскательныхъ дѣдовъ, что черезъ много лѣтъ потомъ вызывало юридическіе акты въ стихахъ, писанные ясно съ пѣною у рта, въ родѣ слѣдующихъ:

Нѣтъ—твой подвигъ не похваленъ,
Онъ Россіи не привѣтъ;
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ!
Кто ни честенъ, кто ни славенъ,
Ни радѣль странѣ родной—
Ломоносовъ и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой.
Ты всю Русь лишилъ дѣяпій.
До великаго Петра,
Обнаживъ бытотисаній
Чести, славы и добра.

Но, страннымъ образомъ, начало этого дѣла въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ не возбудило еще ожесточенныхъ криковъ, хоть Бѣлинскій, съ Литературныхъ же мечтаній, сталъ во главѣ сознательнаго или критическаго движенія.

До этихъ криковъ уже потомъ додразнилъ онъ своихъ противниковъ.

Огромный успѣхъ его столько же зависѣлъ отъ этихъ нелѣпныхъ криковъ, какъ отъ силы его таланта и энергіи убѣжденія. Оппозицію Бѣлинскому составляли или беззубые виршеплеты, или поборники мрака; тѣ и другіе одинаково вносили въ дѣло юридическій характеръ. До настоящей оппозиціи онъ не дожилъ. Литература¹ была за него, оправдывала его доктрины, по тому самому, что онъ ее угадывалъ, опредѣляя съ удивительною чуткостью ея стремленія, разясняя ее, какъ Гоголя и Лермонтова. Говоря о литературѣ нашей,—а она долго была, повторю я, единственнымъ средоточіемъ всѣхъ пашихъ высшихъ интересовъ,—постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ!—едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому. И данъ судьбою этотъ удѣлъ совершенно по праву.

Горячаго сочувствія стоилъ при жизни и стѣдить по смерти тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать всему благородному, прекрасному и великому. Безстрашный боецъ за правду, онъ не усумнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только созна-

¹) Отрывокъ изъ длиннаго стихотворенія М. А. Дмитриева: „Безыменному критику“, напечатаннаго въ „Москвитяинѣ“ въ 1842 году и пропикнутаго глубокой злобой противъ Бѣлинскаго, который прямо обвиняется въ томъ, что онъ распространяетъ въ русской литературѣ „духъ анархіи“.

валъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненіе взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей тотъ, кто не дорожить правдой. Кажется, онъ даже созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его прежнему взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала... Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ, и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто на перекоръ утвердившимся мнѣніямъ, все, что казалось ему ложнымъ и напыщеннымъ, заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ, не ошибался никогда. У него былъ ключъ къ *словамъ* его эпохи, и въ груди его жила могущественная и волканическая сила. Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. Вполнѣ сынъ своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его. Чѣмъ дольше боролся онъ съ новою правдою жизни или искусства, тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на поколѣніе, его окружавшее, его обращенія къ новой правдѣ. Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы высшее свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни.

Въ наше время онъ не былъ бы ни отрицателемъ, ни централизаторомъ, хотя подлежить сомнѣнію и то, что онъ былъ бы славянофиломъ. Славянофильство можетъ быть играло бы только роль кратковременнаго момента въ его развитіи — не болѣе.

IV.

Оппозиція застоя: черты изъ исторіи мракобѣсія.

Ты видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль.

Пушкинъ.

I.

Бываютъ въ литературѣ вещи, которыя совершенно ускользаютъ отъ вниманія современниковъ, но которыя для послѣдующихъ поколѣній представляютъ собою факты въ высшей степени замѣ-

чательные, озаряютъ цѣлыя направленія. Такихъ вещей не надобно искать промежду крупныхъ литературныхъ явленій, ибо въ такомъ случаѣ онѣ были бы замѣчены современниками; такія вещи пишутся обыкновенно безъ всякихъ притязаній на какое-либо значеніе, пишутся такъ, вполне отъ души, вполне наивно. Въ нихъ мысль извѣстныхъ направленій является по-домашнему, на раснашку, какъ, можетъ-быть, и не хотѣли бы показать ее головы извѣстныхъ направленій, или по крайней-мѣрѣ, какъ не хотѣли бы они показать ее сначала. Въ такихъ проговоркахъ направленій—проговоркахъ по большей части неожиданныхъ и раннихъ, сказывается нѣчто роковое... Рада бы курочка не идти, да за хохолокъ тащуть.

Къ числу такихъ наивныхъ и въ историческомъ смыслѣ драгоценныхъ вещей принадлежитъ письмо благороднѣйшаго изъ смертныхъ, М. П. Загоскина, къ издателю первоначальнаго „Маяка“ (1840 года) Петру Александровичу Корсакову, — письмо, которое издатель, какъ самъ говоритъ въ примѣчаніи, номѣстилъ, скрѣпя сердце.

Въ своемъ родѣ, это наивное письмо Загоскина такъ же смѣло, какъ знаменитое письмо Чаадаева. Не надобно забывать только неизмѣримую разницу между авторами писемъ въ отношеніи къ умственному ихъ развитію, равно какъ и того, что одинъ, Чаадаевъ, разсѣкъ, хорошо-ли, худо-ли, Гордіевъ узелъ лжи, а другой... другой только открылъ заткнутое до тѣхъ норъ отверстіе, изъ котораго полилась всякая нечистота.

Вотъ это письмо. Я привожу его цѣликомъ, какъ очень немногимъ извѣстное и всѣми забытое, а между тѣмъ знаменательное по отношенію къ вопросу, составляющему предметъ моихъ изслѣдованій.

„Любезный другъ, Петръ Александровичъ! Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ и поблагодарить тебя за истинное удовольствіе, которое приносить мнѣ чтеніе твоего изданія, и вотъ наконецъ собрался, тогда какъ бы мнѣ вовсе писать не слѣдовало, потому что я, измученный ужасными спазмами, три дня уже ничего не ѣлъ и едва могу отъ слабости сидѣть на стулѣ; *но сердце мое не терпитъ тѣмъ* — я прочелъ или, лучше сказать, проглотилъ послѣднюю (IV) часть „Маяка“ — ретивое закипѣло, склянку съ микстурой за окно, неро въ руку и ишу“.

Прежде всего надобно замѣтить, что М. Н. Загоскинъ былъ именно одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ вполне искреннихъ и чистыхъ

людей, у которыхъ „сердце не терпитъ нѣмоты“. Стоитъ только прочесть очеркъ его личности, художнически набросанный С. Т. Аксаковымъ въ біографіи Загоскина и въ разныхъ мѣстахъ „Воспоминаній“, чтобы въ этомъ убѣдились всѣ читатели, не знавшіе Загоскина, какъ писателя и человѣка. Что Загоскинъ былъ точно боленъ и точно оживленъ чтеніемъ „Маяка“ до того, что склянки съ лѣкарствами полетѣли въ окно, и что онъ тотчасъ же схватилъ иеро, чтобы передать свои впечатлѣнія, въ этомъ грѣхъ и сомнѣваться. Что же, спрашивается, подвигло и оживило такъ эту добрую, честную, искреннюю натуру, которая до старости воспламенялась легко, какъ сѣрная спичка? Что?... А вотъ послушайте:

„Боже мой! сколько въ этой части нрекрасныхъ вещей!— *что за логическая, свѣтлая и умная голова у твоего товарища Бурачка!*— сколько новыхъ, ясныхъ идей, сколько святыихъ истинъ!— Наконецъ, благодаря Бога, явилось у насъ изданіе книги, въ которой говорятъ прямо, что безъ религіи не можетъ быть и хорошей литературы...

„Когда я прочелъ между прочимъ въ разборѣ *Героя нашего времени* слѣдующія слова: „Какъ не жаль хорошее дарованіе посвящать такимъ гадкимъ нелѣпостямъ, изъ одной только увѣренности, что онѣ будутъ имѣть успѣхъ; дѣло давно извѣстное, чѣмъ всего скорѣе угодишь слабымъ людямъ; но дѣло ли художника пользоваться этой слабостью людей, *когда художникъ призванъ именно врачевать эту слабость*, а не развивать ее“,— то я такъ бы и бросился къ Бурачку на шею — да на бѣду шея-то его въ Петербургѣ, а мои руки въ Москвѣ — такъ прошу тебя, любезный другъ, исполнить это за меня par procuration. Однакожь, я не во всемъ согласенъ съ твоимъ сотоварищемъ, и въ двухъ случаяхъ вовсе его не понимаю — вотъ въ какихъ именно.

„Не понимаю, какъ могъ Бурачекъ, человѣкъ религіозный, логическій, человѣкъ, который такъ хорошо опредѣлилъ достоинство *Героя нашего времени* — какъ могъ назвать Марлинскаго *колоссомъ*? О Господи! да простится ему этотъ грѣхъ и въ сей и въ будущей жизни! Что такое былъ Марлинскій? Разсказчикъ съ талантомъ и воображеніемъ. Марлинскій, этотъ, по временамъ, самый рабскій подражатель неистовой французской школы — этотъ бонмотистъ, щеголяющій самыми нелѣпными сравненіями и островами, этотъ умникъ, который, живя на Кавказѣ, описывалъ нравы московскаго общества по Бальзаку, и вѣроятно лучше зналъ бытъ дербептскихъ татаръ, чѣмъ русскихъ мужичковъ; этотъ исковерканный, вычурный, осыпанный полинялыми французскими блестками Марлинскій, который говоритъ, что *улитка* разговора перешла на другой предметъ, и думаетъ, что сказалъ очень умно;

этотъ безусловный обожатель Запада и всѣхъ его мерзостей,— этотъ Марлинскій, который находятъ, что между дикимъ чеченцемъ и русскимъ дворяниномъ меньше разстоянія, чѣмъ между этимъ послѣднимъ и какимъ-нибудь французскимъ маркизомъ или англійскимъ лордомъ, какъ будто бы всѣ маркизы и лорды люди истинно просвѣщенные, а всѣ русскіе дворяне рѣшительно невежды,— Марлинскій, у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ подобныя нелѣпости разсыпаны тысячами; Марлинскій, который коверкалъ, увѣчилъ, ломалъ, терзалъ безъ всякой пощады русскій языкъ; Марлинскій, который изрѣдка говорилъ языкомъ человѣческимъ, и никогда не согрѣвалъ души читателя ни одной высокой религіозной мыслью; наконецъ, Марлинскій, въ которомъ я только потому и признаю истинный талантъ, что, не смотря на всѣ эти дряни, онъ читается съ удовольствіемъ — этотъ Марлинскій — колоссъ! Что же послѣ этого тотъ, кого Бурачекъ называетъ пигмеемъ? чтожъ онъ такое? инфузорій?“.

Я еще не останавливаюсь пока на частномъ предметѣ вражды и озлобленія покойнаго Загоскина, на Марлинскомъ, хотя одной этой вражды къ нему,— вражды честной и искренней со стороны такого честнаго и искренняго представителя застоя, какъ Загоскинъ,— достаточно для того, чтобы заставить всякаго серьезнаго мыслителя перевѣрить взглядъ Бѣлинскаго на дѣятельность А. А. Бестужева,— взглядъ, относящійся къ тому переходному моменту примиренія съ дѣйствительностью, на которомъ въ общихъ своихъ задачахъ не остановился долго нашъ великій критикъ, и который во многомъ сходится со взглядомъ Загоскина. Дѣло пока не въ Марлинскомъ. Загоскинъ ненавидитъ въ Марлинскомъ начало тревожное, начало движенія и порыва впередъ, ненавидитъ наивно, и ненавидитъ до того ослѣпленія, что обвиняетъ А. А. Бестужева, который былъ русскимъ человѣкомъ по крайней мѣрѣ не менѣе его, М. Н. Загоскина, „въ безусловномъ обожаніи Запада и всѣхъ его мерзостей“. Вотъ что важно какъ фактъ, и въ особенности важно то, что Загоскинъ упрекаетъ критика „Маяка“ въ *непослѣдовательности*, упрекаетъ съ точки зрѣнія застоя совершенно справедливо, до того справедливо, что Корсаковъ въ примѣчаніи принужденъ оправдывать Бурачка и головою выдать Загоскину Марлинскаго.

Человѣкъ простой и искренній, какъ Загоскинъ, наивнѣйшимъ образомъ влечетъ теоретиковъ въ роковой путь:

„Другой случай—продолжаетъ Загоскинъ—касается одного меня. Бурачекъ говорить, что *всѣхъ русскихъ романистовъ нельзя обви-*

нять въ религіозности. Въ этомъ общемъ числѣ, вѣроятно, нахожусь и азъ многогрѣшный. Я могу быть писателемъ бездарнымъ, невѣждою—всѣмъ, что ему угодно; но чтобъ въ романахъ и повѣстяхъ моихъ не проявлялись идеи религіозныя, нѣтъ! воля его, въ этомъ я никакъ не могу согласиться. Я не сомнѣваюсь, убѣжденъ, вѣрую, что мой первый романъ обязанъ своимъ успѣхомъ именно религіозному чувству, которымъ онъ согрѣтъ. Если Бурачекъ, прочтя первый томъ „Аскольдовой могилы“, не замѣтилъ въ этомъ романѣ рѣшительно-религіознаго направленія, то или ему не угодно было вовсе обратить на это своего вниманія, или наши понятія о религіозности не имѣютъ ничего общаго.

Не самолюбіе оскорбленнаго автора—нѣтъ! это можно сказать положи руку на сердце—внушило Загоскину эти строки, а оскорбленное убѣжденіе человѣка, честно и горячо служившаго убѣжденію. И вотъ онъ во имя этого горячаго убѣжденія тянетъ тѣхъ, которыхъ признаетъ своими собратіями, какъ говорится „на расправу“. Отступать нельзя. Корсаковъ въ примѣчаніяхъ извиняется передъ романистомъ и прямо говоритъ: „Guilty! вотъ и все оправданіе! Я и товарищъ совершенно согласны во всемъ этомъ...“ Это даже трогательно, кромѣ всякихъ шутокъ.

Но, точно ли отступать передъ религіозностью М.Н. Загоскина и его романовъ было нельзя? Вотъ это другой вопросъ. Послѣдствія доказали, что можно, но только послѣдствія доказали это, и еще доказываютъ и можетъ быть долго еще будутъ доказывать, что между обскурантизмомъ и религіею свѣта, между застоємъ и ученіемъ любви—нѣтъ ничего общаго... Для всѣхъ этихъ послѣдствій нужны были и простая книга отца Паренія, поразившая своей простотою мудрыхъ и разумныхъ и жадно прочтенная толпою, и глубокое мышленіе И. Кирѣевскаго, и блестящіе, оригинально-смѣлые и широкіе взгляды Хомякова, и полное вѣры, любви и жизни слово архимандрита Θεодора, и, позволю себѣ сказать, чисто земныя литературныя явленія,—явленія натурализма, на который всего болѣе нападали слѣпые поборники застоя. Посмотрите, какъ поблѣднѣлъ юродивый Митя „Юрія Милославскаго“ передъ одной главой въ „Дѣтствѣ“ Толстого, гдѣ съ такой правдой и любовью изобразено лицо юродиваго, такъ что вы въ этомъ простомъ художническомъ изображеніи не заподозрите не то что тѣни фальши, но даже какой-либо сентиментально-субъективной примѣси. Сравните смерть идеальнаго добродѣтельнаго человѣка въ романѣ „Рославлевъ“ съ смертями севастопольцевъ у Толстого

же, или сцену дѣйствительно тешую, но фальшивую по примѣси субъективнаго и сентиментальнаго,—сцену смерти боярина Кручины-Шалонскаго въ „Юрѣ“... ну, хоть со сценою смерти простаго благочестиваго мѣщанина въ очеркахъ г. Зарубина, печатающихся въ „Библиотекѣ для Чтенія“ подъ названіемъ: „Жизнь“,—очеркахъ замѣчательныхъ въ высшей степени, какъ свидѣтельство громадныхъ шаговъ натурализма въ наше время... Сравните все это между собою,—сравните наконецъ противно-сентиментальное добродушіе Загоскинскихъ лицъ съ типами Островскаго, въ родѣ „Агаѳона“, и для васъ будетъ ясно, что передъ „религіозностью“ Загоскинскихъ романовъ отступить было можно безъ оправданій и извиненій, во имя правды и жизни.

По теоріи—слѣпая и узкая, какъ всякая теорія—отступить не могла, и повлеклась къ крайностямъ роковымъ процессомъ.

„Я полагаю“—продолжаетъ нещадно-ислѣдовательно наивный талантливый человѣкъ застоя—„что религіозность въ романѣ состоитъ въ томъ, *чтобъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминать читателю*, что земная жизнь есть не цѣль, а только средство къ достиженію цѣли; что безъ христіанской религіи нѣтъ истиннаго просвѣщенія, *что мудрованье западныхъ философовъ есть только мѣть звенящая и кимвалъ звяцающій*, и что наконецъ одна только вѣра во Христа даетъ человѣку возможность быть истинно добродѣтельнымъ; все это—видитъ Богъ—можетъ быть очень дурно, но я стараюсь выполнять во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ“...

Что за удивительная смѣсь—невольна перерву я выписку—высшихъ, несомнѣнныхъ истинъ, съ узкими, чисто-личными враждами противъ философіи, съ чисто-личными стремленіями заставлять искусство *напоминать*, указкой указывать. Невольно повторишь слова, сказанныя отцомъ архимандритомъ Феодоромъ въ его борьбѣ съ г. Аскоченскимъ: всѣ обскуранты, кажется, думаютъ, что для Бога разумъ человѣческой такъ же мало дорогъ, какъ для нихъ!

„Правда“—говоритъ далѣе Загоскинъ—„съ нѣкотораго времени я поослабѣлъ, потому что усталъ воевать одинъ противъ нашихъ *скептиковъ, европейцевъ, либераловъ, ненавистниковъ Россіи*, всѣхъ апологистовъ неистовыхъ страстей и поэтовъ сладострастья, т.-е. *защитниковъ земной жизни и всѣхъ ея плотскихъ наслажденій*. Но когда сталъ выходить вашъ „Маякъ“, и я познакомился съ Бурачкомъ, то сердце мое снова ободрилось; я сказалъ: слава Богу! теперь я не одинъ—насъ двое! теперь есть у меня сослуживецъ на этомъ ратномъ полѣ—да еще какой? чудо-богатырь!

Не тутъ-то было. Бурачекъ не хочетъ меня признать и товарищемъ. Жаль!—Нашъ полкъ не великъ, а ихъ—избави Господи!!“

Удивительно виденъ въ этомъ мѣстѣ Загоскинъ,—виденъ и для тѣхъ, вѣроятно, которые не знали его, не читали даже его сочиненій, а читали Аксаковскія „Воспоминанія“,—добродушный, наивный, недалекій—кидающийся на шею и—таковъ фанатизмъ теоріи—чуть-что не инквизиторъ въ своихъ умственныхъ враждахъ. Да иначе и нельзя. Теорія требуетъ жертвъ, какъ древніе идолы. „Домашняя Бесѣда“ обнаружила же въ прошломъ году интимную переписку Загоскина, переписку, изъ которой видно, что мрачное изувѣрство и ему самому грозило огненными сковородами за сомнѣніе въ огненныхъ сковородахъ... Благодушный старый ребенокъ играетъ съ огнемъ, а все-таки остается старымъ ребенкомъ. Такъ съ нимъ и обращаются *мудрые* друзья его: „Guilty! Guilty!“ повторяетъ въ выноскѣ П. А. Корсаковъ. „Безъ вины виноваты! Заставьте за себя вѣчно Бога молить!“ А тѣмъ же менѣе онъ, какъ роковая сила, влечетъ и долженъ влечь своихъ мудрыхъ друзей къ тѣмъ крайнимъ предѣламъ, гдѣ всѣ разсужденія становятся уже только амплификаціею немногословной, но глубокой содержаніемъ думы Павла Аванасьевича Фамусова:

Коли ужъ зло пресѣчь,
Собрать бы книги всѣ да сжечь!

Вотъ онъ обращается къ самому г. Бурачку, съ слѣдующею *рѣшительною* рѣчью:

„Теперь я обращаюсь прямо къ вамъ, неумолимый мой судья; я думаю Корсаковъ исполнилъ уже мое препорученіе—мы съ вами обнимались—слѣдовательно можемъ говорить откровенно, какъ старинные пріятели. Г. Бурачекъ!—(имя и отечества вашего не имѣю честь знать) я прочелъ съ восторгомъ вашъ разборъ духовныхъ сочиненій, съ наслажденіемъ почти всѣ статьи о словесности; но когда дочитался до колосса Марлинскаго и заглянулъ потомъ въ статью о философіи, *то меня такъ холодомъ и обдало!*—*ахъ, батюшки! подумалъ я—ужь не хочетъ ли онъ служить двумъ господамъ?—избави Господи!*“ Что это, почтенный Бурачекъ, вы такъ уважаете философію, разумѣется, я говорю о философіи, которая ведетъ, или лучше сказать старается вести насъ къ познанію истины и къ необходимости нашего перерожденія, другой я не признаю. Эта философія для плохого христіанина наука сбивчивая, шаткая и рѣшптельно неудовлетворительная, потому что душа его чувствуетъ, что онъ ищетъ истину не тамъ, гдѣ долженъ

искать ее, и что божественная истина недоступна для земного нашего разума, и постигается одною только вѣрою. Для истиннаго христіанина философія (не прогнѣвайтесь!)—одно пустословіе, потому что важнѣйшіе ея вопросы для него давно уже рѣшены. Не истинный тотъ христіанинъ, который станетъ искать доказательствъ безсмертія души въ Платоновомъ Федонѣ; не истинный тотъ христіанинъ, который станетъ благоговѣть передъ наукою, въ которой дѣлаются слѣдующіе вопросы (извините): „Не самобытенъ ли видимый міръ? Конеченъ ли онъ, или у него не было начала и не будетъ конца?“ Не правда ли, что эти вопросы и рѣшенія ихъ должны показаться христіанину не только пустословіемъ, но даже богохульствомъ? Осмѣлится ли онъ иовѣрять своимъ ничтожнымъ земнымъ умомъ истины изрѣченныя самимъ Богомъ? Да и что прибыли ему поучаться философіи, чтобъ узнать, что онъ долженъ вѣрить тому, чему давно уже, безъ всякихъ доказательствъ, вѣрять? Воля ваша, какъ бы мнѣ ни стали умно доказывать, что я, т.-е. М. Н. Загоскинъ—точно М. Н. Загоскинъ, *а все-таки бы я сказалъ, что это пустословіе.* Къ чему же ведетъ эта наука того, кто вѣруеть? Ровно ни къ чему; а неужели вы скажете, что вѣруеть только тотъ, кто учился философіи? Г. Бурачекъ! вы называете почти всѣхъ насъ язычниками,—что, къ несчастію, довольно справедливо,—смотрите, не сдѣлайтесь сами язычникомъ, не вздумайте сами вмѣсто Бога поклоняться философіи, т.-е. вашему земному разуму. Древніе ему и поклонялись—это очень естественно—философія была откровеніемъ эллинскихъ мудрецовъ, а мы по милости Божіей христіане, т.-е. знаемъ все то, что можемъ и должны знать, не изучая ни Гегеля, ни Фихте, ни Канта, ни Окэна, *ни всѣхъ этихъ эллино-христіанскихъ болтуновъ,* о мудрости которыхъ, кажется, не съ большою похвалою отзывается апостоль Павелъ. Теперь, извольте, Бурачекъ, пожать у васъ на прощанье руку—только сдѣлайте милость, не будьте деспотомъ, не гнѣвайтесь на меня за то, что я думаю не по-вашему, а по моему“...

Павелъ Аонасьевичъ Фамусовъ является въ этихъ тирадахъ одѣтымъ пожалуй нѣсколько по модѣ уже; онъ и о Кантѣ и объ Фихте слышалъ, до него объ Окэнѣ какъ-то долетѣли слухи; а все же онъ Павелъ Аонасьевичъ Фамусовъ, милый, достолюбезный врагъ всякаго духа изслѣдованія

Обычай мой такой—

Подписано, такъ съ плечъ долой!

гонитель плоти, „грѣшнымъ дѣломъ“ балующійся однако, если не съ Лизою, то сценами сентиментально добродѣтельной любви, добрѣйшій Павелъ Аонасьевичъ, который

всякому, ты знаешь, радъ,

со всякимъ обнимается и т. д. Но кромѣ забавныхъ фамусовскихъ чертъ, въ тирадахъ есть черты мрачныя, по крайней мѣрѣ наводящія на мрачныя размышленія.

Теорія вообще ведетъ къ извѣстнаго рода терроризму своихъ адептовъ. Загоскинъ былъ наивный Камиллъ Демуленъ обскурантизма,—относительно строгаго и суроваго Робеспьера этого дѣла. Но на этого Камилла Демулена былъ своего рода Марать, тотъ господинъ, съ которымъ интимную корреспонденцію его обнаружила „Домашняя Бесѣда“, этотъ истинный гебертизмъ мракобѣсія. Въ обскурантизмѣ были и свои constituents, и свои жирондисты...

На смѣлыя наивности Камилла Демулена, г. Бурачекъ отвѣчалъ, какъ наставникъ, нѣкоторою защитою философіи, въ выноскѣ подъ письмомъ; но въ сущности, наивное письмо бросило „Маякъ“ въ роковой процессъ. Конечнымъ словомъ этого процесса—была вражда со всякимъ духомъ изслѣдованія. Чего не досказалъ „Маякъ“, то въ наши дни по торжищамъ и стогнамъ голосить „Домашняя Бесѣда“, послѣдовательнѣйшее развитіе мрачной теоріи, которой зерно лежало однако въ „Маякѣ“ съ самаго начала этого изданія, которой плевели заглушали все доброе и передовое, что было въ „Москвитянинѣ“ до 1850 года, и примѣшивались по временамъ даже къ преобразованному „Москвитянину“ пятидесятихъ годовъ, съ которою невольное соприкосновеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ парализировало силы благороднаго славянофильскаго направленія, то заставляя другихъ ложно смотрѣть на него, то вторгаясь иногда страннымъ образомъ въ самое это направленіе. Теорія мрака и застоя, съ которою борьба стала вполне возможна только въ наши дни на ея же полѣ,—теорія, которой пасть суждено только въ тяжелой борьбѣ, подъ ударами могущественной діалектики автора книги: „Православіе и современность“ и догматической учености „Православнаго Обзорнія“...¹⁾

Теорія, разумѣется, начала свое дѣло не съ тѣхъ крайнихъ положеній, которыя такъ добросердечно высказалъ наивный Загоскинъ въ своемъ письмѣ, появившемся въ VI части перваго (1840) года „Маяка современнаго просвѣщенія и образованности“. Край-

¹⁾ „Православное Обзорніе“—богословско-философскій журналъ, издававшийся съ 1860 года въ Москвѣ, подъ редакціей А. М. Иванцова—Платонова; въ немъ принимали участіе А. С. Хомяковъ, Ю. О. Самаринъ, П. С. Аксаковъ и мн. др. выдающіеся писатели, духовные и свѣтскіе.

нія положенія, конечно, заключались уже, и притомъ заключались сознательно, въ идеяхъ издателей журнала, по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, но еще не высказывались съ такою ясностью и простотою.

Что такое былъ „Маякъ?“ Для многихъ изъ читателей, этотъ журналъ—какой-то далекій миѳъ, и для всѣхъ, это можно сказать утвердительно, онъ представляется чѣмъ-то въ родѣ „Домашней Бесѣды“ въ большихъ размѣрахъ. Между тѣмъ такое понятіе не совсѣмъ вѣрно. Между „Маякомъ“ и „Домашней Бесѣдой“ такая же бездна, какъ—опять прибѣгаю къ сравненію—между теоріями Максимилиана Робеспьера и гебертизмомъ. „Маякъ“ въ наше время вѣроятно такъ же бы отвернулся отъ ципизма убогой газетки, какъ нѣкогда арасскій депутатъ и его партія отъ листковъ *Père Duchesne*'я, который былъ почти всегда en colère.

„Маякъ“ для насъ уже теперь — исторія. Мы можемъ подойти къ нему, какъ ко всякому явленію, безъ страха и вражды. „Маякъ“ былъ ни болѣе ни менѣе, какъ прямой наслѣдникъ направленія Шишкова, съ одной стороны, и продолжатель направленія Лабзинскаго „Сіонскаго Вѣстника“ — съ другой. Стало быть, онъ слагался изъ двухъ элементовъ, которые можно назвать: одинъ—мистицизмомъ, другой—петербургскимъ націонализмомъ.

Мистицизмъ можно оставить въ сторонѣ; во-первыхъ, потому, что онъ дѣло до сихъ поръ загадочное, породившее и Вейсгаупта съ его иллюминатствомъ, и Новикова съ его просвѣтительною дѣятельностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ множество совершенно противоположныхъ явленій; во-вторыхъ, потому, что собственно къ предмету моихъ разсужденій, къ вопросу объ отношеніяхъ нашего сознанія къ народности, эта струя не относится. Во всякомъ случаѣ, въ мистическихъ началахъ „Маяка“ есть своего рода блестящая сторона. Логичностью изложенія и извѣстнаго рода силою мышленія г. Бурачка могъ поразиться не одинъ М. Н. Загоскинъ. *Suum cuique*, пора это сказать во всеуслышаніе. Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о философскихъ принципахъ, г. Бурачекъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы „Маяка“, является мыслителемъ логическимъ, діалектикомъ, выработавшимъ свой оригинальный методъ, съ которымъ можно спорить, но котораго нельзя было бы не уважать, если бы онъ самъ побольше уважалъ свои принципы, и не прилагалъ ихъ ко всякой дѣйствительности, за недостаткомъ лучшей,

если бы онъ своихъ личныхъ, старческихъ вкусовъ и антипатій не виосилъ въ борьбу за принципы.

Противъ взгляда чисто отрицательнаго должна была непремѣнно явиться реакція, долженъ былъ выступить взглядъ положительный...

Но взглядъ отрицательный былъ силенъ и тѣмъ, что отрицалъ дѣйствительную фальшь, и тѣмъ, что имѣлъ точки опоры въ литературѣ. Всю литературу, которая стояла имени литературы, которая была живая, онъ припималъ за точку отправления: все мертвое, выдуманное, сочиненное—онъ отвергалъ. Его точка отправления не расходилась съ общимъ сочувствіемъ. Въ этомъ, да въ очевидной фальши всего выдуманнаго, сочиненнаго, заключалась главнымъ образомъ его сила. Со всѣмъ живымъ онъ шелъ объ руку, разъясняя его, проповѣдуя, распространяя. Борьба за Пушкина, за Лермонтова, за Гоголя, была для него вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба за свѣтъ. Онъ вѣрилъ въ живыя силы жизни...

Но въ этихъ живыхъ силахъ отрицательный взглядъ видѣлъ не все, что онѣ въ себѣ заключали, что онѣ несли съ собою въ міръ, и потому разъяснял ихъ односторонне, по-своему. Онъ былъ также теорія, и не могъ быть инымъ...

Несогласные съ его выводами, а таковыхъ было и въ ту эпоху не мало, раздѣлились на два толка. Одни отвергли самую точку опоры отрицательнаго взгляда, отвергли живую литературу, и чѣмъ дальше шли, тѣмъ должны были отвергать беспощаднѣе. Чтобы держаться за что-нибудь дѣйствительное, они въ слѣпомъ усердіи защищали рядъ „выдуманныхъ“ сочиненій, сами „выдумывали, сочиняли“ новую литературу, и сочиненныя ими или ихъ послѣдователями пошлости въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи выдавали за истинную литературу, отстаивали жарко нелѣпости, и, разумѣется, остались совершенно одни. Это направленіе наслѣдовало потерянное дѣло Шишкова и замкнулось въ „Маякъ“.

Другіе, напротивъ, жарко вѣрили въ живую литературу, по крайней мѣрѣ въ Пушкина и въ Гоголя, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли долго перейти завѣтной черты, и хотѣли помирить сочувствіе къ живому съ сочувствіемъ къ отжившему во имя святости преданія. Въ мысли о значеніи преданія они были совершенно правы, но высокую мысль они приковывали къ такому выдуманному вздору, какъ почти вся наша литература XVIII и начала

XIX вѣка, и къ такимъ безобразнымъ остаткамъ этого выдуманнаго вздора, какъ творенія г. М. Дмитріева пли пѣснопѣнія г-жи Авдотьи Глинки. Правые въ борьбѣ за народность и преданіе съ отрицательнымъ взглядомъ, они были въ высшей степени неправы въ борьбѣ за фальшь, которой обличеніе считали чуть-ли не за *crimen lesae majestatis*. Это направленіе породило „Москвитянинъ“ первой эпохи, такъ много мѣшавшій „Москвитянинну“ пятидесятихъ годовъ, мѣшавшій и самому редактору въ его безспорно передовыхъ идеяхъ, и молодой редакціи въ ея юношескихъ, но честныхъ и пламенныхъ стремленіяхъ.

Ни то, ни другое направленіе не было славянофильство, хотя съ тѣмъ и съ другимъ славянофильство имѣло, повидимому, много общаго, до того, что въ глазахъ отрицателей сливалось то съ тѣмъ, то съ другимъ направленіемъ, до самой минуты своего отдѣленія. Сходство было только видимое. Славянофильство никогда не мирилось съ существующимъ, какъ направленіе „Маяка“, не прилагало своихъ строгихъ принциповъ къ первой попавшейся дѣйствительности; самые принципы захватывало несравненно шире, и притомъ выводилъ ихъ изъ мистическаго тумана въ философско-историческія области, какъ Кирѣевскій и Хомяковъ; честно во имя этихъ принциповъ отвергло всякую фальшь, порожденную реформою, и отвергло даже значеніе самой реформы. Идеаль свой оно отодвинуло въ прошедшее. Съ другой стороны, оно не могло слиться и съ направленіемъ, высказавшимся въ „Москвитянинѣ“. За направленіемъ „Москвитянина“, и первой, и второй его формы, можно зачислить одну заслугу. Оно никогда не было теоретическимъ, будучи часто хаотическимъ. Оно вѣрило въ живую жизнь, и несло по ея волнамъ, нерѣдко съ иломъ и тиною. Оно знало всегда народъ какъ народъ, не зная дѣленія его на до-Петровскій и послѣ-Петровскій, на степной и городской, и т. д. Славянофильство выдѣлилось изъ этихъ двухъ направленій, какъ совершенно особое явленіе, какъ сила болѣе отрицательная, чѣмъ положительная, и потому оно не войдетъ въ настоящее разсужденіе, имѣющее дѣло съ оппозиціею положительнаго взгляда.

Оппозицію эту я называлъ „оппозиціею застоя“, и попытку историческаго анализа ея—„чертами изъ исторіи мракобѣсія“. Она была дѣйствительно такою въ „Маякѣ“, потому что онъ и опирался на одну дѣйствительность застоя, и самъ сочинялъ новую, по такому же образцу, ослѣпленно враждуя со всѣми живыми

силами жизни, до того, что подь конецъ все живое провозгласилъ погибельнымъ, и, погибнувъ самъ, передалъ свое завѣщаніе гербертизму „Домашней Бесѣды“. Она являлась такою и въ „Москвитянинѣ“, потому что долго стремилась служить двумъ идеямъ, и, вѣруя въ живое, все пробовала, нельзя ли какъ-нибудь сберечь и драгоценную тину. Оппозиція положительнаго взгляда только тогда перестала быть оппозиціей застою, когда она оперлась на новыя силы жизни, сказавшіяся въ новой литературѣ, въ литературѣ натурализма. Тогда она стала оппозиціей законной, оппозиціей жизни теоріямъ, какъ западнымъ, такъ равно и славянофильскимъ.

II.

„Много добраго“—такъ говорили издатели „Маяка“ въ заключеніе VI книги перваго года своего изданія (1840)—„хотѣлось намъ сдѣлать для добрыхъ русскихъ изданіемъ „Маяка“. *Цѣль* его—ихъ польза и наслажденіе. *Содержаніе* его—обнимаетъ все, что только можетъ интересовать человѣка. *Исполненіе* „Маяка“—не поскучайте провѣрить теперь вмѣстѣ съ нами: что такъ—примите, что не такъ—помогите исправить. Мы уже столько сдѣлали, что можно довольно безошибочно обсудить и цѣль, и исполненіе; *и не такъ еще далеко мы зашли, чтобъ не было возможности поправить и передѣлать...*

Такъ говорилось въ той самой книжкѣ, въ которой печаталась статья Загоскина,—въ той самой книжкѣ, съ которой теорія повлеклась по роковому процессу къ своимъ крайностямъ. Въ заключительной статьѣ этой VI книжки въ сжатыхъ и точныхъ чертахъ повторялась нѣкоторымъ образомъ программа изданія,—программа, съ принципомъ которой можно было, пожалуй, спорить, но которая представляла собою, какъ основанная на извѣстной доктринѣ—изложеніе убѣжденій, могущихъ имѣть свое законное мѣсто въ человѣческомъ мышленіи.

„Мы начнемъ,—продолжаютъ издатели,—свой отчетъ подробнымъ изложеніемъ *содержанія* „Маяка“, которое, направляясь къ разнымъ исключительнымъ цѣлямъ, чрезъ нихъ же постоянно стремится въ тоже время къ одной преобладающей цѣли. Мы не боимся войти, гдѣ это нужно будетъ, въ нѣкоторыя подробности и доказательства: вы не бойтесь, и прочтите ихъ со вниманіемъ, для того, чтобъ имѣть потомъ полное право судить, и судить справедливо.

„1) На заглавномъ листѣ вы читаете: „Маякъ—собраніе трудовъ ученыхъ и литераторовъ, русскихъ и иностранныхъ.“ Цѣль не

мудрая, такихъ сборниковъ у насъ много. Всѣ журналы—хоть не такіе, но подобные же сборники. Какъ бы то ни было, все-таки эта первая цѣль достигнута; можетъ быть и не совсѣмъ дурно, по крайней мѣрѣ мы слышали, будто въ „Маякѣ“ есть вещи хорошія.

„2) Но собирать статьи можно просто, какъ случится, разставляя ихъ только по условленнымъ сортамъ, не заботясь много о томъ, къ чему онѣ ведутъ: были бы только сегодня интересны; или можно это собраніе подчинить особой системѣ, ведущей къ своего рода высшей цѣли. Это вторая главная цѣль, не только еще не достигнутая, но даже не вполне еще выясненная читателямъ „Маяка“—*есть просвѣщеніе и образованность.*“

Итакъ, главная цѣль „Маяка“ была, повидимому, въ высшей степени похвальная: просвѣщеніе и образованность... Но отчего же эту столь общую цѣль издатели какъ будто защищаютъ, защищаютъ свое изданіе отъ какихъ-то—какъ слышится въ тонѣ—нападений? Все дѣло въ томъ, что слова „просвѣщеніе и образованность“—понимаютъ они иначе, нежели понимали другія современные имъ направленія, выражавшіяся въ другихъ, современныхъ имъ журналахъ,—и особенность своего пониманія этихъ словъ они высказали въ общихъ чертахъ въ самой программѣ. Въ заключительной статьѣ VI книги особенность эта выражена прямо и ясно.

Вотъ что говорятъ издатели:

„Странно покажется, а дѣйствительно такъ: XIX вѣкъ столько превозносится своимъ просвѣщеніемъ и образованностью, а между тѣмъ во второй четверти XIX же вѣка, три четверти человѣковъ едва ли умѣютъ различать два слова:

„*Просвѣщеніе и—скука.*

Образованность и—мораль: та же скука. Для нихъ это синонимы: *вещи, о которыхъ бы они и слышать не хотѣли...*“

А! вотъ оно что. „Маякъ“ стало-быть предполагалъ и въ обществѣ и въ литературѣ—выражающей и потому самому руководящей общество—полнѣйшую разрозненность сознанія съ истиннымъ просвѣщеніемъ и съ моралью. Стало-быть и особенность его понятія о просвѣщеніи и образованности—есть особенность отрицательная. Значеніе его—въ оппозиціи *ложному* просвѣщенію и *безнравственности*, господствующимъ въ обществѣ и литературѣ, — во имя *истиннаго* просвѣщенія и *нравственности*.

„Хорошо“—такъ продолжается разъясненіе—если то, что я принимаю за просвѣщеніе, *точно просвѣщаетъ, а не мрачитъ.*

Хорошо, ежели то, что я называю образованностью—*дѣйствительно, изъ животнаго, какимъ я родился, преобразуетъ меня въ чловѣка*—въ существо богоподобное, высокое, способное счастливить и быть счастливымъ.

„Но если все это наоборотъ? *Тогда сколько усилій потерянныхъ, трудовъ напрасныхъ, а можетъ и—погибельныхъ!* Вопросъ о дѣйствительномъ просвѣщеніи и образованности становится вопросомъ высочайшей важности; и нѣтъ чловѣка, кто могъ бы сказать: „это до меня не касается“. А когда такъ, то и мы коснемся этого предмета поглубже.

„Какъ безъ солнечнаго свѣта все томится, сидитъ во тьмѣ, спотыкается, падаетъ, ледянѣетъ, мретъ, такъ, и въ милліонъ разъ болѣе такъ, душа—безъ *просвѣщенія!*“

„Просвѣщеніе и образованность могутъ быть истинныя и вздорныя, существенныя и поверхностныя, полезныя и вредныя. Мы относимъ просвѣщеніе къ *разуму*, образованность къ *сердцу*. Для разума необходимъ свѣтъ *истины*, для сердца—теплота *любви*“.

Все это—философскіе принципы, въ которыхъ много истины, въ которыхъ все, пожалуй, истина,—кромѣ одной, повидимому, совершенно второстепенной, не выдающейся на первый планъ мысли, мысли о „*потерянныхъ, напрасныхъ и можетъ быть—погибельныхъ трудахъ*“. Все остальное не новость, все остальное встрѣчаемъ мы въ мыслителяхъ, какъ Хомяковъ, Кирѣевскій, отецъ Θεодоръ (я напоминаю только о ближайшихъ къ намъ)—и видимъ, что оно не ведетъ ни къ отрицанію свободы общественной, ни къ отрицанію испытующаго духа въ философіи, а напротивъ, придаетъ только всѣмъ этимъ возвышеннымъ стремленіямъ силу, прочность, центръ. Но эти высокія основы, можетъ-быть, по сущности своей представляютъ собою такую высокую и острую крутизну, на которой въ желаемомъ равновѣсіи могли удержаться только глубочайшіе христіанскіе мудрецы первыхъ семи вѣковъ и весьма немногіе изъ современныхъ, наслѣдовавшіе отъ нихъ не букву, которая мертвитъ, а духъ, который животворитъ. Немногіе дошли до высоты воззрѣнія, потребной для простой и великой въ простотѣ своей мысли о. Θεодора, что для Христа чловѣчeskій разумъ вовсе не такъ ничтоженъ, какъ для нѣкоторыхъ поборниковъ застоя и насильственнаго единства, для нѣкоторыхъ духовныхъ централизаторовъ, которымъ всякіе пути, уклоняющіеся отъ буквы, представляются „*усиліями потерянными, трудами напрасными, а можетъ-быть и погибельными*“. Централизаторы, приверженцы буквы—странная иронія!—становятъ свой собственный

разумъ, т.-е. свое личное, скованное пониманіе буквы мѣриломъ путей великой и таинственно-неуслѣдимой силы, п,—не зная ни ея послѣдующихъ проявленій, ни ея конечныхъ цѣлей,—произносятся съ высоты присвоеннаго себѣ авторитета приговоръ всякимъ путямъ, кромѣ тѣхъ, которые условлены ихъ буквою... Вредъ, происходящій отъ такого произвольнаго, хотя вмѣстѣ и рабски-буквальнаго указанія путей, ужасенъ и въ области мышленія, и въ области искусства, и въ области жизни. Много ли, повторяю, найдется Хомяковыхъ, Кирѣевскихъ, отцовъ Феодоровъ? Мы были свидѣтелями страшнаго, трагическаго событія, которое было прямымъ результатомъ воздѣйствія страшной централизаторской теоріи на глубокою и впечатлительную, но неясную и тревожную натуру высокаго художника, Гоголя. Его сомнѣніе въ духовномъ значеніи его дѣятельности, его смерть... не страшный ли это урокъ—но не міру, который лишился въ немъ великаго органа любви и свѣта, а централизаторамъ, еслибъ они въ гордости своей были доступны какимъ-либо урокамъ? Въ высшей степени замѣчательно въ его несчастной „перепискѣ“ то письмо къ какому-то изувѣру-мраколюбцу, въ которомъ поэтъ отстаиваетъ значеніе арены, на которой посильно служилъ онъ правдѣ, красотѣ и любви—значеніе театра. Есть избранныя, необыкновенно ясныя души, которыхъ мракъ вовсе не касается, которымъ не можетъ представиться и самаго вопроса о ложности и погибельности стремленій человѣка къ иравдѣ, красотѣ и любви, если эти стремленія суть дѣйствительно стремленія. Такова была, на примѣръ, ясная и свѣтлая душа Жуковскаго, котораго самыя мистическія размышленія ни разу не доводили до сомнѣнія въ значеніи высшихъ стремленій человѣческихъ, который въ письмѣ своемъ къ Гоголю боится и колеблется произнести судъ даже надъ дѣятельностью германскаго поэта, радикально-противоположною его собственному жизненному и поэтическому воззрѣнію ¹⁾. Но Гоголь, именно потому, что былъ несравненно глубже Жуковскаго по натурѣ, несравненно способнѣе къ энтузіазму и фанатизму, рѣшительно испугался „погибельныхъ“ путей—испугался до того, что ни собственный его глубокій умъ, ни внушенія ав-

---

¹⁾ Въ письмѣ Жуковскаго къ Гоголю: „Слова поэта — дѣла поэта“, вызваппомъ „Перепиской съ друзьями“, содержится между прочимъ его отзывъ о Гейне, котораго онъ, впрочемъ, не называетъ по имени. *Примѣч. В. С.*

тора „Трехъ писемъ къ Гоголю“ не могли его усюкоить ¹⁾. Въ письмѣ, напримѣръ, къ мраколюбцу, онъ видимо мучительно борется съ страшнымъ для него взглядомъ, подозрѣвая въ то же самое время самого себя въ борьбѣ съ истиною. Тогда какъ дѣло рѣшалось очень просто. Мраколюбецъ вопіялъ на театръ по буквѣ, а не по духу великихъ мудрецовъ и учителей, во время которыхъ театръ уже утратилъ всякое серьезное значеніе, и которыхъ вражда была враждою серьезныхъ и глубоко смотрящихъ на жизнь мыслителей противъ дѣла, потерявшаго всякое живое значеніе и получившаго значеніе праздной и даже развратной нотѣхи властолюбія, сладострастія и иорока. Однимъ словомъ, это была борьба духа съ илотью, съ мертвою, отжившею и извращенною буквою, тогда какъ у нашихъ мраколюбцевъ стало это— борьбою мертвой буквы противъ живой жизни.

„Маякъ“ хотѣлъ противодѣйствовать *ложному* просвѣщенію и безнравственности; но то, во имя чего онъ противодѣйствовалъ, его собственныя просвѣщеніе и нравственность, были чисто его, чисто субъективныя, прикованныя къ мертвой буквѣ, понятія. Съ такого рода понятіями, онъ, чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ больше и больше расходился съ живою жизнью. Начавши довольно умѣренно, съ принциповъ, которые сами по себѣ совершенно истинны, онъ—еще до Загоскинскаго письма—въ приложеніяхъ принциповъ къ дѣлу обличился уже въ своей полной несостоятельности. Свое собственное старческое несочувствіе къ явленіямъ жизни онъ счелъ за проведеніе высокихъ идей...

Вотъ съ чѣмъ между прочимъ выступалъ онъ еще въ 1840 г., еще до письма Загоскина:

Въ книгѣ IV, обвинивши (стр. 185) литературу нашу вообще въ томъ, что ей недостаетъ философіи, религіозности, народности,—уничтоживши значеніе Жуковскаго, хотя по какой-то неослѣдовательности искупленное впрочемъ съ избыткомъ въ 1845 году, обвиненіями въ деизмъ,—сохранивши еще уваженіе къ старымъ писателямъ и къ Карамзину, критикъ доходитъ наконецъ до Пушкина:

„Что мнѣ будетъ“, говоритъ онъ („Маякъ“ 1840 г. ч. IV, стр. 188), если я не обинуясь скажу, что тотъ, кто призванъ былъ возсоздать русскую поэзію, именно тотъ *уронилъ ее, по крайней*

¹⁾ „Три письма къ Н. В. Гоголю, писанныя въ 1848 году“, изданныя анонимно въ 1861 г., принадлежатъ о. Феодору (Бухареву). *Примѣч. В. С.*

мѣръ десятилѣтія на четыре—это Пушкинъ. Съ огромнымъ призваніемъ быть оракуломъ человѣчества, онъ *удовольствовался славой ювелира*, оставилъ намъ нѣсколько томовъ *чудныхъ поэтическихъ игрушекъ* и почти ничего безсмертнаго. Пожалуста, не сердитесь! послушайте, я дѣло говорю.

„Первый стихъ его, могучій, умиый, звучный—возбудилъ общій восторгъ и удивленіе. Литературные старики на рукахъ его носили, молодежь гурьбой бѣжала за нимъ, осыпая знаками удивленія и восклицанія. *Писать стихи ему ничего не стоило*: это была живая фабрика чудныхъ стиховъ. *Слава готова—къ чему ученье и трудъ?* И Пушкинъ не воспользовался всѣми предоставленными ему средствами ученія и просвѣщенія—онъ самъ намекнулъ объ этомъ въ своемъ „портретѣ“. Духъ, вылившійся по духу его времени, когда господствовали библейскія общества и либерализмъ, *два противные, неразлучные элемента (!!!)*, увлекся въ молодости легкомысліемъ, свободой, разгуломъ пріятелей, молодежи, встрѣтилъ на пути преграды, плотны—вспѣнился, думалъ было волной перекатиться черезъ нихъ и разлился—*олицетворенной эпиграмой*. *Просто его захвалили до полусмерти*.

„*Не ищите у Пушкина философіи. Онъ не зналъ ея*. Природный умъ, или лучше остроуміе, способное направляться во всѣ стороны, никогда не замѣнитъ философіи. *Пушкинъ не всегда вѣрный слуга истинѣ*; поэтическихъ софизмовъ, парадоксовъ у него много. Все это скрыто подъ блескомъ и красотой стиха. Не ищите у Пушкина религіозности—его умѣли отгратить отъ нея. А безъ этихъ двухъ жизненныхъ элементовъ не можетъ-быть жизни и въ произведеніяхъ. Только въ послѣднихъ его произведеніяхъ мелькаетъ что-то похожее на религіозность, и поэтому-то нельзя довольно оплакать, что Пушкинъ *самъ не успѣлъ поправить того, что самъ же испортилъ въ молодости*.

„Что касается до народности, Пушкинъ былъ-бы поэтъ по превосходству русскій, если-бы по недостатку искусственнаго просвѣщенія разума, особливо образованія сердца и воли, развитія и оживленія чувства, *т.-е. по недостатку матеріаловъ, умственнаго капитала для творчества*, не смотря на значительный даръ творчества отъ природы,—былъ-бы, говорю, Пушкинъ великій поэтъ народный, если-бы по всему этому *не увлекся за Жуковскимъ* въ подражаніе иноземному, особливо Байрону, сходному съ нимъ по превратностямъ жизни, борьбѣ съ обществомъ, но который далеко превосходилъ Пушкина ученостью и знаніемъ тайнъ человѣческаго духа и сердца, *чего Пушкинъ, какъ не философъ, никогда не изучалъ*. Пушкинъ былъ пейзажистъ, Байронъ—историческій живописецъ. Что Пушкинъ видѣлъ, то мастерски схватывалъ и вѣрно и красиво писалъ, но онъ схватывалъ только внѣшнее въ человѣкѣ и обществѣ. Человѣческія фигуры на его пейзажахъ—вещь второстепенная. Не знаю, понятно ли я говорю: но больше разъяснить некогда.

„Пушкинъ, какъ и Байронъ, былъ *сухъ, колючъ*, блестящъ, могучъ: *животворной теплоты, любви—ни въ томъ, ни въ другомъ*. Оба они больше разрушали, чѣмъ созидали, больше отрицали, чѣмъ полагали. Удивительно-ли, что все преклонялось предъ ними, все увлекалось за ними?—подражатели разомъ поймали механизмъ Пушкинскаго стиха, манеру, скорбь и вопли его генія, не туда направленнаго: но этн вопли приняли за разочарованіе, тоску, безнадежность самого Пушкина,—за необходимую принадлежность всякаго великаго поэта. Кому бы не хотѣлось быть великимъ безъ великихъ дарованій и трудовъ?—и вотъ въ современной поэзи много стиховъ прекрасныхъ, *есть даже лучіше, чѣмъ у самого Пушкина, но нтъ въ нихъ философіи, ни религіозности, ни народности*, нѣтъ свѣта, тепла, жизни, нѣтъ поэзи; а только безжизненный, красивый стихотворный трупъ. — Надо ждать новаго Пушкипа. Между нынѣшними пѣвцами, почти ни одного нѣтъ; онъ еще зрѣеть... Пушкинъ! кто-бы ты ни былъ, сознающій уже въ себѣ его крылья, его могучесть—остановись! не читай своихъ стиховъ пріятелямъ, не показывай ихъ журналнстамъ. Не пиши теперь много, не исписывайся прежде времени; ты пока еще теиерь маленькій резервуаръ и скоро опорожнишься! родникомъ, кто только призванъ быть имъ, дѣлаются въ половинѣ жизни. Сохрани же дѣвственность и свѣжесть поэтическихъ силъ твоихъ! изучай слово и дѣломъ философію, религію, народность. Подчини свою волю строгой ферулѣ повиновенія. Спасай свое сердце отъ всего порочнаго. Разумъ свой просвѣщай истиной, чувство внушеніемъ красотъ природы, откровенія и искусства; но съ послѣднимъ будь остороженъ, не увлекайся ложными образцами: изучай, сравнивай всѣхъ, но никому не подражай“, и т. д.

Я не останавливаю читателей на поразительномъ сходствѣ упрековъ, дѣлаемыхъ „Маякомъ“ Пушкину,—сходствѣ, простирающемся до тождества самыхъ выраженій,—съ упреками, дѣлаемыми поэту въ наше время прогрессистами-теоретиками и обскурантами-теоретиками... Дѣло въ томъ, что какъ „Маякъ“ 1840 года, такъ и теоретики нашихъ дней равно приступаютъ къ жизни съ готовыми мѣрками,—и поневолѣ становятся къ ней и къ отраженію ея, литературѣ, въ отношеніе чисто-отрицательное.

Я нарочно беру теоріи „Маяка“ въ первую его эпоху,—въ ту эпоху, когда онъ еще не глядятъ съ одной стороны на одиннадцатую версту, какъ „Маякъ“ 1844 и 1845 годовъ, и не отвращаютъ еще отъ себя гебертизмомъ „Домашней Бесѣды“. Отъ приводимыхъ мною мѣстъ далеко еще до *удивительныхъ* статей о Пушкинѣ г. Мартынова, до обвиненія всѣхъ писателей нашихъ въ деизмъ и пантеизмъ, до сближенія литературы съ періодомъ

энциклопедистовъ. Но всѣ эти послѣдующія „прелести“, принадлежащія къ области одиннадцатой версты или „Домашней Бесѣды“, заключаются уже, какъ-бы въ зернѣ, въ первоначальныхъ критическихъ статьяхъ „Маяка“.

Что онѣ не заключаются, какъ въ зернѣ, въ тѣхъ принципахъ, которыхъ „Маякъ“ хвалился быть представителемъ, на это лучшимъ доказательствомъ будетъ развернуть любую изъ статей Хомякова, Кирѣевского или отца Θεодора...

Мракъ былъ послѣдствіемъ чисто-субъективной теоріи издателей, и примѣси ея къ принципамъ. Примѣсь эта тѣмъ была вреднѣе, чѣмъ серьезнѣе были принципы, ибо тѣмъ болѣе вводила въ искушеніе. Самое славянофильство, изъ уваженія къ принципамъ, не раздѣлилось явно, рѣзко съ „Маякомъ“, не только сначала, но даже и впослѣдствіи. Позволяя себѣ иногда отмѣтить фальшивый тонъ въ сочиненіяхъ г. Муравьева, оно какъ-будто не смѣло вступить въ открытую борьбу съ теоріями г. Бурачка, ибо, но странному ослѣпленію, считало такъ же, какъ „Маякъ“ и его адепты, своимъ родоначальникомъ Шишкова...

„Маякъ“ былъ чистымъ органомъ шишковизма или петербургскаго славянофильства. Отличительнымъ свойствомъ этого направленія было отрпцательное отношеніе къ всему современному,— стремленіе насильственно удержать старое,— однимъ словомъ не консерватизмъ, а чистый застой. Застой этотъ, старчески безсильный, призываетъ къ себѣ на помощь принципы весьма важные и существенные, но и самые принципы, профанируемые съ самаго начала приложеніемъ на защиту застойной тины, постепенно профанировались все болѣе и болѣе, и дошли наконецъ до гебертизма „Домашней Бесѣды“.

Да и не могло быть иначе. Вотъ какъ съ самаго же начала глядѣлъ „Маякъ“ на современность и ея органъ—литературу.

„Ежели“—говорить въ той же статьѣ критикъ,— „образцы поэзіи, съ одной стороны невѣрно направленные, а съ другой превратно, поверхностно понятыя и исключенныя, *прямо вели къ упадку нашу поэзію*, то теоріи, ученія, сужденіе о поэзіи, окончившіяся *отрицаніемъ всякихъ правилъ и законовъ*, окончательно довершили упадокъ всей литературы и довели ее *до нынѣшняго разжиженнаго состоянія*“ („Маякъ“ 1840 г. Т. IV, стр. 190).

„Маякъ“ предполагалъ литературу въ упадкѣ—и только-что на первый разъ приличія ради не жаловался съ адмираломъ Шиш-

ковымъ на то, что молокососы осмѣливаются судить о Херасковѣ— и серьезные, существенные принципы заставляя служить такимъ вздорнымъ преданіямъ, какъ Бургіева реторика, забвеніе которой считалъ отрицаніемъ „*всякихъ правилъ и законовъ*“, и какъ вся наша высокаторжественная литература XVIII вѣка, въ уклоненіи отъ которой онъ видѣлъ *нынѣшнее разжиженное состояніе* литературы. Великіе и серьезные принципы брались литературными Фамусовыми только на прокатъ, только на защиту дорогой имъ эпохи „выдуманныхъ“ сочиненій. „Маякъ“ съ самаго же начала вопіетъ на то, что „*цѣлю* всѣхъ изящныхъ произведеній поставили единственно *удовлетвореніе эстетическому вкусу*, не подчиняя ихъ никакимъ другимъ условіямъ...“ Подъ другими условіями разумѣлись, конечно, — извѣстныя, китайски опредѣленныя правственныя понятія. А какъ только какая-бы то ни было теорія, не только теорія застоя, но положительно какая бы то ни было, хотя бы теорія самаго крайняго прогресса, иачнетъ приступать къ жизни и ся органу — искусству, съ какими-либо *своими* требованіями, а не съ тѣми, которыя въ нихъ заключаются, т.-е. не съ эстетически-жизненными, — такъ она тотчасъ же станетъ къ знаменательнѣйшимъ явленіямъ искусства и жизни въ то отрицательное отношеніе, въ которомъ пуритане, напимѣръ, находились къ Шекспиру, а наши теоретики разныхъ сортовъ къ Пушкину, — всѣ отъ г. Бурачка до г. Дудышкина, отъ г. —бова до г. Аскоченскаго и г. Гымалэ¹⁾).

Теорія же застоя, разумѣется, не остановится, да и не можетъ остановиться, ни передъ какими безобразіями. Отъ признака эстетическихъ требованій „Маякъ“ ведетъ всѣ бѣдствія, постигшія несчастную російскую словесность.

„Отсюда“ — говоритъ критикъ (*ibidem*) — „всѣ пороки, рѣзни, оргіи, иреступничество, каторжники, цыгане, разбойники, ипраты, контрабандисты, жиды, шулеры, всѣ мерзости челоуѣчества поступили въ число матеріаловъ для изящныхъ произведеній. Всѣ наши литераторы поголовно *не изучали философіи научнымъ образомъ*²⁾, всесторонне, а припяли на слово этотъ и другіе гер-

¹⁾ Г.—ова—Н. А. Добролюбовъ; Гымалэ—псевдонимъ Ю. А. Волкова, сотрудника „Библиотеки для Чтенія“ и „СПб. Вѣдомостей“. *Примѣч. В. С.*

²⁾ Далась же эта несчастная философія (разумѣется по Баумойстеру, какъ реторика по Бургію)—и далась не только литературнымъ Фамусовымъ; а людямъ повыше. Попрекнулъ же недавно Бѣлинскаго незнаемъ философіи (тоже

манскіе эстетическіе законы изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, какъ символъ литературной вѣры, и *проявляи эти теоріи словомъ и дѣломъ, ученіемъ и образцами*“.

Какими образцами проявлялъ „Маякъ“ свои теоріи — открывался уже изъ этой же самой статьи. Образцами являются Булгаринъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, Гречъ въ своей „Черной женщинѣ“, Степановъ въ „Постояломъ дворѣ“, и въ особенности г. Башуцкій¹⁾—последній въ особенности, ибо нервы признаются образцами далеко несовершенными.

Итакъ, вотъ какими шаткими опорами долженъ былъ „Маякъ“ подкрѣплять свои теоріи въ дѣйствительности. Дѣйствительность же вся, кромѣ „Маяка“, эти опоры отвергала.

Къ тому, въ чемъ дѣйствительность видѣла руководящее выраженіе своихъ силъ, къ настоящей, не выдуманной литературѣ — „Маякъ“ сразу же сталъ въ отрицательное, укорительное и обличительное отношеніе. Въ особенности замѣчательно ясно высказался весь взглядъ „Маяка“, въ той же самой IV части, въ разборѣ *Героя нашего времени* Лермонтова, — разборѣ, замѣчательномъ и основными мыслями, и даже самыми формами, которыя глядятъ уже па одиннадцатую версту и приближаются къ достолюбезнымъ формамъ „Домашней Бесѣды“. Разборъ этотъ — позволяю себѣ привести съ большою подробностью.

Онъ начинается разговоромъ въ гостиной. Въ гостиной потому, что не ловко бы было по-старому, по простодушной манерѣ „Вѣстника Европы“ — нотчивать иублику разговоромъ между просвирной, дьячкомъ и корректоромъ типографіи. „Маякъ“ покоряется условіямъ времени.

„Вы читали, сударыня, „Героя“, — какъ вамъ кажется?

„Ахъ, неподобная вещь! по-русски ничего еще не было подобнаго... такъ это все живо, мило, ново... слогъ такой легкой! интересъ — такъ и заманиваетъ.

явно незнаемъ по Баумейстеру, — или по *Баумейстеру*) — человекъ во многомъ передовой, г. Погодинъ. Эти — упреки нѣчто въ родѣ застарѣлой болѣзни.

Примѣч. А. Григорьева.

¹⁾ *А. П. Башуцкій* (1801—76) — журналистъ и издатель, сотрудникъ „Сѣверной Пчелы“, „Библиотеки для Чтенія“, „Домашней Бесѣды“ и др. изданій. Ему принадлежитъ 2-хъ-томный романъ „Мѣщанинъ“ (1840 г.), не отличающійся особыми художественными достоинствами. Гораздо талантливѣе его былъ *А. П. Степановъ*, авторъ романа „Постоялый дворъ“ (1835 г.), представлявшаго для своего времени явленіе далеко не заурядное. Большую статью посвятилъ Степанову А. В. Дружининъ.

Примѣч. В. С.

„А вамъ, сударыня?

„Я не видала какъ прочла; и такъ жаль было, что скоро кончилось—зачѣмъ только двѣ, а не двадцать частей.

„А вамъ, сударыня?

„Читается... ну, прелесть! изъ рукъ не хочется выпустить. Вотъ если бы всѣ такъ писали по-русски, мы не стали бы читать ни одного романа французскаго,

„Ну, а вы, Ив. Пв., что скажете?

„А мнѣ кажется, что появленіе „Героя нашего времени“ и такой приѣмъ ему *всего разительнѣе доказываетъ упадокъ нашей литературы и вкуса читателей.*

„*Всъ (въ юность).* Ахъ! да какъ это можно?.. ахъ, кто этакъ варварски судить!.. ахъ! это просто зависть!.. ахъ! вотъ какъ убиваютъ таланты!.. ахъ! номилуйте, Иванъ Ивановичъ!

„Я. Mesdames, messieurs—чѣмъ такъ спорить, да шумѣть, не лучше-ли теперь же развинтить всю книгу, пересмотрѣть всѣ ея пружины, иодставки, винтики, части, обсудить и тогда...

„Онъ. Пересмотрѣть, обсудить... *настоящій мужчина!* кто рассуждаетъ, когда надо просто наслаждаться? „Герой“—истинное наслажденіе! душечка, какъ милъ! ужастъ, какъ милъ!

„Я. Какъ вамъ угодно, mesdames, я хоть для себя это сдѣлаю, пока вы наслаждаетесь...“ (Маякъ, ч. IV, стр. 210).

Вооружаться на дурной тонъ этого приступа—нечего. У Николая Надоумки въ „Вѣстникѣ Европы“ тонъ еще хуже—но у него промежду грубыхъ семинарскихъ выходокъ временами есть дѣло. Приступъ „Маяка“ я привожу вовсе не для глумленія надъ его иретензіями на свѣтскость. Изъ этого приступа видно, что „Маякъ“ понималъ, съ какимъ важнымъ для общества литературнымъ явленіемъ онъ имѣетъ дѣло, хотѣлъ сказать имъ, какъ отозвалось въ обществѣ созданіе Лермонтова, какъ оно возбуждало интересъ даже въ томъ, въ комъ ничто интереса не возбуждаетъ, кого Гоголь въ послѣдствіи не церемонясь называлъ „пустыми свѣтскими башками“.

„Я въ самой вещи развинтилъ „Героя“, иродолжаетъ послѣ *иривало* приступа критикъ, „и вотъ что нашель: внѣшнее истроеніе романа хорошо, слогъ хорошъ; содержаніе—*романтическое по превосходству*, т.-е. *ложное въ основаніи*; гармоніи между причинами, явленіями, слѣдствіями и цѣлью—ни малѣйшей, т.-е. *внутреннее построеніе романа никуда не годится*: идея ложная, направленіе кривое“.

Вотъ что называется истинная отдѣлка à la Собакевичъ!—Но слушайте далѣе:

„Оболочка свѣтскаго человѣка схвачена довольно хорошо, черты духа и сердца человѣческаго обезображены до нелѣпости. Весь романъ—эпиграмма, составленная изъ непрерывныхъ софизмовъ, такъ что философіи, религіозности, русской народности и слѣдовъ нѣтъ. Всего этого слишкомъ достаточно, чтобъ угодить вкусу героевъ нашего времени, но въ то же время, для человѣка здраво-мыслящаго, т.-е. для профана въ современномъ героизмѣ, слишкомъ неотраднo; отъ души жалѣешь, зачѣмъ Печоринъ, настоящій авторъ книги, такъ во зло употребилъ прекрасныя свои дарованія единственно изъ-за грошовой подачки—похвалы людей, зѣвающихъ отъ пустоты головной, душевной и сердечной. Жаль, что онъ умеръ, и на могилѣ поставилъ себѣ памятникъ „легкаго чтенія“, похожій на гробъ поваленный: снаружи красивъ, блеститъ мишурой, а внутри гниль и смрадъ.

„Кто же вскрываетъ гробы?

„Правда, не слѣдовало бы, но для медико-литературнаго слѣдствія это необходимо.

„Вотъ содержаніе гроба: герой нашего времени—за отличіе посланъ на Кавказъ, въ одну изъ заповоленныхъ крѣпостей. Онъ является коменданту крѣпости, штабсъ-капитану Максиму Максимовичу. Максимъ Максимычъ, герой прошлыхъ временъ, простой, добросердечный, чуть-чуть грамотный, слуга царю и людямъ на жизнь и смерть; нынче многіе Максимы Максимычи переродились въ „героевъ нашего времени“. Кой-гдѣ въ отставкѣ по хуторамъ, и на Кавказѣ по крѣпостямъ, уцѣлѣли ихъ отрывки. Здѣсь Максимъ Максимычъ весь цѣликомъ, живой, и былъ бы единственнымъ отраднымъ лицомъ во всей книгѣ, еслибъ живописецъ для большаго успѣха своего „героя“ не вздумалъ оттъннить добряка штабсъ-капитана отливомъ *d'un bon hotte*, смѣшного чудака. Таковы уже законы легкаго чтенія!—въ самомъ добромъ надо находить только смѣшное, иначе будетъ сухо и скучно. За то, какъ милъ и какъ великъ герой, стоя рядомъ съ Максимомъ Максимычемъ, который принялъ его въ свою пустыню какъ друга, ласкалъ какъ брата, ухаживалъ за нимъ какъ отецъ, а тотъ?.. тому все это было смѣшно, несносно... Только-что не надѣлялъ онъ Максима Максимыча, за любовь его, щелчками по носу... жаль, авторъ не воспользовался этимъ для полноты трескучихъ эффектовъ.

„Герой“—настоящій герой! въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; въ иззябнутъ и устанутъ, а ему ничего. А въ другой разъ, въ комнату—вътеръ пахнетъ: увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ—онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а на кабана ходилъ одинъ на одинъ“.

Затѣмъ критикъ въ насмѣшливомъ тонѣ рассказываетъ исторію похищенія Бэлы, охлажденія къ ней Печорина и ея смерти. Забѣчательно, что на слова Печорина: „глупецъ я или злодѣй, не

знаю“,—критикъ отвѣчаетъ такъ, совершенно уже во вкусѣ и въ тонѣ г. Аскоченскаго:

„А я, такъ знаю,—слѣдовало бы отвѣчать Максиму Максимычу,—ты и то, и другое: и глупъ какъ дерево, при всей остротѣ твоей, и золь, какъ голодный волкъ!—и если ты не хотѣлъ отдать за нее мимолетной прихоти, то жизни и подавно не отдашь! По авторъ не велѣлъ ему такъ отвѣчать, а герой знай себѣ мелеть героическій вздоръ на тотъ же ладъ, нѣсколько страницъ, и кончилъ—*скукою*“.

Въ такомъ же тонѣ продолжаетъ критикъ передавать и дальнѣйшее содержаніе романа. „Отдѣлавши“ первый рассказъ, онъ замѣчаетъ:

„*Итого*: воровство, грабежъ, пьянство (??), похищеніе и обольщеніе дѣвушки, два убійства, презрѣніе ко всему святому, одеревенѣлость, парадоксы, софизмы, звѣрство духовное и тѣлесное,—все это элементы перваго акта похищенія героя! Въ самомъ дѣлѣ—должно ужасъ какъ читаться! такъ легко, утѣшительно! И все такъ мило—совершенно во вкусѣ образованнаго общества, особливо нѣжнаго пола! И такъ натурально—живая натура!

„Этимъ я не хочу сказать, будто грѣшныя, грязныя и порочныя вещицы человѣческія надо вовсе исключить изъ числа матеріаловъ и колеровъ изящной словесности, и убаюкивать читателей однѣми добродѣтельными, свѣтлыми, высокими, чистыми, которыя такъ же рѣдки въ падшемъ человѣчествѣ,—нѣтъ, я хочу только, чтобъ всѣ колера картины человѣческаго сердца были съ подлиннымъ вѣрны, съ темной и съ свѣтлой стороны; чтобъ читателей не водили въ кабинетъ идеальныхъ чудовищъ, парочно подобранныхъ; чтобы картина грязной стороны къ чему-нибудь служила, а не вредила, т. е. (курсивомъ въ подлинникѣ) *чтобы авторъ не клеветалъ на цѣлое поколѣніе людей, выдавая чудовище, а не человѣка, представителемъ этого поколѣнія*“.

Здѣсь не мѣсто защищать Лермонтова отъ нелѣпныхъ обвиненій въ апопоеозѣ порока,—обвиненій, которыя самъ поэтъ какъ будто предвидѣлъ въ своемъ многодумномъ предисловіи ко второму изданію романа. Пойдемте дальше за критикомъ.

Разсказавши по-своему равнодушную встрѣчу Печорина съ Максимомъ Максимычемъ—онъ удивительнѣйшимъ образомъ передаетъ рассказъ „Тамань“. Передача эта—какъ будто похищена изъ неувядаемыхъ лавровъ г. Аскоченскаго. Слушайте:

„Второе похищеніе героя случилось въ Тамани. Городишка мерзкій, никто не пускалъ героя на квартиру:—Варвары, невѣжи!

не пускать къ себѣ героя нашихъ временъ! Толи дѣло образованный и просвѣщенный классъ! Не только всѣ будуары ему настежь:—живи п *сти* сколько хочешь,—но и сами *спятъ съ нимъ* сладко и пресладко! Едва нашлась въ Тамани честная семья, на краю города, на берегу моря: глухая старуха, слѣпой сынъ и хорошенькая дочка; то были контрабандисты, *герои, достойные героя нашихъ временъ*. Въ первую же ночь герой подмѣтилъ, что старушка не глуха, слѣпой не слѣпъ, и дочка *милая дѣвка*. Онъ какъ-то сталъ присматриваться на красотку, намекнулъ ей, что онъ замѣтилъ ихъ промыселъ. Дѣвушка-героиня и въ лицѣ не измѣнилась, прикинулась влюбленною, обняла, поцѣловала героя, назначила ночью свиданіе на берегу,—герой заткнулъ пистолетъ за поясъ и пошелъ. Дѣвушка ждала его, посадила въ лодку, оттолкнулась,—лодка поплыла; героиня обняла героя нѣжно-сладко: пистолетъ—бухъ въ воду. Герой смекнулъ дѣло. *Дѣвка—на героя*, такъ и тащить его въ воду. Герой борется, лодка накренилась. *Дѣвка—его, онъ—дѣвку*; кончилось тѣмъ, что, какъ слѣдуетъ, герой побѣдилъ героиню: сбросилъ ее въ воду, та скрылась въ волнахъ“.

Вы видите, что критикъ не брезгаетъ никакимъ тономъ для проведенія своего взгляда въ толпу—какъ и вообще теорія мрака блистательно доказываетъ и въ наши дни отсутствіе брезгливости въ лицѣ своихъ адептовъ гг. Аскоченскаго, Кулжинскаго, Баркова (не извѣстнаго переводчика академіи, а одного изъ сочинителей брошюръ о современныхъ идеяхъ, представляющаго такъ сказать *очистительную* индійскую аватару прежняго). Непониманіе иоэзиі разсказа „Тамань“ тутъ явно намѣренное. Столь же явно намѣренное и непониманіе психологическихъ задачъ поэта. Съ софизмами Печорина—критикъ спорить, придаетъ имъ нарочно значеніе *убѣжденій* времени и заключаетъ свои разсужденія такъ:

„Нельзя лучше придумать эпитафіи на могилы всѣхъ героевъ нашего времени! софизмъ на софизмъ, ложь на лжи, нелѣпость на нелѣпости—какъ сами они. Между тѣмъ здѣсь мотивъ всего романа: именно эта тема развита въ немъ въ лицахъ и словахъ. Психологическія несообразности на каждомъ шагу перенизаны мышленіемъ неистойвой словесности. Короче, эта книга—идеаль легкаго чтенія. Она должна имѣть огромный успѣхъ! Всѣ дѣйствующія лица, кромѣ Максима Максимыча съ его отливомъ *ridiculae* я—на подборъ удивительные герои; и, при оптическомъ разнообразіи, всѣ отлиты въ одну форму,—самого автора Печорина, генераль-героя, и замаскированы, кто въ юбку, кто въ шинель, а присмотритесь: всѣ на одно лицо, и все—*казарменные прапорщики, не перебѣсившіеся*. *Добрый пучекъ розогъ, и все рукой бы*

силло! Ну, да впрочемъ это все вымышленное самимъ Печоринымъ для „вѣщаго эффекта“: *въ натурѣ такіе безчувственные, безсовѣстные люди невозможны.* Ванька Каинъ, и тотъ бывало, зарѣжеть человѣка и мучится совѣстью; а у этихъ господъ совѣсти будто вовсе не бывало. Много есть эгонстовъ, негодаевъ, которые нередъ людьми кажутся, будто для нихъ нѣтъ ничего святого—*но въ душѣ, въ своемъ журналѣ, они совѣтъ другое чувствуютъ и пишутъ. А тутъ герой, точно доска: къ доскѣ прибита мыслительная машинка; машинка вертится по вѣтру, а внутри ничего не отдается—ни разумъ, ни чувство, ни совѣсть. Это психологически невозможно“...*

Положимъ, что и такъ—т.е. допустимъ, что критику фактъ, дѣйствительно страшный и уродливый, кажется психологическою невозможностью—да вѣдь именно поэтому-то онъ и долженъ былъ посерьезнѣе въ него взглядѣться. По дѣло въ томъ, что критикъ намѣренно принялъ его за психологическую невозможность, намѣренно искажаетъ его, гдѣ только можетъ.

Вѣдь критикъ „Маяка“ явнымъ образомъ—человѣкъ умный и по-своему проникательный, вѣдь онъ явнымъ образомъ нарочно, юродства ради, вдается въ тонъ гг. Баркова старшаго и Баркова младшаго. Вѣдь его воззрѣнія повторяются современемъ и въ волняхъ славянофильства, настоящаго московскаго славянофильства, противъ „гнилыхъ“ людей, и въ негодованіи г.—бова на Обломовцевъ, и въ жизненномъ взглядѣ такихъ абсолютныхъ реалистовъ, какъ Писемскій. Вѣдь нѣкоторыя выраженія и мысли въ мѣстахъ мною приведенныхъ—если забыть только неприличнѣйшій тонъ—имѣютъ много общаго съ выраженіями и мыслями ненавистниковъ „гнилыхъ“, „тронугыхъ тлетворной цивилизаціей“ людей, гонителей Обломовцевъ, реалистовъ, которымъ Печоринъ не можетъ ничѣмъ инымъ казаться, какъ неперебѣсившимся юношей, даже аналитиковъ какъ Толстой, которымъ въ натурѣ такія личности должны казаться невозможными. Однимъ словомъ, во взглядѣ этомъ есть своя доля правды, и эта доля правды выступала впоследствии и въ живыхъ тинахъ литературныхъ, и въ энергическихъ доктринахъ...

Странное дѣло, что доктрины, столь новидимому различныя, какъ доктрина „Маяка“, доктрина славянофильства и доктрина гг. Чернышевскаго и—бова, мирятся у насъ на одномъ—на враждѣ или равнодушіи къ Пушкину, на отрицаніи значенія типа Лермонтовскаго. Еще, можетъ быть, страннѣе то, что, отрицая

истинность Лермонтовскаго типа, всѣ доктрины самому Лермонтову придають значеніе болѣе важное, чѣмъ Пушкину.

Критикъ „Маяка“ понималъ, разбирая Лермонтова, съ какою силою онъ имѣеть дѣло. Эту силу и свое пониманіе принесъ онъ въ жертву теоріи, доктринѣ мрака. Пушкина онъ явно не понималъ, но Лермонтова понималъ несомнѣнно. Мѣсто въ приведенномъ мною отрывкѣ о Пушкинѣ, гдѣ онъ обращается къ „новому“ Пушкину, едва ли прямо не относится къ Лермонтову. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ статьи о стихотвореніяхъ Лермонтова въ XII книжкѣ „Маяка“, того же 1840 года. Статья эта написана въ формѣ письма къ поэту, и заслуживаетъ подробнаго разбора. Человѣкъ умный и понимающій, человѣкъ честный, видимо борется въ ней съ фанатикомъ мрачной доктрины, и фанатикъ — увы! одерживаетъ побѣду надъ умнымъ и честнымъ по натурѣ человѣкомъ. Не смотря на поучительный и назидательный тонъ статьи, въ ней слышно сердце, которому идолослуженіе теоріи, можетъ быть, многого стоило. Это не наглость „Домашней Бесѣды“, хотя послѣ такой побѣды доктрины наглость „Домашней Бесѣды“ является прямымъ логическимъ послѣдствіемъ взгляда „Маяка“.

Статья начинается съ выходки противъ я и его господства въ нашемъ вѣкѣ — выходки, которая была бы и разумна, и правильна, если бы не была такъ голо-отрицательна, еслибы она оставляла этому я его законное существованіе, и еслибы положеніе, что преобладаніе я убило повсемѣстно поэзію, не убивалось само такимъ громаднымъ фактомъ жизни, какъ Байронъ, и такими многознаменательными фактами ся же, этой не поддающейся опредѣленіямъ жизни, какъ Лермонтовъ и Гейне. Кончивши свою діатрибу противъ я, критикъ прямо переходитъ къ Лермонтову.

„Передъ нами („Маякъ“ 1840 г. кн. XII, стр. 152), стихотворенія М. Ю. Лермонтова. Это замѣчательный стихотворецъ, очень и очень не послѣдній, можетъ быть первый изъ нынѣшнихъ стихотворцевъ. *Стихъ славный, стальной: онъ и жется, и уругъ, и звучитъ, и блеститъ отраженіемъ мысли...*“

Неправда ли, что не смотря на старческій тонъ начальныхъ словъ, стихъ Лермонтова опредѣленъ превосходно, точно какъ-бы Бѣлинскимъ, и — замѣтите! — тогда, когда г. Шевыревъ доказывалъ, что стихъ у Лермонтова еще не сложился, еще подражательный, разбиралъ недосмотры и придирался къ грамматиче-

скимъ ошибкамъ. Особенность, *сталь* Лермонтовскаго стиха поняли сразу только Бѣлинскій и — *credite posteri!* — г. Бурачекъ. Послѣдній идетъ даже въ крайность:

„Но отличительное достоинство этого стиха, *которымъ онъ едва ли не превосходитъ все русскіе стихи*: въ немъ столько словъ, сколько нужно ихъ для полнаго и яснаго выраженія мысли. Стихотворецъ, кажется, и не думаетъ о ритмѣ, не разжпжаетъ для полнаго счета стопъ своего стиха вставными ненужными словами. Если совершенный стихъ должепъ въ чтеніи сохранять всю естественность и свободу прозы—а это дѣйствительно такъ—то стихъ Лермонтова очень близокъ къ совершенству...“

Критикъ, но глубокой, инстинктивной враждѣ всякаго теоретика *biens pѣ* къ Пушкину, умалчиваетъ о Пушкинскомъ стихѣ, къ которому естественность, свобода и отсутствіе ненужныхъ вставокъ относятся несравненно въ большей степени, чѣмъ къ Лермонтовскому, но вслѣдъ же за этимъ удивительно мѣтко и точно говоритъ объ особенностяхъ Лермонтовскаго стиха, сравнительно съ стихами другихъ поэтовъ.

„Другое достоинство этого стиха — чистота, скупость на риторическіе орнаменты, даже иногда бѣдность ихъ. Онъ совершенно противоположенъ стиху Бенедиктова, увѣшенному метафорическими серьгами, браслетами, фероньерками, гдѣ брильянтовыми, а *идь*, и *большею частью, стразовыми*, оттого, что въ нихъ иногда, за неимѣніемъ мысли, моуицей играть и отражаться въ тропическихъ граняхъ стиха — „*вода*“, *простая стеклянная вода!* Стихъ Бенедиктова — дѣвочка: сформируется, довоспѣется, образуется — будетъ хорошенькая. Стихъ Лермонтова — мальчишкѣ, рослый, плечистый, себѣ на умѣ. Рѣдко онъ рѣзвится, *еще рѣже онъ играетъ тѣми миленькими пустячками, въ которыхъ многіе находятъ поэзію поэзіи*“.

Да! такое трезвое и даже тонкое пониманіе хоть-бы Бѣлинскому такъ въ пору, особенно, повторяю опять, въ ту эпоху, когда г. Шевыревъ мѣлѣлъ въ пионическомъ восторгѣ передъ Бенедиктовымъ и отыскивалъ грамматическія ошибки въ Лермонтовѣ. Даже камешекъ, бросаеый въ огородъ Пушкина, въ граціозность его поэзіи, брошенъ во имя такого взгляда, съ которымъ можно спорить насчетъ его суровыхъ требованій, но который можно уважать.

„А когда такъ“, спрашиваетъ вслѣдъ затѣмъ критикъ, „то чего жъ еще требовать? Россія можетъ гордиться отличнымъ поэтомъ?“

„Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ!“ *Одною захватили на повалъ*, побережемъ хоть тѣхъ, которые цѣлы еще. Послушайте, умный поэтъ! Пока стихи ваши были въ вашей портфели, они были неприкосновенны для критики. Вы ихъ пустили въ свѣтъ,—неудобно ли вамъ стать поодаль и вмѣстѣ съ нами посмотреть на нихъ глазомъ посторонняго. Это, право, стоить труда.

„Стихъ мы видѣли; сохраните его навсегда такимъ: и — на первой же выставкѣ покажемъ его всей Европѣ. Теперь посмотрите, что въ этомъ стихѣ содержится: его *мысль, содержание*,—его душу“.

Прежде всего критикъ обращаетъ вниманіе на пьесу: „Журналистъ, читатель и писатель“. При первыхъ же строчкахъ этого стихотворенія, т.-е. при словахъ журналиста, онъ, старчески-вѣрующій, что все зло нашей литературы происходитъ отъ захватленія журналистами и пріятелями (это цѣлая общая пѣсія съ покойнымъ Булгаринымъ), дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

„Видите, всему злу причина эти журналисты. Вмѣсто того, чтобъ отъ поэтовъ требовать изобрѣтенія прекрасной дѣйствительности, истины, неразлучной съ добромъ и красотой, они требуютъ отъ нихъ сонныхъ грезъ, *мечтъ* (курсивомъ въ оригиналѣ), да еще и называютъ эти призраки — божественными. Должно быть у нихъ другой лексиконъ вещей и словъ. Не послушайся поэтъ—журналисты не напечатаютъ стиховъ, не дадутъ колоссальной репутации; а не напечатаютъ — нечего будетъ собирать и издавать въ свѣтъ“.

Насколько это несправедливо вообще, и въ особенности у насъ, въ нашей литературѣ, въ которой то и дѣло, что помимо критики и журналовъ возникаютъ литературныя репутаціи поэтовъ, какъ папримѣръ, Полонскій и Мей, и зачастую также холодно приписываются увѣнчанныя журнальными лаврами репутаціи,— нечего кажется и спорить. У критика „Маяка“ это просто его *idée fixe*, такая же по отношенію къ Пушкину, какъ у Булгарина по отношенію къ Гоголю.

Закончивши первоначальную выписку строфою поэмы, начинающеюся вопросомъ: „о чемъ писать?“ — критикъ говоритъ:

„Вы сущую правду сказали, умный поэтъ; *вамъ „не о чемъ писать“*, а все журналисты виноваты! Бѣгайте ихъ! Не будь ежемѣсячной повинности, оброка *поставки стиховъ къ сроку*, вы бы, можетъ быть, добровольно написали цѣлую поэму, а изъ-подъ неволи: „пиши, давай стиховъ!“ да еще стиховъ по нашей теоріи, чтобъ были *могучіе, раздирательные* (курсивъ въ оригиналѣ), безъ

всякой цѣли, а пуще всего — непременно въ честь и славу я, которое терпѣть не можетъ „нравственныхъ сентенцій“, „нравоченій“, или, что одно и то же по новѣйшему толкованію, „китайскаго духа“. Да ко всему этому, чтобъ были еще и новенькіе, съ новою оригинальною мыслью. *Ничто не ново подъ луною!* (курсивъ въ оригиналѣ.) Данныя все тѣ же отъ созданія міра, — гдѣ же набраться новенькаго? Поневолѣ бросишься въ свое я, оно теперь гигантски шагаетъ, молодеетъ, новѣетъ, свобода у него полная; софизмы, призраки, все, что идетъ наперекоръ всему, признанному за истинное здравымъ смысломъ всего человѣчества, однимъ словомъ, — полный просторъ: пиши, что душѣ угодно, только бы не совпадало съ тѣмъ, о чемъ прежде писали — и будетъ оригинально“.

Здѣсь опять выступаетъ намѣренное непониманіе; все каирзное, больное настроеніе поэта принимается за чистую монету, и когда поэтъ кончаетъ свою желчную и грустную тираду опять тѣмъ же вопросомъ: *о чемъ писать?* критикъ хватается за этотъ вопросъ, и ибѣтъ мѣры его торжеству надъ современностью.

„Итакъ, поэтъ“, — говоритъ онъ, — „вамъ не о чемъ писать? Вы это говорите *не шутя, настойчиво, повторяете не разъ*. И такъ, вы дѣлали ваши поиски въ мрачной странѣ я, и за иредѣлами этого мрака ничего болѣе не видите? Ежели это такъ, то я согласенъ, что вамъ не о чемъ писать: вы, точно, ничего не видите, потому именно, что сидите упорно въ потемкахъ я; это ужасное я не вамъ чета людей слѣпило. По кто же вамъ далъ право думать, что если вы не видите, то ужъ ничего и нѣтъ? За страную мрака есть страна свѣта, — зачѣмъ вы туда нейдете? Тамъ, во свѣтѣ и при свѣтѣ вы увидите чудныя тайны мірозда-нія, устроеннаго по чертежу добра, истины и красоты“...

Нѣсколько страницъ ратуетъ критикъ такимъ образомъ противъ я, привязывается къ „Думѣ“, чтобы побранить наше поколѣніе, намѣренно принимаетъ случайный поэтический моментъ: „И скучно, и грустно...“ за убѣжденіе поэта и его поколѣнія... Всѣ эти воззрѣнія выражены впрочемъ серьезно и съ полнымъ уваженіемъ къ таланту автора. „Вопіющаго“ въ нихъ нѣтъ ничего, многое изъ этого сказано было впоследствии и реализмомъ, и разными доктринами; борьба противъ я обнаружилась впоследствии при появленіи блѣднаго сколка съ „Героя нашего времени“ — „Тамарина“ ¹⁾, и нашла себѣ отголосокъ въ массѣ. Чуть-было даже борьба

1) „Тамаринъ“ — повѣсть М. В. Авдѣева.

эта не перешла за предѣлы доктринъ. Во всякомъ случаѣ, то, что говорилъ „Маякъ“, повторялось.

Но это вовсе не торжество идеи „Маяка“, а торжество тѣхъ началъ, которыя онъ выставялъ на защиту своей идеи.

Идея же была — чистый шишковизмъ, шишковизмъ, который совершенно подавилъ даже и такой прямой и честный умъ, какъ умъ критика „Маяка“. Странное дѣло! Можно ли узнать вѣрнаго и тонкаго цѣнителя Лермонтовскаго стиха въ слѣдующей оцѣнкѣ, — а оцѣнка эта очень знаменательна. Дѣло идетъ объ одномъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній Лермонтова, о „Бородинѣ“.

„Прекрасная вещь у васъ, поэтъ, „Бородино“, — говоритъ критикъ. Но „Бородино“ такая колоссальная поэма, *что простому усачу даже не понять колоссальныхъ ея элементовъ. Объ этой вещи надо писать отзывымъ перомъ О. Н. Глинки.* Вы сдѣлали большую ошибку, что не взяли труда на себя, а поручили усачу. Это произведение было бы въ тысячу кратъ выше и „Пѣсни про царя Ивана Васильевича“, и „Мцыри“, — двухъ серьезныхъ поэмъ, гдѣ вы вполне показалп себя“ и проч.

Что это такое? спрашиваете вы себя съ невольнымъ удивленіемъ. Глубокая и тонкая оцѣнка Лермонтовскаго стиха, серьезность мысли и доктрины хотя односторонней въ борьбѣ съ я, и вмѣстѣ съ тѣмъ привязанность къ ходульности... Лермонтовъ и О. Н. Глинка, — правда поэзіи, или поэзія нравды, и смѣшная восторженность, — сталь и шумиха! Логическая рѣчь мужа превращается вдругъ въ старческую болтовню; человѣкъ, способный понимать значеніе Лермонтова, требуетъ вдругъ отъ поэзіи того, надъ чѣмъ уже и Дмитріевъ насмѣялся, требуетъ, чтобы были

и Фебъ, и райски крпы,

требуетъ того, чего

Нехитрому уму не выдумать и ввѣкъ...

Еще знаменательнѣе мѣсто о „Пѣсни про царя Ивана Васильевича“. Критикъ, повидимому понявшій всю красоту и силу поэмы, вдругъ, выписавши удивительное мѣсто о казни Степана Калашникова, замѣчаетъ, что „такія страницы, сказалъ Сегюръ, не достойны даже исторіи, не только поэзіи“... (какъ будто бы кому-нибудь нужно еще принимать къ свѣдѣнію, что сказалъ Сегюръ!), — относить „подобныя сцены кроваваго, бурнаго молодечества“ къ неистовствамъ словесности, съ ироніей потомъ называетъ Папо-

леона „молодцомъ изъ молодцовъ“, съ замѣчательною тупостью ирицаеть „Три пальмы“ за то, что караванъ срубилъ и сжегъ единственныя три благодѣтельныя пальмы въ песчаной пустынѣ, закрывавшія колодець съ водою, а „Дары Терека“ за то, что тутъ есть два утопленника. Изумительно!

Критикъ переходитъ, наконецъ, къ „Мцыри“. Выписавши стихи:

Однажды русскій генераль,
Изъ горъ къ Тифлису подъѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго опъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути:
Опъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ пугливъ и дикъ,
И *слабъ* и гибокъ какъ тростникъ.
Но въ немъ мучительный *недузь*
Развилъ тогда *могучій* духъ
Его отцовъ—

опъ начинаеть новую діатрибу уже не противъ *я*, а противъ звѣрства, какъ будто апооеозу звѣрства хотѣлъ представить поэтъ въ своемъ „Мцыри“!

„Надоѣлъ этотъ *могучій* духъ! Воспѣванія о немъ поэтовъ и мудрованія о немъ философовъ удивительно жалки и приторны. Что такое *могучій* духъ? Это—*дикія движенія челоуька, не вышедшаго еще изъ состоянія животнаго, въ которомъ Я свирѣпствуетъ необузданно*“.

Другими словами, могучій духъ—неукротимая страстность, и съ нею-то, не только съ неукротимою страстностью, но вообще съ страстностью борется доктрина „Маяка“,—доктрина крайне односторонняя, проведеніе которой въ жизни удовлетворило бы развѣ только идеалу скопческихъ сектъ. А добрый и умный старикъ Крыловъ, который уменъ и не въ одиѣхъ басняхъ, прекрасно сказалъ въ своемъ посланіи о пользѣ страстей, что

Онъ ведутъ науки къ совершенству,
Глупца ко злу, философа къ блаженству.
Хорошъ сей міръ, хорошъ; но безъ страстей
Онъ кораблю бѣ былъ равенъ безъ снастей.

„Могучій духъ въ *медвѣдѣ, барсѣ, василискѣ, Ванькѣ Каинѣ, Картушѣ, Робеспьерѣ, Пугачевѣ, въ дикомъ горцѣ, въ Александрѣ Македонскомъ, въ Цесарѣ, въ Наполеонѣ*—одинъ и тотъ же родъ: дикая, необузданная воля, естественная въ звѣрѣ, преступная въ челоуькѣ, тѣмъ болѣе преступная, чѣмъ онъ просвѣщеніе...“

Вотъ оно слово разгадки! Ванька Каинъ—явленіе совершенно однородное съ Наполеономъ и Александромъ Македонскимъ, ибо тотъ и другой однородны съ барсомъ, медвѣдемъ, василискомъ!

Письмо благодушнаго М. П. Загоскина, помѣщенное въ IV книжкѣ—наконецъ-таки принесло свой плодъ въ XII-й!..

Съ этого момента взгляды „Маяка“ естественно перестаютъ уже подлежать серьезному спору и серьезному обсужденію...

III.

„Мы рѣдко оставались наединѣ“—такъ повѣствуетъ герой одного изъ Загоскинскихъ романовъ о началѣ недозволенной и законопреступной страсти къ женѣ пріятели,—„а когда это случалось, то говорили о нашей дружбѣ, о счастіи двухъ душъ, которыя понимаютъ другъ друга, читали вмѣстѣ „Новую Элоизу“, „Вертера“, Августа Лафонтена. Закамской отгадалъ: мы трогались, плакали, раза три принимались перечитывать „Бѣдную Лизу“, „Наталью боярскую дочь“ и „Островъ Борнгольмъ“;—но, что болѣе всего нравилось Надинѣ, что мы знали оба почти наизусть, такъ это небольшой драматическій отрывокъ: „Софья“, *особенно замѣчательный по своему необычайному сходству съ сочиненіями французскихъ романистовъ нашего времени. Читая его, мы такъ сказать предвкушали наслажденіе, которое доставляетъ намъ теперь молодая французская словесность. Этотъ литературный грѣхъ* великаго писателя, едва начавшаго свое блестящее поприще, не помѣщенъ въ полномъ собраніи его сочиненій и, быть можетъ, многіе изъ моихъ читателей не имѣютъ о немъ никакого понятія...“ („Искуситель“, сочин. М. Загоскина. Москва, 1854 г., третье изданіе, ч. III, стр. 54).

Позволяю себѣ и я напомнить современнымъ моимъ читателямъ, по крайней мѣрѣ большинству изъ нихъ, что этотъ грѣхъ принадлежитъ Карамзину. Въ Смирдинскомъ изданіи полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ они найдутъ его въ сочиненіяхъ Карамзина, т. III, стр. 283. Въ литературномъ смыслѣ—это дѣйствительно грѣхъ, и грѣхъ, который въ наше время не можетъ быть прочитанъ безъ смѣха, болѣе даже, чѣмъ „Бѣдная Лиза“, „Наталья, боярская дочь“, „Островъ Борнгольмъ“ (наименѣе впрочемъ смѣшной изъ этихъ разсказовъ, не лишенный даже нѣкотораго жиденькаго, но сумрачнаго колорита). Загоскинъ, или герой его романа, очень смѣшно и даже остроумно, хотя не вездѣ вѣрно, передаютъ всю нелѣпость содержанія этого драматическаго отрывка:

„Вотъ въ чемъ дѣло: Софья, молодая и прекрасная женщина, *точь-въ-точь одна изъ героинь Бальзака или Евгенія Сю*, вышла замужъ, по собственной своей волѣ, за г. Доброва, шестидесятилѣтняго старика, такого же самоподательнаго и услужливаго мужа, *каковъ мосье Жакъ въ романъ извѣстнаго Жоржа Занда, или лучше сказать благодѣтельной 2-жи Дюдеванъ*. У этого Доброва, Богъ вѣсть почему, живетъ какой-то французъ Летьень; онъ соблазняетъ Софью. Софья рѣшается сказать объ этомъ своему мужу, и просить у него позволенія уѣхать съ своимъ любовникомъ въ Брянскіе лѣса. Старый мужъ удивляется, не вѣритъ; но Софья объявляетъ ему, что она уже три года въ интригѣ съ французомъ, и что сынъ, котораго Добровъ называетъ своимъ, не его, а ея сынъ. Старикъ начинаетъ кричать, шумѣть, передаетъ ее проклятію; съ нимъ дѣлается дурно; потомъ онъ приходитъ въ себя, плачетъ, импровизируетъ ужасные монологи, просить у жены прощенья, становится передъ ней на колѣни. *Но Софья женщина съ характеромъ*: она говоритъ пречувствительныя рѣчи, и все-таки не хочетъ съ нимъ остаться и просить позволенія уѣхать съ французомъ. Наконецъ великодушный *мужъ соглашается*, закладываютъ карету, и добродѣтельная супруга отправляется съ мосье Летьень въ Брянскіе лѣса“.

Должно замѣтить, что здѣсь нашъ добрый романистъ переселилъ. Какой бы ни былъ нравственный либераль Карамзинъ въ свою эпоху,—а все-таки онъ не дошелъ еще до теоріи добровольнаго соглашенія, такъ „блистательно“ выдвинутой въ наши дни авторомъ „Подводнаго камня“. Вы думаете, читатель, что „Подводный камень“ вещь новая? Разуверьтесь! Еще Карамзинъ задавался этою мыслью. По у него, какъ у человѣка болѣе свѣжаго, менѣе зараженнаго теоріей, Добровъ вовсе не съ миромъ отпускаетъ отъ себя Софью. Когда она, прощаясь съ нимъ, бросается къ ногамъ его и рыдая говоритъ: „Въ послѣдній разъ прошу тебя, забудь меня! Въ послѣдній разъ...“ Добровъ вырывается и, раздражительно говоря: „желаю вамъ всякаго добра“, уходитъ въ кабинетъ. Софья бросается къ дверямъ, но онъ запираетъ ихъ. Карамзинъ еще былъ не теоретикъ, онъ только поставилъ вопросъ, а не рѣшилъ его, какъ г. Авдѣевъ, который опередилъ, куда ужъ его,—но даже автора великаго психологическаго романа: „Кто виноватъ“; потому: г. Авдѣевъ—молодецъ, „молодецъ изъ молодцовъ“, выражаясь слогомъ г. Бурачка.

„Все это“, продолжаетъ рассказчикъ—„какъ изволите видѣть, *очень натурально*, но конецъ еще лучше. Жить вѣчно въ лѣсу вовсе не забавно. Французъ начинаетъ скучать и, отъ нечего дѣ-

лать, волочится за Парашею, горничной дѣвушкою Софьи. Барыня замѣчаетъ, ревнуетъ, французъ крадетъ у нея десять тысячъ рублей и уговариваетъ Парашу бѣжать съ нимъ въ Москву. Софья ихъ подслушиваетъ, кидается на француза, рѣжетъ его ножомъ, потомъ сходитъ съ ума, бѣгаетъ по лѣсу, разговариваетъ съ *бурными вѣтрами* и кричитъ: „моря, пролейтесь!“ Подлинно сумасшедшая! Ну, какія моря въ брянскихъ лѣсахъ? Къ концу довольно длиннаго монолога, который напоминаетъ сначала Шекспирова „Царя Лира“, а подъ конецъ его же „Макбета“, Софья подбѣгаетъ къ рѣкѣ, кричитъ: „вода, вода!“, бросается съ берега и тонетъ...“

Все это такъ, все это рассказано уморительно вѣрно—но не литературную нелѣпость юношеской попытки Карамзина казнить здѣсь добродушнѣйшей и талантливѣйшей изъ шишковистовъ, а „безнравственность“ ся содержанія и—вредное ея вліяніе. Вы удивляетесь, конечно, что же нашелъ онъ тутъ безнравственнаго, и какое вредное вліяніе могло отъ „Софьи“ происходить?.. А вотъ послушайте:

„Однажды“, рассказываетъ героиня—„это было уже зимою, часу въ девятомъ вечера, я заѣхалъ къ Днѣпровскимъ. Мужа не было дома; несмотря на ужасную вьюгу и морозъ, онъ отиравился въ англійскій клубъ. Падина была одна. Она сидѣла задумавшись передъ столикомъ, на которомъ лежала разогнутая книга; мнѣ показалось, что гласа у нея заплаканы.

— Что съ вами?..—спросилъ я.—Вы что-то разстроены?

— Такъ, ничего!—отвѣчала Падина:—я читала..

— „Софью?..“—сказалъ я, заглянувъ въ книгу.

— Да. Странное дѣло, я знаю наизусть эти прелестныя сцены, и всякій разъ читаю ихъ съ новымъ наслажденіемъ.

— Чему жъ вы удивляетесь? Одно посредственное теряетъ вмѣстѣ съ новостью свое главное достоинство; но то, что истинно превосходно...

— Повѣрите ли?—продолжала Падина,—мой мужъ, котораго я говорила прочтите этотъ драматическій отрывокъ, говорить что въ немъ нѣтъ ничего драматическаго; что пошлый злодѣй Летьень походитъ на самаго обыкновеннаго французскаго парикмахера; что Софья гадка; что мужъ ея *вовсе не эсалокъ, а смѣшонъ и очень мутъ!* Боже мой! до какой степени можетъ человѣкъ изсушить свое сердце! То, что извлекаетъ невольныя слезы, потрясаетъ душу нашу, кажется ему и пошлымъ и смѣшнымъ! Я уважаю Алексѣя Семеновича: онъ очень добрый человѣкъ, и любитъ меня столько, сколько можетъ любить; но согласитесь, Александръ Михайловичъ, такое отсутствіе всякой чувствительности въ человѣкѣ, съ которымъ я должна провести всю жизнь мою, ужасно!“

Никому, конечно, въ наше время, при чтеніи „Софьи“ Карамзина, не придетъ въ голову мысль о томъ, что это—произведеніе для нравственности вредное. „Софья“ просто—плохая вещь, и потому, конечно, великій писатель исключилъ ее изъ собранія своихъ сочиненій. Но въ ту эпоху, даже и его „Софья“—какъ сказалъ я уже въ моей вступительной статьѣ—возбуждала въ поборникахъ шишковизма благочестивый ужасъ; ибо вся его молодая литературная дѣятельность имѣла одну задачу—смягчить *жестокіе* нравы, его окружавшіе. Поборникамъ старыхъ идеаловъ, поборникамъ „жестокихъ“, но крѣпкихъ нравовъ, такое смягченіе казалось растлѣніемъ...

И вотъ, когда оппозиція „жестокихъ“ нравовъ, сбросивши съ себя личину борьбы за старый и новый слогъ, выступила прямо въ „Маякѣ“ въ сороковыхъ годахъ,—она неминуемо должна была въ концѣ-концовъ признать „растлѣніемъ“ всю нашу литературу, отъ Карамзина и до Лермонтова включительно. Умѣренный тонъ, взятый „Маякомъ“ съ начала его существованія, не могъ быть долго выдержанъ... Задача его, направленіе—заклучались вовсе не въ философско-мистическихъ принципахъ: философско-мистическіе принципы только употреблены были на службу теоріи застою, на защиту „жестокихъ“ нравовъ...

Такъ какъ всякая теорія должна же опираться на какіе-либо факты дѣйствительности, то „Маякъ“ опирался сначала на старую литературу нашу XVIII вѣка. Впослѣдствіи, онъ и ее почти всю сталъ укорять въ деизмъ, безнравственности,—и въ ней увидѣлъ ступень, которая вела къ ненавистной и враждебной ему современности.

Противъ ненавистныхъ и враждебныхъ ему силъ жизни застой долженъ былъ выставить какіе либо *свои* идеалы, противъ литературы растлѣнія—свою литературу.

Ея не было въ прошедшемъ, пбо въ этомъ прошедшемъ „Маякъ“ видѣлъ или явленія совершенно вымершія, какъ Херасковъ,—явленія, которыя нельзя было навязать жизни насильно,—или явленія живыя весьма подозрительнаго для него свойства, какъ Фонъ-Визинъ, Карамзинъ. Ея не было и въ настоящемъ. Единственный писатель, на котораго направленіе могло указать, былъ даровитый и благодушный литературный Фамусовъ,—М. Н. Загоскинъ.

„Маякъ“ долженъ былъ *сочинять* свою литературу, и дѣйстви-

тельно *сочинялъ* ее цѣлыхъ четыре года, сочинялъ и романы, и комедіи, и стихотворенія,—но все это *сочиненное* подлежить уже, наравнѣ съ критическими статьями г. Мартынова, мнѣніями „Домашней Бесѣды“ и „новымъ Асмодеемъ“ г. Кочки-Сохрана ¹⁾ уже не литературнымъ, а патологическимъ изслѣдованіямъ. *Сочиненіями* своими застою окончательно подорвалъ себя.

Можно сказать даже, что ярость застоя, бессильная и смѣшная въ проявленіяхъ, содѣйствовала къ полному и, на время, исключительному торжеству отрицательнаго взгляда—наглядно показывая своимъ безсиліемъ его силы.

Ибо за отрицательный взглядъ были въ то время жизнь и литература.

---

¹⁾ *Кочка-Сохрана*—псевдонимъ В. И. Аскоченскаго.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Ѳ. Саводника.

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски:

- Выпускъ 1-й. Автобіографія Апол. Григорьева: „Мои литературныя и нравственныя скитальчества“ (съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника). Ц. 60 к.
- Выпускъ 3-й. Развитие идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина. Ц. 50 к.
- Выпускъ 5-й. „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Ц. 15 к.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени:

- Выпускъ 2-й. Парадоксы органической критики (съ критической статьей В. Саводника).
- Выпускъ 4-й. О правдѣ и искренности въ искусствѣ.
- Выпускъ 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.
- Выпускъ 7-й. Лермонтовъ и его направленіе.
- Выпускъ 8-й. Гоголь и его Переписка съ друзьями.
- Выпускъ 9-й. Русская литература въ срединѣ XIX вѣка (Бѣлинскій и его „историческая критика“).
- Выпускъ 10-й. И. С. Тургеневъ и его литературная дѣятельность.
- Выпускъ 11-й. О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ.
- Выпускъ 12-й. Раннія произведенія гр. Л. Н. Толстого.
- Выпускъ 13-й. Поэзія Некрасова.
- Выпускъ 14-й. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны.